

Министерство образования и науки Российской Федерации

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Гуманитарный институт

**КОММУНИКАЦИЯ
В ПОЛИКОДОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
ЛИНГВО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ,
ДИДАКТИЧЕСКИЕ, ЦЕННОСТНЫЕ
АСПЕКТЫ**

Материалы международной научной конференции

Санкт-Петербург
2015

УДК 811.161.(038)
К63

Коммуникация в поликодовом пространстве: лингво-культурологические, дидактические, ценностные аспекты : материалы междунар. науч. конф. — СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2015. — 217 с.

Научные редакторы:

доктор педагогических наук, профессор *Н. И. Алмазова*
доктор филологических наук, профессор *В. Е. Чернявская*

В сборнике материалов международной научной конференции, состоявшейся в Санкт-Петербурге в мае 2015 г., представлены основные положения докладов исследователей различных научных школ и университетских центров по междисциплинарным проблемам поликодовости, поликультурности, межъязыковой коммуникации. Рассматривается семиотическая гетерогенность текста и дискурса, культурно-языковая специфика коммуникативно-речевых процессов, взаимодействие различных кодовых систем в практике преподавания иностранных языков.

Адресовано лингвистам, культурологам, философам, специалистам по теории перевода, методике преподавания иностранных языков.

ISBN 978-5-7422-4844-6

© Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого, 2015

ПЛЕНАРНЫЕ ЗАСЕДАНИЯ

Абрамян С.А. (Ереван, Армения)

ЛИНГВО-КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

Проблемы, возникающие в ходе межкультурного общения главным образом обусловлены отсутствием общности сознаний коммуникантов. Лингво-когнитивный подход к коммуникации позволяет выявлять, анализировать и структурировать то, что имеет непосредственное отношение к национальным особенностям сознания. Даже универсальные концепты, например, мать, отец, семья, дом и др. в разных лингвокультурах могут иметь свою национально-культурную специфику, свои культурно-обусловленные фреймовые структуры, свои символические значения.

Согласно Дж. Лакоффу, люди используют фреймы – глубинные ментальные структуры, отражающие их понимание мироустройства – для понимания фактов, ибо факты сами по себе ничего не говорят, их надо объяснять и интерпретировать, а это делается на основе существующих ценностей, набор и приоритет которых может быть разным в разных культурах.

Фреймы являются не только средством коммуникации, но и индикатором локутивной силы высказывания, т.е. того, как адресант желает, чтобы его высказывание было понято адресатом из всего набора возможных интерпретаций. Таким образом, фреймам как коммуникативным моделям принадлежит важная роль в формулировании коммуникативных целей.

Эффективность техники фреймирования связана со способностью использования языка в компактной, яркой и запоминающейся форме с целью привлечения внимания слушающего к самому важному смыслу высказывания или, наоборот, отвлечения от него. Существуют разные способы фреймирования, среди которых можно выделить использование метафор, жаргонных слов, брошенных фраз или лозунгов, прибауток, пословиц, противопоставлений, кратких рассказов и даже анекдотов. Все они преследуют цель создания более яркого, понятного и запоминающегося образа. Однако, в разных культурах указанные средства фреймирования могут быть разными и не понятными для представителя иной культуры.

Оценка окружающего мира основывается на системе ценностей, принятой данным обществом. Как показывают исследования, проводимые в рамках существующих методик кросскультурного измерения культур, например, «культурного синдрома» Г.Триандиса, «измерения культур» Г.Хофстеде, теории ценностей личности и культуры Ш.Шварца и др., система ценностей зависит не только от этнических характеристик и личностного опыта, но и социально-экономических, общественно-политических и культурно-исторических условий, влияющих на то, какие именно ценности оказываются более актуальными

– традиционные ценности или ценности секулярно-рациональные, ценности выживания или ценности самовыражения (Р.Инглхарт К. Вельцель).

На основе ценностей формируются личностные и социально-культурные нормы поведения. В их число входят и речевые стратегии и тактики, обладающие, наряду с универсальными чертами, достаточно яркой культурной маркированностью, выражающейся, в частности, в использовании тех или иных коммуникативных стратегий и тактик, в способах их вербализации, в принципах сочетания различных коммуникативных стратегий и тактик друг с другом и др. Многие коммуникативные категории и концепты, как, например, «вежливость», «грубость», «сохранение лица», «коммуникативное давление», «эмоциональность», «молчание», «категория тематики общения» и др. имеют свою специфику в разных культурах, что требует детального анализа и изучения в ходе обучения иностранному языку.

Имиджевые публикации:

1. Речевая коммуникация в контексте национально-культурных различий // Университетский научный журнал. Humanities and Science University Journal. Санкт-Петербургский университетский консорциум. № 4, 2013. С. 62-70.

2. Речевой этикет в контексте межкультурных различий // Филология в XXI веке: материалы Всерос. науч. конф., Пермь, 8 апреля 2013 г. / отв. ред. Н.В. Соловьева; Пермь; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2013. С. 6-13.

3. Психолингвистические особенности межкультурной коммуникации // Стереотипность и творчество в тексте. Межвузовский сборник научных трудов. Вып.16. Пермь: Изд-во Пермского гос. национ. исслед. ун-та, 2012, с.54-61

4. Речь в контексте межкультурной коммуникации (монография). Ереван: Изд-во Ереванского гос. университета, 2013.

Беляева Л.Н. (Санкт-Петербург, Россия)

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ: СОСТАВ И СТРУКТУРА

Образовательная среда, рассматриваемая как совокупность условий реализации учебного процесса, является современной и инновационной только тогда, когда в ней обеспечивается полноценная поддержка не только самостоятельной работы обучающихся, но и профессиональной и научной деятельности преподавателей. Переход к стандартам третьего поколения требует особого подхода к формированию активной работы обучающихся, к их способности к самостоятельной постановке и решению различных профессиональных задач, что возможно только в условиях использования современных информационно-коммуникативных технологий. Тем самым определяется, что современная образовательная среда должна быть высокотехнологичной, что обеспечивает эффективность рабочего пространства всех участников процесса обучения и образовательной среды в целом. Следовательно, необходима разработка не только структуры соответствующей высокотехнологичной информационной среды, но

и средств реализации конкретных функций системы, необходимой для ее поддержки и использования.

Все ресурсы образовательной среды можно разделить на информационные и технологические (программные). Такое деление не зависит от типа пользователей, их принадлежности к гуманитарной или естественно-научной сферам образования и науки, не зависит от конкретных решаемых ими задач. Предметная ориентированность информационных ресурсов определяет целесообразность их иерархизации, т.е. выделения терминальных узлов (баз) и узлов высокого уровня (универсальных). При этом терминальные узлы (базы или корпуса) соответствуют реализуемым в вузе специализациям образования, т.е. достаточно узким и релевантным именно для конкретной образовательной среды областям знаний.

Подготовка технических переводчиков сегодня должна коренным образом измениться, поскольку сам перевод стал частью технологического процесса, а переводчик реально работает в высокотехнологичной среде, часто в команде (особенно в различных производственных и научных организациях, фирмах и корпорациях), привлекая лингвистические электронные ресурсы и обмениваясь информацией с коллегами. Сегодня именно деятельность переводчика оказывается базой для оперативного извлечения и дальнейшего анализа информации. Особенно важными в этом случае являются характеристики быстроты выполнения и высокого качества перевода, поскольку перевод, выполненный поздно или некорректно, может привести к последствиям если не трагическим, то критическим, особенно в областях, связанных с реальным риском для жизни и здоровья (в медицине, сейсмостойкости, атомной энергетике и т.д.).

Лингвистические технологии, реализуемые в высокотехнологичной образовательной среде и необходимые как переводчикам, так и специалистам в конкретных областях знаний, должны быть базой для решения ряда задач, возникающих на разных этапах и уровнях обучения и исследования:

- автоматический поиск, извлечение и обогащение информации и знаний, получаемых из различных мультимедийных и многоязычных источников;
- межъязыковое или многоязычное извлечение, презентация и распространение информации;
- автоматическое обнаружение и “отслеживание” новой фактографической информации из неструктурированных данных;
- автоматический анализ источников знаний для обеспечения разметки знаний и доступа к ним;
- поддержка вопросно-ответного взаимодействия человека и компьютера для извлечения знаний из источников различной природы, структуры и состава;
- поддержание дистанционного обучения в системах открытого образования;
- создание интеллектуальных средств поддержки автоматизированного ведения библиографической работы, анализа и понимания документов.

Проведенные исследования позволили установить те виды ресурсов, которые целесообразно организовать как базы данных, необходимых для поддержа-

ния деятельности различных пользователей в современной образовательной среде, к ним относятся:

1) база полнотекстовых корпусов, включающая учебные и научные тексты, извлекаемые из фондов библиотек, корпуса проблемно-ориентированных текстов, структурированных по предметным областям и языкам для специальных целей, коллекции учебных ресурсов;

2) база оперативно получаемых и пополняемых переводов специальных научных текстов, выполняемых в рамках обучения, самостоятельной работы и подготовки к экзаменам по иностранным языкам на разных факультетах и различных уровнях обучения;

3) многофункциональная и многоязычная база переводных словарей, оперативно поддерживаемая и обновляемая в рамках обучения иностранным языкам и научной деятельности аспирантов и преподавателей, жестко ориентированная на разные области знаний, языки для специальных целей и задачи факультетов;

4) база электронных учебников и учебных пособий, образовательных программ и учебно-методических комплектов к ним; электронные версии источников предметно-ориентированной информации;

5) база средств поддержки автоматизации анализа текстов, включающая программные комплексы для автоматического перевода, информационного поиска, реферирования, извлечения терминологии и т.д.;

6) комплекс систем обучения и тестирования в рамках различных образовательных программ и видов самостоятельной работы.

Создание и поддержание такого комплекса обеспечит оперативное извлечение информации из различных источников и формирование знаний, что определяет успешность как обучения, так и проводимых исследований.

Имиджевые публикации:

1. Беляева Л.Н. Потенциал автоматизированной лексикографии и прикладная лингвистика // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. № 134, СПб, 2010. С.70–79.

2. Беляева Л.Н. Автоматизированная лексикография: гуманитарные технологии. Монография. – СПб: Изд-во РГПУ им.А.И.Герцена, 2011. – 96 с.

3. Беляева Л.Н. Лингвистические ресурсы информационной образовательной среды: состав, структура, функции // Известия РГПУ им. А.И.Герцена. № 171, СПб, 2014. С. 47-52

4. Беляева Л.Н., Пиотровская К.Р. Сетевой инструментарий лингвиста. Материалы для учебно-методического сопровождения дисциплины. Часть I. Допущено УМО МО РФ в качестве учебного пособия. – СПб: ООО «Книжный дом», 2014. – 48 с.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА КАК ПОЛИКОДОВАЯ АСИММЕТРИЧНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Современная реальная тотальная война перешла в формат постоянной информационной войны, имеющей поликодовый характер, поскольку в передаче информации получателю участвует не только текст, система его построения и закономерности организации, но включаются дополнительные знаковые системы. Знаки тесно связаны с функциями, которые выполняют, поэтому важно осознать, что в информационной войне задействованы все пять чувств человека, и знаки, воздействующие на эти пять чувств, могут классифицироваться по той субстанции, которая является закононосителем.

Цель настоящей статьи – показать комплексное воздействие на массовое сознание, проявляющееся особенно ярко в период тектонических сдвигов в мировой политике. В статье приводятся актуальные примеры из массовой коммуникации, в которых политический дискурс формирует общую информационную повестку и влияет на отражение реальной действительности, существенным образом трансформируя ее восприятие в глазах массового адресата. Особенно ярко это проявляется в информационной войне, которая ведется уже более года и которая существенным образом повлияла на медийную повестку, существенно повлияв на ценностные установки общества.

Прежде всего, конечно, главным орудием информационной войны по-прежнему является **слово**. **Число** наравне со словом обладает воздействующим потенциалом, не случайно глаголы читать и считать имеют общий корень и общую этимологию, а цифирь имела и буквенную запись (читать – счесть буквы). Гипноз числа в единстве со словом не допускают верификаций и разночтений, что особенно ярко иллюстрируют, например, приводимые в СМИ различные рейтинги политиков и опросы общественного мнения. А для мемориальных текстов актуализированное цифровое обозначение носит дополнительный сакральный характер, обозначая начало и исход пути.

В информационную войну вступает и **цвет** (не случайным является и терминологическое словосочетание «цветные революции»). Вспомним недавние истории с георгиевскими и белыми, желтыми ленточками, оранжевыми флагами, «желто-блакитными» стягами на улицах наших городов и желтых ленточек в Гонконге, маркерами профилей в социальных сетях: белая галочка в виде ленты, георгиевская ленточка, желто-голубой аватар, красная кнопка «Навальный». Цвет как маркер «свой-чужой» в условиях информационной войны является визуальным опознавательным знаком – человек еще до вступления в общение уже заявляет о своей идеологической позиции, которая приобретает символический статус «охранителя» или «борца с режимом».

Информационная война выходит за рамки медийного поля и проявляет себя в переименований улиц, площадей, городов, реконструкций исторических событий, демонтажа мемориальных досок и сносом памятников, формируя зону отчуждения между своими и чужими с последующим обсуждением описанных процессов в СМИ.

Необходимость в комплексном воздействии на все органы чувств получателя основывается на том, что информационная война в основе своей основывается на вере, которая подменяет собой или вытесняет на периферию реальное знание об окружающей действительности, поскольку речевое воздействие затрагивает эмоциональную, иррациональную сферу и потому находится в противоречии с логической рациональной аргументацией. Именно **поликодовое перформансное действие**, сценарий по принципу массового флешмоба (митинги, марши, акции протеста) оказывает сильный эффект вовлечения в событие, делает личность сопричастной происходящему, создает иллюзию соавторства, что неизбежно затушевывает критичность к происходящему, поскольку нивелирует способность к рефлексии.

Технология поликодовой манипулятивной коммуникации аккумулирует в себе многоканальность, суггестивность и асимметричность, базируясь на пропагандистской модели, широко применяющейся в традиционных и сектантских религиозных практиках, что и объясняет ее эффективность. Разрушение барьера между верой и знанием является основой для построения манипулятивных коммуникаций в информационном противостоянии. Формирование агрессивной информационной повестки с ключевыми маркерами «свой» - «чужой» равно по сути дела созданию новой религии.

Викулова Л.Г. (Москва, Россия)

ЛЕГИТИМАЦИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ: ФРАНЦУЗСКАЯ АКАДЕМИЯ

Коммуникация в науке, понимаемая как совокупность форм и процедур общения в научном сообществе (Чернявская 2011), изначально направлена на развитие знания. При этом существенным этапом в становлении научного познания является вербализация полученного знания. Основная цель предпринимаемого в докладе анализа заключается в том, чтобы показать, при каких условиях стала возможной успешная научная коммуникация в рамках такого инновационного института, как Французская Академия. Предметом исследования в докладе является процесс возникновения и функционирования знаков власти в научном социуме Нового времени.

Интерес общества к проблеме легитимации знания стал началом активного поступательного процесса социальной и научной коммуникации в рамках нового социального института, ставшего впоследствии Французской Академией, объединившей единомышленников, которые отстаивали с момента своего организационного существования значимость французского языка в становлении государства. Рассмотрение деятельности Академии, как государственного института, так и в качестве своеобразной лингвистической лаборатории, в семиотическом аспекте позволяет обратиться к процессам стратификации науки в данный период развития научно-теоретического знания, формированию научного сообщества и коллективных форм организации научной работы. Рост престижа и легитимности нового института был обусловлен участием в этом процессе элитарной части социума: новая этическая ситуация в кругу

образованной французской аристократии, основного контингента салонов (в том числе научных), отражает двойственность положения дворянства, которое вовлекалось в науку, сохраняя элементы аристократического ценностного знания (О.П. Зубец, И.Т. Касавин). Однако преждевременно было говорить о *научной элите* в прямом смысле этого слова, поскольку поставленные перед Академией задачи (создание словаря, грамматики, риторики родного языка) требовали значительного времени на осуществление этих проектов. Речь на начальном этапе можно вести об *административно-научной иерархии* (В.Е. Чернявская), вынужденной заниматься организационными вопросами.

Формирование специальной системы знаков власти в научной коммуникации, как составляющей дискурса власти, предполагает опору на некоторые элементы символизма. Для процесса институционализации Французской Академии характерно создание специальной системы знаков власти как кода нового институционального конструкта (Академия). Институционализация предполагает формирование нормативов и правил в ходе стихийного социального взаимодействия, осуществляемого методом проб и ошибок. Так, изначально прототипом научного сообщества стал кружок литераторов, которые, начиная с 1629 г., собирались в доме писателя-любителя В. Конрара и вели беседы на различные темы, главным образом, об искусстве. Фактически *донаучный опыт* частного кружка образованных аристократов стал основой новой общественной практики – изменение статуса научного знания, его легитимации в форме официального органа, ведающего вопросами языка и литературы на государственном уровне. *Официальный совещательный орган* – Французская Академия (1634 г.) – был необходим в силу ряда причин.

Европейские научные сообщества XVI–XVIII вв. организовывались, прежде всего, с гуманитарной, филологической целью – установить общеупотребительные нормы в национальных языках, которые пришли на смену латинскому языку практически во всех сферах жизни и деятельности социума, во всех жанрах литературы. По причине литературной неоформленности национальных языков европейские ученые стойко придерживались традиции и писали свои сочинения на латинском языке, что препятствовало распространению знания и тормозило развитие самой науки, ограниченной кругом людей, знающих латынь. Лингвистическое знание оценивалось как наименее изученное, требовалась жесткая языковая политика по изменению статуса национального языка в рамках абсолютной монархии, что могло бы стать объединяющим фактором в обществе.

Задавалась определенная система координат по формированию структуры, способной проводить политику культурного абсолютизма. Прежде всего, было создано несколько регулятивных документов, которые были призваны определить социальный статус ученого в обществе. Ориентирами послужили такие документы, как:

- патент на создание Академии, пожалованный Людовиком XIII (январь 1635);
- регламент и устав Академии;
- ведение хроник значимых событий и заседаний.

Был создан новый обряд инициации в научное сообщество, отражавший политический ритуал в форме таких знаковых действий, как вступительная речь кандидата в академики, проведение заседаний по определенному регламенту, ограничение числа академиков 40 членами. Только в случае кончины одного из академиков на его место избирался новый член. Присвоение титула *Immortels* (*Бессмертные*), академики обязаны девизу *À l'immortalité*, предложенному кардиналом Ришелье, подчеркивавшему высокоморальный и безукоризненный облик членов Академии. Внешними признаками процесса институционализации и легитимации научной власти стали особые знаковые образования как символический код культуры: пожизненное *номерное кресло* с момента избрания в академики. Кресло при королевском дворе того времени имел право занимать только король. Именно Людовик XIV даровал Французской Академии 40 кресел, что символизировало ряд привилегий новому институту.

Регламент в одежде предписывал строгий официально-деловой стиль, указывающий на принадлежность академика к определенной социальной группе. Со времен Наполеона III (император Франции: 1848–1852) для академиков был введен такой знак институциональности – темнозеленый фрак (*habit vert foncé*). Именно знаковый цвет одеяния в данном случае символизирует вкупе с вышитой на брюках ветвью оливы разум и власть. Официальный документ предписывал парадный и повседневный костюм (*grand et petit costume*). Одной из важных деталей официального костюма была шпага (*l'érèe*), как знак служения королю, а после падения монархии – трость, украшенная мифической символикой. Таким образом, семиотическая форма легитимации научного знания позволяла вступать в невербальную коммуникацию с французским сообществом.

Выборность стала фундаментальной институциональной особенностью Академии. При избрании кандидату полагалось произносить речь, в которой предписывалось «читать добродетель основателя» кардинала Ришелье. А хвала кардиналу долгое время оставалась неременной риторической частью их вступительного слова.

Академическая деятельность в том виде, в каком она разворачивалась в XVII в., представляла собой некую структуру по независимой кодификации и легитимации культурных и художественных ценностей. Фактически можно говорить о поликодовой научной коммуникации, когда на первый план выходили новые вербальные и визуальные знаки, имевшие нормативно-ориентирующий характер для идентификации научного института.

Итак, создание научных сообществ в период абсолютизма характеризуется приданием им черт государственного института, таких как регламент, устав, предписывающий правила функционирования, основные цели, задачи, порядок и критерии выборов в академики, а также правила поведения и запреты. Деятельность Французской академии направлена на легитимацию филологического знания, проходящую через процесс институционализации инновационного научного образования и его семиотизации.

Имиджевые публикации:

1. Викулова Л.Г. Издательский дискурс в системе общения «автор – издатель – читатель» // Вестник ИГЛУ. Сер. «Филология». 2012. № 2 (18). С.63-69.
2. Викулова Л.Г. Становление института письменной речи в средневековой Франции: социокультурный и коммуникативный аспекты // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Научно-теоретический журнал. 2013. № 1 (37). С. 11-17.
3. Викулова Л.Г., Серебренникова Е.Ф. Идентичность как элемент универсума человека и универсума языка: аксиологический аспект интерпретации // Лингвистический вестник: сб. науч. тр. – Горловка: Изд-во ГИИЯ ГВУЗ ДГПУ, 2013. С. 8-14.
4. Викулова Л.Г. Издательский дискурс как ориентирующая система в читательской практике // Человек и его дискурс-4: колл. монография. – М.: Азбуковник, 2014. С. 227-234.

Жаркынбекова Ш.К. (Астана, Казахстан)

О ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Социально-культурные, политические, демографические и экономические изменения, происходящие в Казахстане, сложившаяся языковая ситуация обуславливают непростой механизм формирования новой казахстанской идентичности. Изучение языковых предпочтений, отношения к проводимым реформам и изменениям, происходящим в обществе, является важной составляющей исследований, вносящих вклад в функционирование языковой политики страны, в частности, и в формирование казахстанской идентичности в целом.

Анализ активных этноязыковых процессов и ценностных языковых приоритетов казахстанцев позволяет по-новому осмыслить сложившиеся в период независимости концепции языковой политики и языковой ситуации.

Целью исследования является анализ процесса формирования языковой идентичности в поликультурном пространстве Республики Казахстан.

Для достижения поставленной цели были сформулированы исследовательские задачи:

- показать роль и место языка в процессе формирования казахстанской идентичности;
- провести мониторинг процесса внедрения полиязычного образования в Республике Казахстан и определить, насколько успешны и перспективны намеченные государством задачи;
- выявить отношение позиции респондентов относительно проводимой в стране политики полиязычия.

В работе использовался ряд социолингвистических методов, позволяющих добиться углубленного и всестороннего анализа:

- метод наблюдения, используемый нами в процессе отбора фактов, установления специфических признаков исследуемого объекта, описания различ-

ных языковых ситуаций и тенденций развития межкультурной коммуникации;

- метод социального эксперимента, где опросы, беседы, изучение и обобщение в конкретно социально-ситуативном контексте обладают большим потенциалом проследивать процессы функционирования языков;
- фронтальное и индивидуальное анкетирование;
- статистическая обработка данных (в том числе и электронных) с помощью программы SPSS.

В качестве участников исследования были отобраны две фокус-группы – казахи-репатрианты (оралманы), а также школьники и студенты. Выбор данных категорий граждан обусловлен следующим:

- оралманы (или этнические казахи) относятся к той категории граждан, которые, на наш взгляд, острее реагируют на ситуацию в стране и происходящие изменения. Это связано с тем, что, возвратившись на историческую родину, оралманы сталкиваются с проблемами социокультурного, социально-экономического, психологического характера. Многие из них в процессе адаптации и интеграции в казахстанское общество переживают высокий уровень стресса в социально-психологическом плане, испытывают культурный шок. Изучение отношения такой категории граждан на внедрение полиязычия в стране позволяют лучше понять процесс формирования государственной и этноязыковой идентификации.

- молодежь относится к категории граждан, характеризующихся активным формированием собственных социальных, этнических, политических, идеологических представлений.

Проведенное интервью дало возможность выявить ценностные ориентации, социальные установки данной категории граждан на политику проводимого в Казахстане полиязычия.

Методология подобных исследований позволяет проследить процесс внедрения полиязычного образования в Республике Казахстан, а также реализацию приоритетных задач Государственной программы функционирования и развития языков на 2011-2020 годы.

Одним из ключевых аспектов, происходящих в Казахстане преобразований, является разработка вопросов, связанных с внедрением политики полиязычия, согласно которой каждый казахстанец должен владеть, как минимум, тремя языками: казахским, русским, английским.

Результаты проведенных исследований показали, что большинство респондентов уверены, что внедрение политики полиязычного образования государством является правильной политикой. По мнению респондентов, если русский язык для казахстанцев необходим для интеграции и поддержания связей в постсоветском пространстве, то английский язык важен для приобщения к мировому экономическому пространству. Становится очевидным, что все возрастающая популярность английского языка, обусловленная его востребованностью в разных сферах деятельности граждан страны, связана с его ценностью с точки зрения продвижения в обществе, достижения более престижного положения. Вместе с тем широкое распространение английского языка обострили противоречия современной языковой системы, активизировали ее динамику.

Таким образом, стратегии развития гражданского общества, проводимой государственной политики (социальной, культурной, экономической, языковой и др.) и путей ее реализации, являются одним из факторов, мотивирующих смену ценностно-идентификационных ориентаций граждан страны. Проведенное интервьюирование показало, что сегодня мы наблюдаем изменения в этноязыковом самосознании людей под воздействием социо-исторических, глобализационных трансформаций общества, смену традиционных представлений, непростой процесс формирования государственной и этнической идентичности.

Имиджевые публикации:

1. Цвет-сознание-менталитет. Реконструкция цветовой картины мира в казахской и русской лингвокультурах. Монография. – Астана: Мастер ПО, 2011. – 188 с.
2. Ethno-linguistic identification and adaptation of repatriates in poly-cultural Kazakhstan // Journal of Language, Identity & Education, Vol 11, №5 (2012). С. 333-343.
3. Мировоззренческие основы концептов цвета в русской и казахской лингвокультурах // Функциональная лингвистика. Научный журнал. №3.Т.3. – Ялта, 2012. С. 182-185.
4. Теория идентичности: прошлое, настоящее и будущее // Коллективная монография / Под общей ред. Ш.К. Жаркынбековой. – Астана, 2012. – 180 с.

Кара-Мурза Е.С. (Москва, Россия)

ЯЗЫК И ДИСКУРС КОММЕРЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ (НА СОВРЕМЕННОМ РУССКОЯЗЫЧНОМ МАТЕРИАЛЕ)

Актуальную проблему медиальности (воплощенности содержания коммуникации, по В.Е. Чернявской) можно рассмотреть на примере коммерческой рекламы (отметим, что КР - один из трех типов рекламы как «макροстратегии» социальных коммуникаций; два другие – политическая и социальная).

Исторически это направление делового общения в рыночной экономике (конкретнее - в ее торгово-сбытовом сегменте), а в настоящее время - важная часть интегрированных маркетинговых коммуникаций. В этих рамках ее особая функция – формирование у целевых аудиторий позитивного отношения к товарам и услугам и стимулирование их потребительского поведения. Эта функция выполняется благодаря особой, броской манере оформления. В силу тематической и функциональной общности, которая обеспечена одинаковой интенциональностью заказчиков (рекламодателей), отраженной в креативе ее создателей (рекламистов), произведения этой индустрии складываются в гигантскую совокупность – рекламный дискурс, в его жанровом разнообразии. Систематическое использование разных семиотических систем привело к формированию поликодового языка коммерческой рекламы. Это запас разнотипных средств, кодирующих значимую информацию, плюс специфические способы и правила

построения рекламных текстов. Важный элемент этого «языка» - естественный язык (в нашем случае - русский).

Современная массовая реклама создается в расчете на возможности разнообразных носителей – от классических печатных (листовок, каталогов, прессы) до аудиовизуальных, включая интернет-канал. Она преимущественно заочная, хотя в ИМК используется и реклама на местах продаж, где работает и личный контакт продавца и покупателя, и полимодальный контакт с продуктом. Поэтому информационный и экспрессивный потенциал опосредованной рекламы креаторы видят в ее происхождении от непосредственного диалога производителя/ продавца с потребителем/ покупателем в «декорациях» базара или лавки ремесленника. В условиях проторекламы увещающей силой обладали и человеческие свойства коммуникантов, и материальные качества товаров на прилавке. Значит, по мнению практиков и аналитиков рекламы, ее текст, чтобы быть информативным и эффективным, должен 1)нести маркетинговое содержание (в соответствии со сферой деятельности) и 2)отображать ее коммуникативный сценарий (как прототипичный, так и рефреймированный: продвижение под видом обмена, подарка, награды); в радио- или в телерекламе он разворачивается в некий сюжет, а в печатной предстает стоп-кадром.

В состав «рекламной синтагмы» (по И. Морозовой) входят прежде всего рекламодатель, рекламополучатель и объект рекламирования. Они воплощаются как в словесных, так и в изобразительных формах, в изображениях как людей, так и предметов, которые приобретают знаковые функции, употребляясь авто- и металоогически: как иконы (документальные образы), как индексы друг друга (товар через потребителя и наоборот), как эмблемы (опознавательные знаки рыночных акторов) и как символы (ценностные основания аргументации).

Рекламодатель репрезентируется прежде всего знаками фирменной индивидуализации: коммерческим именем (в т.ч. эстетически оформленным как логотип и законодательно защищенным как товарный знак/ знак обслуживания), слоганом, эмблемой и фирменным стилем в целом; словесная материя имен и сентенций дополняется их графической оформленностью. Человеческие образы здесь в основном документальны: это руководство фирмы, мастер или эксперт; это придает рекламе убедительность. Объект (товар или услуга) репрезентируется, во-первых, предметным изображением – экзшотом (фотографией в узнаваемой упаковке). Во-вторых, знаками марочной идентификации (именем товара/ марки), эмблемой, иногда бренд-персонажем. Товар (как и рекламодатель) словесно означает лексикой профессиональных языков – в товарных характеристиках. Рекламополучатель репрезентируется, во-первых, человеком – либо типичным представителем целевой аудитории, либо «звездным» потребителем, «послом бренда» (каков X для Y); этот аргумент обладает символической силой. Во-вторых, предметом – аксессуаром целевой аудитории (профессия, гендер, возраст...). В-третьих, целевая аудитория репрезентируется ее социолектом (жаргоном или техническими «языками»): «Крутые тапки за смешные бабки» - это реклама обуви молодежных марок.

Три этих «телесных» образа уже работают как аргументы в пользу приобретения товара/ услуги. А еще три типа доводов выражаются словесно. Аргументация в коммерческой рекламе строится иерархически и располагается в специфических компонентах текста: самый сильный довод (УТП – уникальное торговое предложение, по Р. Ривзу) – в заголовке; самый эмоциональный довод – в концовке (эхо-фразе); рациональные аргументы – списком, рубрицированно.

Важная закономерность рекламного семиозиса – формирование типичных приемов продвижения для разных товаров – «языка товарной категории», по И. Морозовой. Его изучение – важный инструмент креатива: можно подстроиться к господствующему стилю, можно отстроиться – и привлечь внимание покупателей за счет рекламы, необычной для данной ТК.

Итак, анализ коммерческой рекламы через призму медиальности позволяет увидеть множество фактур (по Ю.В. Рождественскому и Т.В. Шмелевой) – от словесных до телесных, а в естественных языковых – от уровневых (лексика, тропеистика, экспрессивный синтаксис) до нарративных; пронаблюдать, как активизируются разные модальности восприятия, задействуются разные носители, в том числе медиаканалы. Комплексное изучение поликодового языка рекламы и ее многожанрового дискурса мы осуществляем в терминах лингвосемиотики рекламы.

Имиджевые публикации:

1. Кара-Мурза Е.С. Язык современной русской рекламы // Язык массовой и межличностной коммуникации. Коллективная монография / Под ред. Г.Я. Солганика. – М., Медиамир, 2007. С. 479–552.

2. Кара-Мурза Е.С. Трансформации прототипического сценария рекламы как прием языковой игры // Игра как прием текстопорождения: коллективная монография. – Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2010.

3. Кара-Мурза Е.С. Множественная типология рекламы // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке / Коллективная монография / Под ред. М.Н. Володиной. – Москва: Академический проект, 2011. С. 191–200.

4. Кара-Мурза Е.С. Конфигурация коммуникативных субъектов в текстах потребительской рекламы // Лингвистика речи. Медиастилистика: коллективная монография, посвященная 80-летию профессора Г.Я. Солганика. – Москва, Флинта: Наука, 2012. С. 140–151.

Кирилина А.В. (Москва, Россия)

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕНДЕРНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ (2000 – 2015)

СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ нашей страны, характеризовался ярко выраженной гендерной дифференциацией и практически полным отсутствием в массовой коммуникации дискурсивной практики истеризации и медиализации женского организма. Завершение советской эпохи обусловило изменение в создании гендерных репрезентаций. Однако эти изменения по-разному акцентировались в 90-е гг. XX в. и в начале третьего тысячелетия.

В докладе рассмотрены две основные тенденции, отражающие изменения в конструировании гендера в России постсоветский период (2000 - 2015 гг.), что автор связывает с идеологией формирования глобальной идентичности, для которой гендерные различия незначимы. С другой стороны, вследствие идеологизированного отказа от советских норм и образцов, в значительной мере игнорировавших некоторые гендерные различия, происходит возвращение к старым патриархальным моделям, что по-разному, но все же поддерживается СМИ, религиозными организациями, общественным и отчасти даже научно-популярным дискурсом. Дискурсивное конструирование гендера, таким образом, играет ведущую роль. Для создания новых репрезентаций по-новому используются имеющиеся языковые средства, видеосоставляющая и возможности новых цифровых технологий. Особую роль играет постсоветский всплеск религиозной активности и расширение сферы влияния церкви.

Конструирование гендера в рассматриваемый период обнаруживает две основные тенденции противоположной направленности:

1. Глобализационная тенденция к устранению гендерной асимметрии и переходу к «постгендерному» миру (выражается нередко предварительным проведением лингвистической гендерной экспертизы социально значимых текстов; параллельным изображением или эксплицитной вербальной фиксацией субъектов мужского и женского пола; отсутствием противоречий в вербальной и видеосоставляющей текстов и под., а также разнообразными формами и способами разрушения стереотипных представлений о мужественности и женственности через акцентирование множественности пола и включение в категорию нормы поведенческих образцов, ранее характеризовавшихся в терминах девиации (яркий пример – имидж Кончиты Вурст, сочетающий стереотипно женские семиотические черты – длинные волосы, косметика на лице, платье – и типично мужской признак – бороду).

Важная составляющая этой тенденции – институциональное закрепление новых норм, направленных на разрушение гендерных различий. Один из главных аспектов реализации ослабления различий – внедрение понимания гендера как полностью автономного от биологической принадлежности человека к тому или иному полу. В институциональном плане это проявляется, например, в языковом оформлении персональной документации: паспорт, удостоверение личности, свидетельства о рождении, браке, смерти, дипломы о получении образования, финансовые документы и под. Институционально закрепленные формулировки в названных документах служат самоидентификации лица, а также отражают его отношения с окружающим социумом, в первую очередь – с ближайшими родственниками, а среди них – с матерью. В 2011 г., однако, пресса сообщает о появлении новой институциональной нормы – регистрации ребенка как рожденного без материнского участия: в графе «мать» ставится прочерк. Появляется третий пол в паспортах некоторых стран; институционально легитимируется регистрация однополых браков и т.п. 2014 г. в России характеризуется целым рядом эпатажных публичных акций, широко освещаемых в СМИ и направленных на разрушение сложившихся традиций гетеросек-

суального брака. Таким образом, мы констатируем ревизию стандартных институциональных форм представления гендера.

2. *Тенденция к усилению гендерной дифференциации и гендерной асимметрии.* Она выражается прежде всего в смещении от метагендерного к гендерному уровню описания; в игнорировании неодинаковой степени андроцентричности языков при переводе с английского языка на русский или калькировании: *men and women* → *мужчины и женщины* (вместо принятого ранее *люди*).

Происходит дифференциация адресованности по полу адресанта в случаях, когда ранее это не имело места. Так например, школьные принадлежности по содержанию и визуальному оформлению явно подразделяются на гендерные группы. В научно-популярном дискурсе обнаруживаются даже мизогинические тенденции (ср.: название книги А. Никонова «Конец феминизма. Чем женщина отличается от человека» (2005)).

Обе эти тенденции игнорируют сложившиеся в советское время гендерные репрезентации. Те, однако, не исчезли полностью, а переместились в Интернет-коммуникацию, например, стереотип «советская женщина» обнаруживает явно положительные характеристики в ряде блогов.

Клушина Н.И. (Москва, Россия)

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО МЕДИАОБРАЗОВАНИЯ

1. Медиаобразование должно стать составной частью вузовского образования, поскольку знание основных закономерностей и тенденций современной медиасферы помогает социальной адаптации, а также формирует ценностные установки у молодого поколения.

2. Медиаобразование включает комплекс знаний:

- о технических возможностях современных медиа и их практическом использовании;
- о специфике различных медийных каналов (печать, радио, телевидение, интернет);
- о стилистических ресурсах языка печати, радио, телевидения и интернета;
- о продуцировании медиатекстов различных жанров и форматов;
- о рецепции медиатекстов массовым адресатом.

3. Подобные знания помогут дифференцировать негативные и положительные медиаэффекты, выработать механизмы защиты от негативного воздействия медиа на основе критического осмысления медиатекстов и, в конечном итоге, отличить информирование от пропаганды.

4. С развитием интернета и конвергенцией медиаканалов медиаконтент изменился не только количественно, но и, главным образом, качественно. К качественным изменениям можно отнести:

- усиление *полифоничности* медиадискурса и его *нарративная организация* (включающая авторский нарратив, нарративы очевидцев событий, экспертов и действующих лиц);

- усложнение и дифференциация заданных ментальных схем массового сознания: *идеологема – медиаконцепт – мем*;
- ослабление категории *достоверности* и «размывание» шкалы истинности: *факт (реальное событие) – вброс, фейк, дезинформация, постановочные новости, инсценировка* и т.п.;
- чрезмерная избыточность и тавтологичность информации в медиасреде (*ре-райтинг* и *копирастинг*);
- публичность непубличной сферы (форумы) и потеря авторитетов и ориентиров (проблема флуда и болтовни);
- *нелинейность* прочтения медиатекстов, позволяющая читателю самостоятельно конструировать структуру сетевого жанра и трансформировать композицию текста (с помощью гиперссылок);
- формирование и развитие сетевого, нелинейного *стиля мышления* и жанровые попытки его преодоления: бэкграунды (как скрепы памяти в разорванной мозаичной медиакультуре) и лонгриды (как глубокое погружение в проблему и попытки ее концентрированного осмысления).

Вывод. Медиакультура доминирует в информационном обществе. Она выполняет важную социальную функцию: объясняет окружающую действительность и дает аргументы для отстаивания своей идентичности. Но медиакультура имеет и многочисленные негативные эффекты, которые необходимо уметь выявлять для выработки критического сознания.

Имиджевые публикации:

1. Клушина Н.И. Стилистика публицистического текста. – М.: МедиаМир, 2008. – 244 с.
2. Клушина Н.И. Интенциональный аспект современной стилистики // «Respectus philologicus» (Литва), 2013. № 24 (29). С. 50-64.
3. Клушина Н.И. Трансформация стилистических и типологических характеристик российского медиадискурса новейшего времени // «Экология языка и коммуникативная практика», 2013. № 1. С. 98-107.
4. Клушина Н.И. Дискурс и стиль: пути и перекрестки современной лингвистики / Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты (серия «Научные дискуссии»). – М., "ФЛИНТА". "Наука", 2014. С. 177-184.

Коньков В. И. (Санкт-Петербург, Россия)

УТИЛИТАРНОСТЬ И ПОЛИКОДОВОСТЬ ТЕКСТА

Будем называть утилитарными тексты, которые предназначены для того, чтобы приносить практическую пользу, быть годными для общей практической деятельности. Такие тексты как речевые действия включены в эту общую практическую жизнь и функционально равны действиям невербальным. Так, например, команды, подаваемые при ведении артиллерийской стрельбы включены в общий процесс стрельбы и являются его неотъемлемой частью.

Несомненно, утилитарными являются практически все медиатексты. Они все публикуются с определенной воздействующей составляющей и предназначены изменить поведение отдельного человека или общества в целом в нужном для той или иной идеологической системы направлении. Так, заметка, в которой говорится о том, что американские спецслужбы подслушивали немецкого канцлера, является обвинением, которое публично предъявлено американскому президенту, и вызывает ответную реакцию. Материал, опубликованный в Санкт-Петербургском издании, где говорится, что ремонт дорог в Ленобласти находится под угрозой срыва из-за необеспеченности финансами, имеет целью способствовать выделению финансовых ресурсов соответствующими инстанциями. Есть все основания квалифицировать такие тексты как перформативы. Категория перформатива была разработана в теории речевых актов, но сам текст как высказывание тоже может быть рассмотрен как перформатив (или как текст, имеющий перформативную составляющую), если является текстом-действием, как приведенные выше примеры.

Текст-перформатив всегда актуален, вписан в практическую жизнь, является ее неотъемлемой частью. Вследствие этого такой текст четко определен в координатах социального пространства-времени. Газета нужна здесь и сейчас. Материал, посвященный обслуживанию дорожной сети в Ленобласти будет лишен смысла своего существования и в том случае, если пройдет некоторое время (может быть, средства уже будут выделены), и в том случае, если его переместить в другой областной центр России (например, в Ярославль).

Утилитарные тексты актуальны и противопоставлены текстам, находящимся в мире знаний, назовем их тексты-когнитивы. Последние не привязаны к конкретным координатам социального пространства-времени. Примеры таких текстов многообразны: научные тексты, предназначенные для хранения полученного нового знания, художественные литературные произведения. Статья ученого или роман писателя могут менять координаты социального пространства-времени, не теряя при этом смысла своего существования: роман может читаться и спустя десятилетия после написания, и независимо от того, где он был опубликован.

Актуальные утилитарные тексты могут приобретать статус текста-когнитива, и наоборот: тексты-когнитивы могут становиться актуальными текстами.

Так, по прошествии некоторого времени медиатексты становятся артефактами эпохи, теряют перформативную составляющую. В виде подшивки в зале библиотеки они становятся носителями информации об уже прошедшем времени и могут представлять интерес в любых социальных пространственно-временных координатах.

Соответственно, тексты-когнитивы, например, роман писателя или монография ученого, могут быть в силу разного рода обстоятельств актуализированы: кто-то почувствовал потребность прочесть роман или перечитать его; возник интерес к творчеству писателя или поэта, которого в свое время не оценили по достоинству; возникла потребность в обсуждении того или иного художественного произведения в силу изменившейся конъюнктуры; только по прошеств-

вии нескольких десятков лет смогли оценить плодотворность высказанной когда-то научной гипотезы и т. д.

При таком изменении коммуникативного статуса текста меняется степень его поликодовости.

Медiateкст-перформатив, перемещаясь в сферу когнитива, в значительной степени теряет свой поликодовый характер. Так, актуальный медiateкст в день опубликования помимо вербальной знаковой системы формирует содержание и с помощью других семиотических систем: фотографии, схемы, таблицы, диаграммы, особое расположение речевого материала в плоскости газетной полосы, наличие врезок, продуманная система элементов заголовочного комплекса, приемы использования шрифта, наличие анонса и др. Многокомпонентная система позиционирования текста имеет целью зацепить внимание читателя, побудить его к прочтению текста. Это необходимо, так как газета либо прочитывается в день выхода, либо не прочитывается вообще. Сегодняшний номер газеты завтра уже не продается, потому что никому не нужен.

Когда тот же медiateкст на продолжительный период времени размещается на каком-либо специализированном сайте как носитель нужной для данного сайта информации, то многочисленные элементы поликодовой системы позиционирования текста не воспроизводятся. Уходят врезки, анонс, особенности верстки, облегчающие восприятие текста, существенно уменьшается доля инфографики.

Текст-когнитив, перемещаясь в сферу активной общественной жизни, увеличивает поликодовую составляющую текста. Актуализация текста романа осуществляется путем использования текстов других семиотических систем, которые образуют с основным текстом гипертекстовую систему. В неё входят собственно текст романа, его экранизации, аудиокниги, исторические справки, рецензии с фотографиями актеров и др. Сам текст романа, предназначенный для сегодняшнего актуального чтения, сопровождается иллюстрациями, приложениями, комментариями и т.д. Печатаются так называемые подарочные издания.

Тот факт, что степень поликодовости у актуального утилитарного текста всегда выше, чем у текста-когнитива, объясняется тем, что речь человека и естественное человеческое общение по своей онтологии является поликодовыми. Когда мы сводим функциональное назначение утилитарного актуального текста к его информационной составляющей, когда текст лишается связи с актуальной общей практической деятельностью, степень его поликодовости снижается.

СЕКЦИОННЫЕ ЗАСЕДАНИЯ

Аликина Е.В. (Пермь, Россия)

РОЛЬ НАУКОМЕТРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В ОПИСАНИИ СТРУКТУРЫ ПЕДАГОГИКИ ПЕРЕВОДА

Целью доклада является описание ландшафта современных исследований, посвященных проблеме обучения переводчиков. В качестве методологического инструментария используется наукометрический анализ, представляющий собой описание количественных и качественных параметров, характеризующих актуальное состояние и тенденции развития научной мысли в избранной области педагогической практики.

Материалом для анализа послужили авторефераты кандидатских и докторских диссертаций (всего 130 источников), защищенных в период с 1984 по 2015 гг. В докладе представляются результаты данного анализа по таким направлениям, как определение географических центров и хронологических этапов научной активности, ведущих научных школ, ученых с высокой степенью информационного влияния, ядра цитируемости, источников междисциплинарности и др. На основе контент-анализ тематических направлений исследований выявлены наиболее разработанные проблемы и «белые пятна» в теории и практике переводческого образования.

Изучение информационного массива текстов позволяет сделать вывод о том, что в последние годы в России сложилось новое уникальное научное направление – педагогика перевода, которое трактуется шире, чем понятия «дидактика перевода», «методика обучения переводу» и др. Данное направление может рассматриваться как самостоятельная отрасль педагогической науки и практики, относящаяся к группе дисциплин профессиональной педагогики наряду с такими сложившимися дисциплинарными направлениями, как военная, инженерная, театральная, медицинская, спортивная педагогики.

Педагогика перевода отражает специфику профессионально ориентированного педагогического процесса в области переводческого образования. Определение статуса педагогики перевода как самостоятельной науки потребовало проведение анализа ее предметно-объектной области. В силу того, что социальное бытие педагогики перевода опережает ее теоретическое осмысление, описание объекта и предмета стало возможным только на эмпирическом уровне.

В результате анализа установлено, что в качестве объекта изучения педагогики перевода рассматривается целостная и открытая система переводческого образования, которая включает профориентационный, вузовский и послевузовский этапы, основное и дополнительное образование. Предметом выступает процесс профессионализации личности будущего переводчика, а именно методы, средства, способы формирования профессионально значимых качеств. По-

мимо этого в докладе приводятся субъектные и пространственно-временные характеристики исследований, определяющие специфику педагогики перевода.

В докладе выдвигается тезис о том, что педагогическая цель профессионального развития будущих переводчиков заключается в формировании языковой личности, профессионального мышления, профессиональной культуры будущего переводчика, тогда как дидактическая цель обучения переводу состоит в формировании так называемой метаязыковой личности переводчика и его профессиональных компетенций. Под языковой личностью переводчика понимается профессиональная языковая личность, характеризующая переводчика вне ситуации перевода (как преподавателя, исследователя, оратора и т.п.). Метаязыковая личность переводчика трактуется как профессиональная языковая личность, проявляющаяся в ситуации перевода.

Структурные дисциплинарные компоненты педагогики перевода (теория и методика воспитания, дидактика, методика обучения) направлены на формирование и развитие тех или иных сторон профессиональной личности переводчика. Однако стратегической задачей теоретиков и практиков педагогики перевода является поиск таких интегративных механизмов, которые бы обеспечили одновременное эффективное формирование как языковой, так и метаязыковой личности переводчика. Приведенные доводы научной рефлексии автора иллюстрируются результатами наукометрического анализа.

Имиджевые публикации:

1. Наукометрический анализ исследований в области устного перевода: традиции и инновации // Стереотипность и творчество: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. М.П. Котуровой. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 2007. Вып. 11. С. 100-111.
2. Переводческая семантография: Запись при устном переводе. – М.: АСТ, Восток-Запад, 2008. –160 с.
3. Введение в теорию и практику устного последовательного перевода. – М.: Восточная книга, 2010. – 192 с.
4. Мультилингвизм переводческой семантографии в устном последовательном переводе // Cross-linguistic interaction: translation, contrastive and cognitive studies. Liber Amicorum in Honour of Bistra Alexieva. Sofia, 2014. С. 208-214.

Алмазова Н.И. (Санкт-Петербург, Россия)

ФОРМИРОВАНИЕ КОМПЕТЕНТНОСТНОЙ ОСНОВЫ ИНОЯЗЫЧНОЙ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ У АСПИРАНТОВ МНОГОПРОФИЛЬНОГО ВУЗА

Актуальность темы определяется рядом факторов, отражающих как запросы современного глобального мира, так и многослойность современного мирового образовательного пространства, ориентированного на поликультурный и поликодовый характер взаимодействия всех участников образовательного пространства. Среди характеристик, отражающих современное образовательное пространство, можно выделить, например, наличие новой «цифровой» педагогики, интегрированной в традиционные формы образования; экспансию

зарубежных образовательных технологий (таких зарубежных провайдеров образовательного контента, как Coursera и EdX); развитие академической мобильности; изменение традиционной роли преподавателя-предметника; углубление интеграции вузов с профессиональными сообществами и ряд других. Для отечественной образовательной системы важным является необходимость международного признания успехов российского высшего образования, одним из условий которого является развитие исследовательских университетов. Данные характеристики обуславливают необходимость трансформации содержания и форм образовательного контента, пересмотр технологий интеллектуальной деятельности студентов на всех уровнях образования.

Включение в образовательное пространство наряду с традиционными образовательными уровнями (бакалавры, специалисты, магистранты) уровня аспирантского ставит перед организаторами образовательного процесса новые задачи. Традиционно формулируемую задачу, связанную с подготовкой аспирантов и сводящуюся к вопросу защиты кандидатской диссертации в срок, можно воспринимать как весьма прагматическую и вполне насущную. Однако ограниченность целевых установок только данной целью не может не говорить о неполноте представления о том, что на выходе должен представлять собой только что состоявшийся исследователь. Современные условия глобального образовательного пространства диктуют необходимость владения молодыми исследователями весьма развитой компетентностной основой, формирующей базу научной коммуникации в различных, в том числе, межкультурных, ситуациях общения.

В центре внимания данного исследования находится организация содержательного компонента подготовки аспирантов многопрофильного вуза в рамках дисциплины «Иностранный язык», трансформированной в курс «Английский язык в научном дискурсе». В качестве методологической основы процесса формирования исследовательских качеств аспирантов лежит понимание и развитие идеи метапредметности дисциплины английский язык для академических целей (ЕАР), служащей основой для формирования интегративных характеристик личности, необходимых для профессионального научного общения. Понятие «научное общение» выступает как цельная область действительности в форме фундаментального образовательного объекта.

Развитие личности, которая затем должна будет адаптироваться и интегрироваться в широкий научный контекст, предполагает формирование способности к исследованию, обобщению, анализу, способности увидеть проблему, породить новую идею; развитие сознательности, научной и творческой активности. Разрешение противоречия между все возрастающей «суммой» информации, направленной на получателя данной информации, и его индивидуальными, личностными особенностями, целостностью представлений об окружающем мире и составляет, по мнению исследователей, основу межпредметного и метапредметного подходов в образовании вообще, и на уровне подготовки кадров высшей квалификации, в частности. Таким образом, речь идет о развитии метапредметных качеств личности аспиранта: когнитивных, креатив-

ных, организационно-деятельностных, необходимых для их продуктивной деятельности в научном контексте.

Метапредметная направленность образовательного процесса при организации деятельности в рамках дисциплины «Английский язык в научном дискурсе» актуализируется в виде запроса аспиранта на формирование собственного образовательного продукта, являющегося одновременно мотивом к поиску информации и целью. Так, фокус на умении обобщить научный результат (статья, эссе, аннотация и т.п.) заставляет сосредоточиться на определенной содержательной и процессуальной информации (и это входит в функционал педагога), одновременно происходит актуализация уже сформированных познавательных и творческих компетенций аспиранта. Особый упор должен быть сделан на формировании критического осмысления информации. Педагогическая технология развития критического мышления строится на формировании умений осмысленной обработки информации, формулирования собственной позиции, выдвижения обоснованных аргументов, возможность защиты собственной точки зрения. В целом, формирование компетентностной основы научной коммуникации должно строиться в рамках установки на деятельностный формат образовательного контекста и должен стать основой инструментально-го и методологического арсенала современного педагога-предметника.

Имиджевые публикации:

1. Алмазова Н.И. Гуманитарная составляющая образовательной среды в техническом вузе. Монография// М.А.Акопова, Л.Г.Жук.Т.А.Савушкина. – СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2010. –138с.
2. Алмазова Н.И. Продуктивная лингводидактика. Теория и методология продуктивной иноязычной образовательной деятельности. // Еремин Ю.В., Рубцова А.В. Санкт-Петербург, Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена. 2012.
3. Алмазова Н.И. «Воспитательный и развивающий потенциал иностранного языка в неязыковом вузе» // Акопова М.А, Алмазова А.Б., – СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2013г.-С.151
4. N.I.Almazova, M.S.Kogan. Computer Assisted Individual Approach to Acquiring Foreign Vocabulary of Students Major // P. Zaphiris (Eds.): Human-Computer Interaction, Part II. Springer International Publishing Switzerland/-(2014) HCII 2014, LNCS 8524, pp.248-257.

Nuria Alonso García (USA)

HOW DO MULTIMODAL COMMUNICATION AND INTERCULTURAL LITERACY INTERSECT? PERCEPTIONS FROM RUSSIAN COLLEGE STUDENTS

“A ‘multimodal literate’ student must be sensitized to the meaning potential and choices afforded in the production of the text, rendering an enhanced ability to make deliberate and effective choices in the construction and presentation of knowledge.” - Lim (2011:4)

Learners in the 21st century are equipped with a set of literacy skills that enables

them to communicate instantly with combinations of texts, images and/or videos, and has expanded the ways in which they acquire information and understand concepts. Learners in the digital age challenge paradigmatic ideas of language, learning and representation, and are aware that disciplinary knowledge is constructed using a range of semiotic resources that extend beyond language. The multimodal literacy framework calls into question the linear view of literacy and learning as primarily a linguistic accomplishment in favor of the multimodal nature of literacy development that is bound up with the social reality and personal experiences of the learner. When acquiring a foreign language, learners are expected to understand not only the general principles governing the language but also the sociocultural identities of its speakers. Learning a foreign language implies to become interculturally competent, i.e. to develop the competencies required to 'read' sensitively a foreign culture.

How foreign language teachers can support the development of intercultural literacy and harness the multimodal communication skills of today's learners?

Russian college students from the Linguistics program at Saint-Petersburg State Polytechnical University were posed with this question, and surveyed on their perceptions and challenges of English language learning in the context of contemporary Russian society. The study asked participants to assess multimodality in a variety of pedagogical scenarios, to discuss a wider conception of curriculum that fosters intercultural understanding and supports multimodal literacy development, and to examine suitable assessment strategies.

Андреева А.А. (Санкт-Петербург, Россия)

ИННОВАЦИОННАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА В СИСТЕМЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПОДГОТОВКИ МАГИСТРАНТОВ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

Современные тенденции развития информационных технологий требуют пересмотра того, как человек учится и приобретает знания в новых условиях, когда компьютерные сети становятся основным средством социальной коммуникации. Перед образованием стоят задачи формирования личности, конкурентоспособной и успешной в электронной информационной среде. Высшая школа должна чутко реагировать на происходящие процессы и вносить изменения в существующую систему образования.

Организационные формы и методы обучения не изменяются коренным образом, а скорее обогащаются благодаря использованию электронной лингводидактики. Электронные дидактические средства обладают целым рядом неоспоримых достоинств, таких как: максимально простой доступ к учебному материалу; возможность работать в удобное время; психологический комфорт в получении информации; возможность синхронной и асинхронной коммуникации с преподавателем и другими студентами; интерактивные мультимедийные формы представления учебного материала и многие другие.

Согласно должностной инструкции старший преподаватель и доцент вуза должны знать: методы и способы использования образовательных технологий,

в том числе дистанционных; требования к работе на персональных компьютерах, иных электронно-цифровых устройствах. Обязаны владеть электронными программными продуктами; вести все виды учебных занятий; читать лекционные курсы по профилю кафедры, в том числе электронные и дистанционные курсы; разрабатывать учебно-методическое и информационное обеспечение читаемых дисциплин. То есть налицо требование к сформированности у современного педагога ИКТ компетентности. Под ИКТ компетентностью преподавателя иностранного языка понимается способность использовать электронные дидактические средства с целью формирования языковых навыков и развития речевых умений студентов при обучении иностранному языку и культуре страны изучаемого языка. Сформированность ИКТ компетентности преподавателя иностранного языка позволяет следующее: применять известные и используемые студентами информационные коммуникационные технологии, что способствует повышению мотивации студентов изучать иностранный язык; выводить значительный объем изучаемого материала во внеаудиторную форму работы, что представляется актуальным при сокращении часов на иностранный язык; реализовывать на практике педагогическую технологию «обучение в сотрудничестве».

Что касается учащихся, то согласно требованиям к результатам освоения основных образовательных программ магистратуры, выпускник должен обладать такой общекультурной компетенцией как способность самостоятельно приобретать с помощью информационных технологий и использовать в практической деятельности новые знания и умения (ОК-5). А также выпускник должен обладать способностью проектировать формы и методы контроля качества образования, а также различные виды контрольно-измерительных материалов, в том числе, на основе информационных технологий и на основе применения зарубежного опыта (ПК-15).

Обеспечить выполнение требований, предъявляемых к преподавателю и к выпускнику, успешно освоить рабочую учебную программу и способствовать формированию конкурентоспособной и успешной личности выпускника вуза призвано создание и применение инновационной образовательной среды с использованием электронных дидактических средств. Такая среда позволит организовать разнообразную учебную деятельность, обеспечит сочетание аудиторной и внеаудиторной работы на интерактивной основе и дополнительное взаимодействие. Предлагаемая инновационная образовательная среда в системе иноязычной подготовки магистрантов включает в себя:

I. Регламентирующие документы: а) Образовательные стандарт для магистрантов по направлению подготовки «ФГОС высшего профессионального образования по направлению подготовки 050100 Профессиональное обучение (по отраслям)»; б) Рабочую учебную программу для магистрантов по направлению и профилю подготовки «ОСНОВНАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПРОГРАММА ПОДГОТОВКИ МАГИСТРА по направлению 050100 Педагогическое образование (Программа «Правозащитная деятельность в образовательной сфере»)».

II. Дидактические ресурсы: учебное пособие, составленное для реализации рабочей учебной программы «Английский для юристов. English in law: Human

rights protection» (классический печатный вариант и электронный вариант на веб-сайте www.engdaily.net с применением электронных дидактических средств).

III. Материально-технический компонент: курс «Деловой иностранный язык. Основная образовательная программа подготовки магистра по направлению 050100 Педагогическое образование. Программа «Правозащитная деятельность в образовательной сфере»» в единой университетской системе дистанционной поддержки обучения на платформе Moodle.

Создание и применение подобной инновационной образовательной среды позволяет решить следующий ряд проблем: свободный дистанционный доступ к материалам учебной программы; промежуточная аттестация должников; информатизация учебного процесса; индивидуализация учебного процесса; выведения части программы в самостоятельную внеаудиторную форму работу и, как следствие, проблему сокращения количества аудиторных часов; формирование требуемой ИКТ компетентности преподавателя вуза; формирование требуемых ОК-5 и ПК-15 выпускника вуза.

Анисимова Е. Е. (Москва, Россия)

О ГИБРИДНОСТИ И КРЕОЛИЗОВАННОСТИ РЕЛИГИОЗНОГО НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИКАЦИЙ О ТУРИНСКОЙ ПЛАЩАНИЦЕ)

Религиозный научно-популярный дискурс (РНД) представляет собой особый вид дискурса, референциональную область которого образуют предметы, явления, процессы, познание которых представляет интерес, как для науки, так и для религии. Задачей данного дискурса является сообщить адресату в доступной, популярной форме с позиции христианского вероучения новое научное знание, укрепить его в вере. Адресантом РНД выступает специалист (ученый, священник, журналист, писатель), имеющий высокий уровень знаний в соответствующей области, обладающий религиозным мировоззрением. Адресатом РНД является широкая аудитория неспециалистов, охватывающая как верующих, так и не верующих, проявляющих интерес к соответствующим вопросам науки и религии. Ярким образцом РНД являются многочисленные публикации о Туринской Плащанице – величайшей святыне христианского мира, в которую, по преданию, было завернуто тело Иисуса Христа после снятия с креста. Цель публикаций заключается в том, чтобы познакомить читателей с современным состоянием изучения Плащаницы, способствовать формированию у них объективного, научно обоснованного представления о реликвии, убедить их в её подлинности.

Важнейшей чертой РНД является гибридность. Гибридность дискурса проявляется в сочетании в нем особенностей разных дискурсов: научного, публицистического, религиозного, частично художественного. Связь РНД с научным дискурсом обусловлена необходимостью дать естественно-научное объяснение феномену Плащаницы. РНД присущи объективность, логичность, точ-

ность, обоснованность, что достигается использованием научной терминологии, латинизмов, сокращений, устойчивых словосочетаний, клише, характерных для научной речи и т.п. Близость РНД публицистическому дискурсу диктуется необходимостью рассказать о реликвии доходчиво, живо, увлекательно. Для РНД характерно личностное начало, диалогичность, экспрессивность, образность, сенсационность. Этому служат: обращения к читателям, вопросно-ответные комплексы, интригующие названия, фразеологизмы, образные сравнения и метафоры и т.п. Связь РНД с религиозным дискурсом обусловлена его тематикой, стремлением авторов (прежде всего священников, теологов) через описание страданий Христа и доказательства его Воскресения побудить читателей следовать божественным истинам. Для РНД типичны: эмоциональность, возвышенность, дидактичность, ассертивность (утвердительность интонации), призывность и др., чему способствуют интертекстуальные отсылки к Библии, религиозная лексика, местоимение 1 лица мн. числа *мы/wir*, риторические вопросы, глагольные формы императива и др. Близость РНД с художественным дискурсом обнаруживается в тех случаях, когда для оживления повествования в него включаются элементы беллетристики.

Креолизованность РНД проявляется в широком использовании в данном дискурсе иконических средств передачи информации: рисунков, фотографий, репродукций (картин, миниатюр, икон), таблиц, диаграмм, карт и т.д., выполняющих научно-познавательную, иллюстративную, реже аттрактивную и эстетическую функцию. Иконические средства обычно сопровождаются подписью, образуя видеовербальный комплекс (ВВК), который обнаруживает разную степень связности с основным текстом на содержательно-языковом уровне. Внутри книжного пространства между ВВК и основным текстом могут складываться разные типы отношений: 1) автосемантические: ВВК является относительно автономным компонентом, независимым от основного текста; его понимание и адекватная интерпретация не требует от читателя предварительного знакомства с основным текстом. Обычно данные комплексы выделяются графически и являются источником новой информации об исследуемом феномене; 2) синсемантические отношения: ВВК зависит от основного текста, так как его понимание и адекватная интерпретация предполагает обращение читателя к основному тексту. Нередко связь ВВК с основным текстом поддерживается на языковом уровне дейктическими отсылками в самом тексте (например, *Siehe Abbildung ...*), или в подписи под изображением (например, *Siehe Seite 25*). Подобные комплексы, как правило, выполняют иллюстративную функцию.

Гибридность и креолизованность РНД способствуют реализации основных коммуникативных стратегий, используемых авторами: информационной (описание Плащаницы, повествование об её истории, объяснение сути этого феномена), аксиологической (положительная презентация объекта исследования/отрицательная презентация лженаучных теорий о его происхождении), аргументативной (доказательство подлинности Плащаницы, опровержение взглядов ее противников), оказанию комплексного прагматического воздействия дискурса на читателей.

Имиджевые публикации:

1. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). – М.: Тезаурус. – 2013. 122 с.

2. О житийном дискурсе (на материале житийной литературы о Николае Чудотворце) // Проблемы взаимодействия языка и религии. – Вестник МГЛУ. Вып. 4 (637) Языкознание. – 2012. С 9 – 24.

3. О гетерогенности религиозного дискурса // Семиотическая гетерогенность языковой коммуникации. Теория и практика. Часть II.- Вестник МГЛУ. Вып. 15 (675) Языкознание. – 2013. – С 9 – 22

4. Субъект познания и коммуникации в духовном автобиографическом дискурсе (на материале «Книги жизни» Св. Терезы Авильской) //Субъект познания и коммуникации: языковые и межкультурные аспекты. Сб. научных трудов, посвящённых юбилею Л.И. Гришаевой. – Воронеж: Наука-ЮНИПРЕСС, 2014. С. 68-86.

Бабина Л.В. (Тамбов, Россия)

РОЛЬ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ПРИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДЕМОТИВАТОРА КАК ПОЛИКОДОВОГО ТЕКСТА

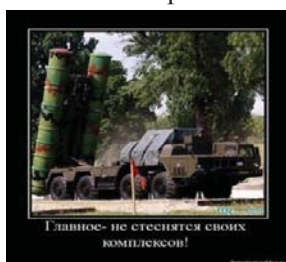
Исследование проведено в рамках выполнения госзадания Министерства образования и науки РФ № 2014/285 (проект № 2013).

Тексты, построенные на совмещении элементов различных знаковых систем, давно вошли в нашу жизнь, и с течением времени роль невербальных средств коммуникации только возросла, что привело к перераспределению функций вербальных и невербальных компонентов текста, при котором изображение иногда оказывается доминирующим или равноценным вербальному тексту. В современной массовой культуре функционируют такие объекты, основанные на совмещении вербального и визуального, как комикс, карикатура, плакат, реклама, прикладная графика, демотиватор и другие. Тексты с неоднородной семиотической структурой обозначаются как креолизованные, поликодовые, полимодальные, однако в последнее время все чаще используются два последних термина.

Демотиватор, представляющий собой изображение, которое состоит из картинки в чёрной рамке и комментирующей её надписи-слогана, можно обозначить как поликодовый текст, который предполагает интерпретацию особого рода. Интерпретация в данном случае понимается широко в том смысле, что это не обязательно языковая познавательная активность. Интерпретация может быть определена как «мыслительная операция, направленная на получение нового знания» (Н.Н. Болдырев), которая опирается на коллективные схемы знания, получающие как вербальную, так и визуальную репрезентацию, но предполагает субъективное понимание объекта интерпретации или его определенных характеристик отдельным индивидом. Действительно, при создании демотиватора, как и при его восприятии, требуется опора на знания, репрезентированные в коллективном сознании, отражающие существующую систему ценно-

стей, мнений и оценок, но они реинтерпретируются в соответствии с особенностями субъективного понимания мира создателя демотиватора. Формирующий при этом личностный смысл позволяет по-новому взглянуть на уже привычные объекты и явления окружающего мира, определяет изменение ценностно-нормативной системы воспринимающего текст.

Взаимодействие элементов вербальной и визуальной составляющих демотиватора определяет интерпретацию демотиватора. Разного рода смысловые связи между элементами вербальной и визуальной составляющих демотиватора, на основе которых и формируется его субъективно окрашенное содержание, устанавливаются за счет когнитивной *операции концептуальной интеграции*. Как известно, для теории концептуальной интеграции важной является сеть концептуальной интеграции, в которой интегрированное пространство возникает как итог слияния двух исходных ментальных пространств (в нашем случае ментального пространства, стоящего за вербальной составляющей, и ментального пространства, стоящего за визуальной составляющей). Опираясь на пространства-источники, интегрированное пространство приобретает свою собственную структуру, нейтрализуя одни элементы исходных ментальных пространств и выдвигая на первый план другие. Выражением интеграции концептуального содержания, стоящего за визуальной и вербальной составляющими демотиватора, может служить каламбур. Каламбур базируется на одновременной реализации нескольких значений одного слова или реализации значений близких по смыслу слов. При этом вербальная составляющая отвечает за реализацию, как правило, переносного значения, а визуальная составляющая – прямого, как бы разрушая метафору, на которой основано переносное значение слова или выражения. Приведем ряд примеров.

Демотиватор с вербальной составляющей *Главное – не стесняться своих комплексов!* включает слово *комплекс*, которое, передавая абстрактное понятие, используется в следующем значении: «эмоционально окрашенная совокупность представлений, мотивов и установок, оказывающая существенное влияние на развитие и функционирование психики, личности и поведение человека» (<http://slovari.yandex.ru>). Визуальная составляющая, а именно фотография противоракетной установки, реализует другое значение данного слова, а именно артиллерийский комплекс – «разновидность артиллерийских систем», которые «предназначены для выполнения задач противовоздушной и противоракетной обороны в ближней зоне ...» (<http://ru.wikipedia.org>). То есть комический смысл, передаваемый демотиватором, возникает как следствие обыгрывания двух значений слова *комплекс*, что становится возможным благодаря синтезу вербальной и визуальной составляющих за счет операции концептуальной интеграции.

Каламбур в демотиваторе с вербальной составляющей: *ПЫТАЕШЬСЯ ПРИКОСНУТЬСЯ К МЕЧТЕ? Подумай, а нужна ли она тебе ... Возможно, оставаясь Мечтой она Будет краше и Желаннее,*

возникает вследствие использования в прямом и переносном значениях слова *прикоснуться*. Реализация переносного значения слова *пробовать* – «пытаться что-то делать» (<http://tolslovar.ru/p20903.html>) определяется вербальной составляющей. Визуальная составляющая представляет контекст, определяющий понимание данного слова в значении «дотрагиваться до чего-либо, кого-либо» (<http://tolslovar.ru/p19014.html>). Следует отметить, что визуальная составляющая позволяет иначе осмыслить языковой контекст, в частности существительное *мечта*, поскольку представляет собой фотографию, на которой изображена рука человека, пытающегося дотронуться до мыльного пузыря; она наводит на мысль об эфемерности мечты.

Таким образом, концептуальная интеграция лежит в основе взаимодействия элементов вербальной и визуальной составляющих демотиватора, которое определяет интерпретацию текста демотиватора.

Имиджевые публикации:

1. Бабина Л.В. Особенности рекламного плаката, публиковавшегося в 50-е годы XX в журнале «Огонек», как полимодального текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. №1(43). Ч.2. С. 29-33.
2. Бабина Л.В. Когнитивный аспект исследования демотиватора как полимодального текста // Когнитивные исследования языка. Вып. XVII. Актуальные проблемы взаимодействия мыслительных и языковых структур: сб. науч. тр. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. С. 471-479.
3. Boldyrev N.N., Babina L.V., Budantseva N.A. **Concept “visual perception” as verb taxonomy (on the example of English verbs)** // *Life Sci J* 2014;11(11s): 379-383.
4. Бабина Л.В., Буданцева Н.А. Глагольная таксономическая модель и функциональный аспект ее изучения (на примере глаголов зрительного восприятия)// Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. №1 (034). С. 82-89.

Багрецова Н.В. (Архангельск, Россия)

ОТРАСЛЕВОЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ КАК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ РЕСУРС ДВОЙНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Одной из насущных проблем профессионально ориентированного обучения иностранным языкам остается оснащенность специальными лексикографическими ресурсами.

На сегодняшний день их наиболее распространенными видами являются:

- 1) специальные отраслевые двуязычные словари;
- 2) одноязычные толковые словари;
- 3) двуязычные толковые терминологические словари;
- 4) иноязычные справочники;
- 5) специализированные справочники на родном языке;
- 6) словари-минимумы узкоспециальных терминов;
- 7) учебные пособия словарного типа;
- 8) глоссарии.

Эти ресурсы призваны оказывать содействие в декодировании специальных текстов, насыщенных профессиональной лексикой и терминологией. Тер-

мины, как правило, имеют эквиваленты в другом языке, и их семантизация осуществляется с помощью перевода, который дают двуязычные словари. Однако в словаре не всегда можно найти нужное слово. Одного перевода специальных слов часто оказывается недостаточно, требуется комментарий. Декодирование осложняется терминологической полисемией.

Одноязычные толковые словари и справочники, обладая множеством достоинств лингвистического и экстралингвистического характера, имеют существенный недостаток - отсутствие русских эквивалентов, опору на которые ищет сознание. Кроме того, специальные одноязычные толковые словари и справочники, как правило, ориентированы на специалистов, и поэтому в них одни термины могут дефинироваться через другие, не менее непонятные непосвященным, коими являются студенты.

Для понимания и продуцирования профессионального дискурса требуется владение системой понятий соответствующей области знания. Человек как профессиональная языковая личность является носителем не только специального языка, но и соответствующей специализированной культуры, отраженной в языке. Наличие в сознании специалиста определенной системы профессиональных понятий и номинирующей их специальной лексики родного языка всегда способствует формированию билингвизма по профессии, поскольку концептуальное наполнение предметного поля профессионального языка является одинаковым для всех национальных профессиональных языков; различается в основном план его выражения, т.е. языковая форма.

Студент, начинающий изучать иностранный язык своей будущей профессиональной культуры с ее материальной и духовной составляющими, является *tabula rasa* в профессиональном плане, поэтому на занятиях по иностранному языку приходится вести формирование понятийной сферы обучающихся, и только на этой основе развивать соответствующие иноязычные компетенции, что диктует необходимость в лексикографических ресурсах иного формата.

Для обучения иностранному языку как средству профессионального общения на сегодняшний день необходимы лексикографические ресурсы двойного учебно-справочного назначения, которые бы давали целостное представление о терминологии отрасли, ее структуре и обеспечивали широкий экстралингвистический контекст функционирования терминологических единиц.

Данная установка привела к идее отраслевого терминологического путеводителя. Попыткой создания такого ресурса стал «Терминологический путеводитель по нефтегазовой промышленности: суша – море» для изучающих английский язык нефтегазовых инженерных специальностей (<http://ms-petroleum.narod.ru>). В основу макроструктуры такого путеводителя положена идея фреймовой репрезентации концептосферы профессиональной культуры. Материал представлен тематически в виде связанных текстов на русском языке, при этом ключевые концепты продублированы непосредственно в самом тексте на английском языке. Основными характеристиками терминологического путеводителя являются:

- энциклопедичность;
- сжатость предметного содержания до концептуального «каркаса»;

- линейное тематическое расположение материала;
- изложение материала на родном языке обучающихся;
- билингвальное контекстуальное представление ключевых концептов;
- представленность синонимических рядов ключевых концептов;
- наличие необходимых комментариев (например, этимологических для русскоязычных терминов иноязычного происхождения);
- визуально легко воспринимаемая форма представления материала, отражающая фреймовую структуру концептов (использование многоуровневых списков, таблиц, схем, рамочного выделения);
- наличие пояснительных иллюстраций.

Тематическая организация отраслевого терминологического путеводителя:

1) обеспечивает нужный контекст употребления специальной лексики и терминологии; 2) позволяет объединять слова на функционально-смысловой основе; 3) содействует выявлению системно-смысловых связей между терминами; 4) способствует выявлению синтаксических средств, организующих эти лексические единицы; 5) обеспечивает логичность и рациональность восприятия лексического материала.

В качестве критериев отбора терминов, терминологических сочетаний, а также конвенциональной лексики общелитературного языка для включения в терминологический путеводитель использовались следующие: конвенциональность, оптимальная релевантность, типичность, стереотипность, специфичность для данной культуры, отражение аспектов жизни отрасли, рекуррентность (повторяемость).

Отраслевой терминологический путеводитель призван решать не только лексикографические, но и информационно-познавательные задачи, способствовать формированию высокого уровня профессиональной межкультурной коммуникативной компетенции пользователей.

Имиджевые публикации:

1. «Терминологический путеводитель по нефтегазовой промышленности: суша — море»: для изучающих английский язык нефтегазовых инженерных специальностей: (учебное пособие). – Архангельск, 2010. 236 с.: фото, табл., рис.

2. Лингвокультурологический подход к обучению языкам для специальных целей (на материале нефтегазового дела). // «Вестник Поморского университета», серия «Гуманитарные и социальные науки», № 5, 2010. С. 135-138.

3. Концептуально-лингвистическое моделирование специальных областей знания в контексте профессионально ориентированного обучения иностранным языкам (на материале английского языка и нефтегазового дела) // Вестник Санкт-Петербургского Университета, серия 9, выпуск 1. – СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2011. С. 45-48.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА КАК КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Термин «прецедентный» прочно вошел в лингвистический обиход в современном отечественном языкознании и определяется Ю.Н. Карауловым как «включенность в фонд обязательных знаний в данной национальной культуре и в силу этого – общеизвестности, знакомости каждому носителю данного языка». Прецедентность конкретизируется в виде прецедентных феноменов – имен, высказываний, текстов и прецедентных ситуаций. В нашей работе мы сдвигаем фокус на прецедентные имена, которые трактуем вслед за создателями лингвокультурологического словаря «Русское культурное пространство» И.В. Захаренко и И.С. Брилевой как «воплощённые» имена собственные, связанные с широким известным текстом, ситуацией и/или фиксированным комплексом определённых качеств, способные регулярно употребляться интенционально (денотативно). Прецедентные имена могут апеллировать к прецедентным текстам или ситуациям посредством постоянных ассоциаций, закреплённых в когнитивной базе членов сообщества.

Когнитивная база, основными элементами которой являются прецедентные феномены в целом, и прецедентные имена, в частности, выступает в качестве структурированной совокупности знаний и представлений всех представителей того или иного лингвокультурного сообщества (В.В. Красных). Эти знания и те устойчивые ассоциации, которые закрепляются за определённым прецедентным именем могут представляться как универсальные культурные коды как всей культуры, так и культуры конкретного лингвокультурного сообщества. По словам Д.Б. Гудкова, культурные коды могут представляться в виде некой «сетки, которую культура набрасывает на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его».

Носителем культурных кодов является языковая личность. В нашей работе мы фокусируемся на языковой личности автора (писателя) и использование им прецедентных имен в своих произведениях как знаков культурных кодов.

Существуют распространенные прецедентные имена, которые известны не только определённому сообществу, но и в целом в мировой культуре. Достаточно упомянуть такие имена, как Гамлет, Дон-Кихот, Робинзон Крузо, Аполлон, Али-Баба. Такие имена существуют вне зависимости от их исторической и национальной принадлежности.

Так, например, О. Уайльд использует прецедентное имя Нарцисс (прекрасный юноша, который, увидев свое отражение в воде, влюбился в самого себя) при описании красоты Дориана Грея в романе: «*Why, my dear Basil, he is a Narcissus*». Термин «нарциссизм» широко используется в психоаналитической литературе и употребляется для описания личности, подчеркивая негативные черты характера – эгоизм, тщеславие и самовлюбленность. Дориан Грей сравнивается с данным древнегреческим мифологическим персонажем на основе его исключительной, уникальной красоты, которая граничит с самовлюбленностью.

Однако автор может использовать прецедентные имена, которые известны только членам конкретного лингвокультурного сообщества и которые являются репрезентантами национальной культуры. Такие имена являются кодами национально-специфического воплощения представлений о мире, репрезентируют особенность национального менталитета, вербализуют языковую картину мира членов данного лингвокультурного сообщества.

В романе «Холодный дом» Ч. Диккенс использует ряд прецедентных имен для характеристики одной из героинь – Эстер: *“This was the beginning of my being called **Old Woman, Little Old Woman, and Cobweb, and Mrs. Shipton, and Mother Hubbard, and Dame Durden, and so many names of that sort, that my own name soon became quite lost among them**”*.

Little Old Woman (старушка) и Mother Hubbard (матушка Хаббард) – это персонажи из сборника стихотворений для детей «Nursery Rhymes». Диккенсовский персонаж Эстер является воплощением образцовой хозяйки-хлопотуньи, как и в детских стишках, в которых упоминаются такие качества характера, как хлопотливость, забота: *“My prudent **Mother Hubbard, why not?**” he said to me, when he wanted, without the least consideration...*

Еще одно прецедентное имя – Dame Durden – подчеркивает трудолюбие Эстер: *“You know, **Dame Durden, dear**”, Ada would say at night...* Dame Durden – это персонаж народной песни, олицетворяющий трудолюбие.

Называя героиню различными прецедентными именами, автор включает различные квалификации персонажа, выражаемые этими именами. Объединяясь, они создают разностороннее описание именуемого персонажа. Аппеляция к прецедентным текстам происходит через имена персонажей, которые хорошо известны каждому члену английского лингвокультурного сообщества как национально-культурные коды, и, таким образом, актуализирующие у читателя данной общности соответствующий текст и связанные с ним коннотации. Трудности в понимании коннотаций и национальных образов могут возникнуть у стороннего читателя, который не является носителем данной культуры и кодов. Восприятие таких кодов требует обращение читателя к прецедентному тексту с целью выявления дифференциальных признаков, характерных для восприятия данного прецедентного имени и которое отражает национально-специфическое представление о мире.

Имиджевые публикации:

1. Баева Н.А., Интертекстуальность в романном творчестве Чарльза Диккенса. Кемерово, Кузбассвуиздат, 2007. – 143 с.

2. Анашкина И.А., Баева Н.А., Бакаева Ж.Ю. и др. (коллектив авторов). Текст как объект лингвокультуроведческого анализа. Круг современных проблем: монография / отв. за выпуск А.С. Попов; Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2012. – 263 с.

3. Баева Н. А. Прецедентные имена в создании перцептивного визуального образа // Иностранные языки. Герценовские чтения: Материалы всероссийской межвузовской научной конференции, 15-16 мая 2014 г. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2014. С. 70-71.

4. Баева Н. А. Языковые средства репрезентации когнитивных стилей в пейзажных описаниях (на материале англоязычной прозы) // *Ното Loquens: Актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: Сборник научных статей*. Вып. 3. – СПб., 2011. С. 11-16.

Баженова Е.А. (Пермь, Россия)

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРИЗНАКИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ФИЛОЛОГОВ

Актуальной задачей современной коммуникативной лингвистики является изучение различных видов статусно-ориентированного (институционального) дискурса – особой разновидности общения между представителями одной профессиональной группы, характеризующегося содержательно-смысловой спецификой и отражающего сложившиеся в этом общении нормы речевого поведения. К разновидностям институционального дискурса, выделяемым В.И. Карасиком и его последователями в соответствии с обслуживаемой сферой общения и сложившимися в обществе институтами (педагогический, политический, медицинский, религиозный, военный, спортивный, юридический и др.), целесообразно отнести и филологический дискурс, который в первом приближении можно определить как зафиксированное в письменных и устных текстах коммуникативное поведение профессиональной языковой личности в сфере филологии, обусловленное совокупностью социальных, культурных, психологических и других факторов, отражающих особенности мыслительной деятельности ее участников.

Важнейшим экстралингвистическим фактором, определяющим лингвистическую специфику филологического дискурса, является особое – филологическое – мышление. Для него характерна ориентация на образцы мировой культуры, воплощенные в текстах, бережное отношение к нравственным ценностям, склонность к парадоксальности суждений и ироничности как, с одной стороны, результат осмысления объективных противоречий действительности, с другой – способ создания намеренного прагматического эффекта в коммуникативном акте. В филологическом дискурсе более, чем в других типах институционального дискурса, выражено личностное начало, но вместе с тем существует интуитивно ощущаемая участниками общения граница, выход за которую нежелателен.

В силу того что филологам приходится воспринимать и осмысливать большое количество текстов, они обладают профессиональными навыками извлечения и обработки информации. Именно текст является главным объектом профессиональной деятельности филолога. Специфика **филологического мышления обусловлена и тем, что в нем пересекаются логика и эмоции, поскольку любой текст не только содержит в себе информацию, требующую рационального восприятия, но и является словесным выражением чувств автора. Подчеркнем, что специфика филологического мышления, связанного с особой ориентацией на текст и его интерпретацией в профессиональной**

деятельности, становится тем фактором, который оказывает самое сильное влияние на лингвистические параметры филологического дискурса.

Очевидно, что участниками филологического дискурса являются филологи: студенты, преподаватели, учителя-словесники, выпускники филологического факультета, работающие в разных сферах деятельности. Как правило, в рамках институционального дискурса выделяется общение базовой пары статусно неравных участников коммуникации, однако в данном случае наблюдается большое разнообразие ситуаций общения: студент – студент, студент – преподаватель, преподаватель – преподаватель. К периферии дискурса можно отнести общение представителя данного института с человеком, не имеющим отношения к филологии (так называемым «маргиналом»), что обуславливает дополнительную коммуникативную ситуацию: филолог – нефилолог.

Речевое поведение типичного филолога как дискурсивной личности в целом характеризуется следованием коммуникативным качествам хорошей речи: правильности, логичности, целесообразности, выразительности, этичности и др. Наряду с этим для филологов характерно творческое отношение к языку, склонность к языковой игре, активное использование прецедентных текстов, развитый речевой вкус – все то, что свидетельствует о любви к слову как к основному «оружию» филолога и умении этим «оружием» пользоваться.

Анализ текстов, в которых филологический дискурс получает речевую презентацию («филологическая проза» А. Аствацатурова и Н. Горлановой – современных писателей, имеющих филологическое образование; мемуарная литература выпускников филологического факультета Пермского университета; записи живой речи преподавателей-филологов), подтверждает вышеприведенные наблюдения об особенностях филологического дискурса. Так, главные герои романа А. Аствацатурова «Люди в голом» и повестей Н. Горлановой «Любовь в резиновых перчатках» и «Филологический амур» воплощают типичные черты языковой личности филолога. В их речи проявляется ироничное отношение к миру и самим себе, стремление к афористичности высказываний, смешение разностилевых языковых средств, использование лингвистических и литературоведческих терминов в повседневном общении; речь персонажей характеризуется богатой палитрой средств выразительности, а также склонностью к словотворчеству. Особую роль в речевой ткани произведений, созданных филологами о филологах, играют прецедентные тексты – явные и скрытые цитаты из художественных произведений, отсылки к научным трудам известных лингвистов и литературоведов, названия монографий, статей и философских трактатов, афоризмы, фольклорные тексты, цитаты из фильмов, песен, анекдотов и др.

Анализ «живой речи» преподавателей-филологов подтверждает выводы М.С. Саломатиной о коммуникативных качествах профессиональной личности филолога, среди которых доминируют следующие: контактность и стремление к общению; нормативность речи; влияние книжных стилей на коммуникативное поведение; стремление к контролю над своей речью и речью окружающих; аргументация своей точки зрения и др.

Все вышесказанное подтверждает правомерность выделения филологического дискурса как особой разновидности профессионального общения.

Березовская И.П. (Санкт-Петербург, Россия)

ЯЗЫК ФИЛОСОФИИ КАК ПРОБЛЕМА

«Допустим, что перед нами несколько текстов совершенно разной природы и характера – житейский, художественный, научный, философский, религиозный и т. д. Разумеется, мы безошибочно определим, какой из них философский» – этими словами, высказанными М. К. Мамардашвили во «Введении в философию» открывается интуитивная ясность философского слова. Философия, будучи научным знанием, стремится к рационализированному и вербализированному прояснению интуитивных форм. И интуитивная ясность по мере ее последовательной экспликации уходит, и оказывается сложно, а чаще всего невозможно описать всеми известными словами эту ясность. Создавая свою специфическую философскую терминологию, философия, не создала своего особого языка, при этом каждый, или почти каждый философ, создающий более или менее содержательную систему либо начинал с «предварительных определений терминов», либо высказывал по мере разворачивания собственных мыслей смысловую определенность терминов. И каждому, обращающемуся к философскому тексту предстоит такая же работа, и если прояснения происхождения термина и специфического смыслового содержания не произойдет, то текст остается непонятным, если же это происходит, то очень часто эта работа уводит от текста в историю философию, во весь спектр взглядов на этот термин. В традиционной формальной логике есть такой прием, который называется «подменой понятия/ подменой тезиса» (*ignoratio elenchi*), он является одним из софистических приемов. Может философия и занимается тем, что используя этот прием, уже на протяжении почти стольких веков строит неправильные умозаключения? Но софистические приемы связаны с идеей намеренной фальсификации с определенной целью, руководствуясь признанием Протагора о том, что в рассуждении заботится следует не об истине, а о выгоде. С выгодой как-то не у всех получалось у философов, но не это важно, а важно то, что каждый из них был готов к прояснению терминов. А если сравнить употребление таких понятий, как «субстанция», «материя» «движение», «дух», «опыт» крупнейшими философами, например Нового времени, или немецких классиков, то можно заметить серьезные расхождения в истолковании этих понятий. Откуда эти расхождения? Здесь может быть три линии рассуждений, движение по которым открывает определенные перспективы прояснения проблемы языка философии.

1. Философия оперирует абстрактными понятиями, которые еще не познаны и потому каждое истолкований – это определенный оттенок проясняющегося смысла. И в этом случае философия всегда будет связана с мировоззрением. Реконструкция этого мировоззрения, а затем схематизация и типизация его может привести к определенным линиям истолкования (примером такой

схематизации является знаменитый «основной вопрос философии»). Но в данном случае накладывается на одно расхождение еще одно и истолкование приходится проводить по другим текстам, созданным в тот или иной исторический период, что не всегда/ условно реализуемо.

2. Принцип неопределенности Гейзенберга указывает на принципиальную невозможность абсолютно точного познания чего бы то ни было. Большинство абстрактных философских категорий – это универсалии, которые представляют собой обобщения бесконечных множеств объектов и простым перечислением этих объектов невозможно указать в целом то множество, отражением которого является универсалия. Наличествующий логический скачок подвигает мысль к необходимости устранения универсалий, и формированию более точных определений без замеченного логического скачка. Логические позитивисты «Венского кружка» вывели из рассмотрения, назвав их «псевдопонятиями» и «псевдопредложениями». Однако их собственная «программа этого выведения из рамок рассмотрения» была сформулирована с использованием философских категорий.

3. Философия и есть язык, с помощью которого человек занимается прояснением обстоятельств своей жизни как таковой на пределе. А значит и те проблемы, которые выражаются на философском языке, не знают границ, различия стран и наций. М.К. Мамардашвили в «Лекциях по современной философии» проводит различие между текстами прямым и косвенными: «Первые тексты, то есть тексты прямые, требуют просто понимания, вторые – косвенные, или выразительные, тексты – требуют интерпретации и расшифровки». Пример для 1-го вида текстов – научная статья, второго – проповедь. Прямой текст обращается к человеческой способности рассуждать и понимать, а косвенный передает некоторое состояние тем, кто владеет соответствующими символами, имеющими место в данной культуре. И человеку вне этой культуры трудно, а чаще всего невозможно понять данный текст. И еще, тексты Декарта, Канта, Гегеля – сложны, но преодолев словами Мамардашвили «наше слабоумие», эти тексты становятся понятны, потому что эти тексты – описание объекта, предмета мысли, который содержится в самом тексте. Тексты косвенные (проповедь) передают определенное состояние. Так, в философии XIX -XX века присутствует смыкание с художественными формами (уже можно услышать разговоры об экзистенциалистском романе, об экзистенциалистском кино и так далее), философы стали прибегать к косвенным формам мысли, и добавили к пониманию предмета мысли трудности понимания определенного духовного состояния, которое передается автором. От читателя в данном случае требуется наличие опыта такого же состояния, о которых повествует автор. Но запас символов может не совпадать, тогда возникает необходимость интерпретации, реконструкции мысли. Философия всегда личностна. Те, кого мы называем профессиональными философами просто эксплицируют, передевают в специальные термины то, что есть в культуре и в личностях независимо от самой философии – предельные основания своей жизни, и в этой связи философия – сама и есть язык.

Имиджевые публикации:

1. Проблема коммуникации в феноменологической философии. // Философия коммуникации: проблемы и перспективы: монография/ И.Б. Антонова [и др.]; под ред. д-ра филос.наук проф. Клягина, д-ра филос.наук, проф. О.Д. Шипуновой. – СПб.: Изд-во Политехн. Ун-та, 2013. – 260 с.

2. Феномен коммуникации в гуманитарном дискурсе // В сборнике: Феномен коммуникации в познании и творчестве. Под ред. С.В. Клягина, О.Д. Шипуновой. Санкт-Петербург, 2014. С. 177-184.

3. О проблеме знания, образования и постмодернизме // Образование в условиях интеграции мирового сообщества // Труды межвузовской научно-практической конференции. СПб., 2014. С. 69-74.

Бисерова Н.В., Мишланова С.Л. (Пермь, Россия)

МУЛЬТИМОДАЛЬНОСТЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СЧАСТЬЕ В ДИСКУРСЕ ФРАНЦУЗСКИХ СТУДЕНТОВ

В современных исследованиях все чаще отмечается, что коммуникация происходит внутри определенного семиотического пространства, сформированного различными знаковыми системами (Лотман 1992). Наша речь неотделима от целого ряда движений голоса, тела и лица, которые часто передают больше информации о состоянии говорящего и его интенциях, чем те слова, которые он произносит (Wharton 2009). Каждый раз в процессе коммуникации мы неизбежно декодируем несколько кодов одновременно, поэтому коммуникацию следует изучать как явление мультимодальное.

Данное исследование проведено с целью выявления особенностей вербально-жестовой репрезентации представления о счастье в дискурсе французских студентов.

Материалом исследования стали видео-интервью франкоязычных студентов в возрасте 17-24 лет, обучающихся по специальностям социология и лингвистика в университете Гренобль 3 имени Стендаля г. Гренобль (Франция). Респондентов просили вспомнить случаи, когда они чувствовали себя счастливыми и рассказать о своих ощущениях.

При анализе вербальной составляющей представления о счастье применён контент-анализ, в ходе которого было выявлено, что в представлении о счастье присутствуют два компонента – объективный и субъективный. Первый компонент отражает состояние дел вне человека, внешние жизненные обстоятельства, а второй – состояние психики человека, его мировоззрение и зависящую от них оценку внешних обстоятельств. Отметим, что выделенные нами компоненты представления о счастье соотносятся с данными о наличии источников счастья и фелицитарной оценке (Воркачёв, 2003).

Для анализа жестового компонента за основу взята методика анализа жестов, состоящая из трех этапов: 1) идентификация жестовой единицы 2) анализ формы жеста 3) интерпретация жеста (Cienki 2010, Müller 2008, Mittelberg 2007, Mishlanova, Suvorova 2014).

Анализ вербальной составляющей показал преобладание субъективного компонента над объективным. Так, французские респонденты более подробно описывали эмоциональную составляющую ситуаций счастья, чем внешние обстоятельства. Примечательно, что вербальная репрезентация как объективного, так и субъективного компонентов представления о счастье доминирует над жестовой репрезентацией.

В ходе исследования проанализировано 120 жестов, среди них преобладают репрезентирующие жесты (64%), указательные жесты (12,5%) и дискурсно-структурирующие (11,6%). В большинстве случаев представление о счастье было репрезентировано следующим жестом: чашеобразная форма кисти и вытянутые руки, ориентация ладони вверх, движения рук вверх, круговые движения. Особенностью жестовой репрезентации представления о счастье у французских студентов является направленность ладоней вверх и движение рук вверх, что указывает на их эмоциональное состояние, вызванное воспоминаниями о счастье, и открытость. Направленность рук к себе идентифицирует ориентацию на свои ощущения и эмоции.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что объективный компонент представления о счастье может быть выражен как вербально, так и мультимодально, а субъективный компонент – только вербально, только жестами или мультимодально. В тех случаях, когда субъективный компонент представления о счастье репрезентирован только жестами, в частности адаптивными, отмечалось эмоциональное переживание информантов. Можно предположить, что жестами репрезентируется субъективное переживание счастья, переполненность сложными эмоциями, что не может быть выражено вербально.

Итак, анализ фактического материала позволяет сделать вывод о том, что каждый компонент представления о счастье у франкоязычных студентов может выражаться посредством разных модусов: вербально, при помощи жестов, мультимодально. Поскольку представление о счастье относится к категории ценностей и является культуроспецифичным, целесообразным является дальнейшее проведение кросс-культурных исследований мультимодальной репрезентации представления о счастье.

Имиджевые публикации:

1. Мишланова С.Л., Суворова М.В., Жданова С.Ю., Строканов А.А. Вербальная и жестовая репрезентация наивного представления о счастье в устном нарративе американских студентов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 4(28). С. 35-40.

2. Mishlanova S., Morozova E., Khokhlova A. Verbal and gestural representation of the space-time relation in the oral narrative // Proceedings from the 1st European Symposium on Multimodal Communication, University of Malta, Valetta, October 17-18, 2013. Valetta, 2014. P. 51-54.

3. Mishlanova S., Suvorova M. Multimodal representation of Happiness in Russian Students' Narrative // World Applied Sciences Journal 30 (14): 1752-1755. 2014.

4. Zdanova S., Mishlanova S., Strokanov A., Zdanova D. The Ontology of Subject Area "Psychology of Happiness" // American Journal of Scientific and Educational Research: Vol. 2. No.2. (5): 361-372. 2014.

Бобко Е.А. (Сочи, Россия)

ФАКТОР ИДЕОЛОГИИ ПРИ ИЗЛОЖЕНИИ ИСТОРИИ РОССИИ

Цель данного выступления – показать, как фактор идеологии и перекодирование исторической памяти проявляют себя при вербализации исторического знания, на материале англоязычной литературы по истории России XX в.

Лингвистическое исследование текстов исторических монографий, написанных англоязычными авторами и посвященных истории России, позволяет выявить особые речевые действия субъектов, вербализующих историческое знание, которые создают свойства исторического текста, дополнительные к его обязательным характеристикам: на фоне констатирующей манеры изложения авторы «объективируют» частное, порой спорное и зачастую идеологически мотивированное мнение, подавая его в виде достоверного. В арсенале языковых средств и приемов, задающих идеологически-оценочную модальность текста исторической монографии, особое положение занимает манипулирование идеологически модальной лексикой, осложненной политико-оценочными коннотациями, отражающими определенные идеологические ориентиры. Известно, например, что термин «тоталитаризм», введенный в оборот в 1925 г. лидером итальянского фашизма Б. Муссолини, получил свое идеологическое обоснование и концептуальное наполнение в работе К. Фридриха и З. Бжезинского «Тоталитарная диктатура и автократия» 1956 г. Авторы провели сравнение сталинского СССР, нацистской Германии и фашистской Италии и на основе своего эмпирического анализа и авторского видения сформулировали ряд признаков, определяющих, по их мнению, различные тоталитарные общества. Таким образом, конструирование умозрительной «тоталитарной модели» позволило в ее рамках сопоставить различные политические режимы и поставить между ними знак равенства. Затем, исходя из модели тоталитаризма, стали выделять две разновидности тоталитарных политических систем: коммунистическую (СССР) и националистическую (фашистская Германия при Гитлере и фашистская Италия при Муссолини). Отличие коммунистической идеологии марксизма-ленинизма от националистической идеологии фашизма не помешало американским политологам и последующим исследователям объединить их под ярлыком «тоталитаризм», провозгласив, что с точки зрения организации политической системы они имеют много общего. Идеологически модальный термин «тоталитаризм» заложил фундамент для уравнивания «гитлеризма» и «сталинизма» и сделал возможным факт помещения России и Германии в один контекст, перечисления через запятую «ленинско-сталинской России» и «нацистской Германии» под общей вывеской «тоталитарные идеологии», уравнивая их, таким образом, на весах истории.

Среди других эмпирически наблюдаемых примеров манипулирования идеологически модальной лексикой при изложении истории СССР можно привести идеологически заряженные конструкции *the grip of Soviet power*, *the Soviet oppression*, а также именование советско-германского договора 1939 г. «нацистско-советским пактом» (*Nazi-Soviet pact*), что маркирует определенную идеологическую позицию, а именно возложение равновеликой ответственности за развязывание Второй мировой войны на Германию и СССР. Еще одна примета идеологически-оценочной модальности исторического текста – некорректное использование специальных терминов исторической науки, что позволяет подать историческую фактологию с определенных идеологических позиций. В этом отношении характерным примером являются терминологические единицы ‘*annaxation*’ и ‘*occupation*’ и их производные применительно к включению прибалтийских государств в состав СССР. Современные Эстония, Латвия и Литва расценивают данные действия СССР как оккупацию с последующей аннексией. Официальная позиция России заключается в том, что присоединение стран Прибалтики к СССР соответствовало действовавшим на тот момент нормам международного права и получило официальное международное признание.

Зачастую идеологически-оценочная модальность усиливается помещением в контекст лексики, отягощенной эмоционально-оценочными коннотациями и способствующей созданию эмоционального подтекста: *the Russian atrocities*, *the Russian barbarities*, *massacre*, *turmoil*, *Bolshevik monster*, *hatred of the population*, – которые призваны показать страдания людей на т.н. «оккупированных территориях», дискредитировать действия советских воинов в попытке показать, что якобы солдаты Красной Армии и фашисты, как минимум, стояли друг друга.

В свою очередь, идеологическая концепция уравнивания «гитлеризма» и «сталинизма», стоящая за термином «тоталитаризм», возложение вины на СССР за развязывание Второй мировой войны преследует определенные идеологические, политические, геополитические цели: идеологическая атака на советское общество; распространение критики «сталинизма» на всю советскую историю; последовательное перенесение вины с государственного деятеля, Сталина, на систему, «сталинизм», и весь советский народ как носитель «тоталитарной» идеологии. Далее, через наложение идеологических рамок осуждения «тоталитаризма» народ, являющийся носителем «тоталитаризма», призывают к покаянию. Соответственно, если народ кается, он признает свою вину. Таким образом, народу-победителю, освободившему мир от фашизма, прививается тот же самый комплекс исторической неполноценности, что и народу, развязавшему войну. Такую схему идеологической обработки через исторический дискурс вполне можно охарактеризовать в качестве стратегии перекодирования исторической памяти народа, осуществляемой посредством конъюнктурного исторического нарратива. Соответственно, одной из линий противостояния как открытым историческим фальсификациям, так и исподволь внедряемым искажениям истории является проявление «лингвистической бдительности», особого внимания к языковым средствам и приемам вербализации исторической информации.

Имиджевые публикации:

1. Yelena A. Bobko, Valeria E. Chernyavskaya. 'Verbalized history': subject for research, means of cognition, and ideological instrument. STYLE: international journal. Belgrade, 2012. С. 85–93.

2. Бобко Е.А. Вербализованная история: к вопросу о толерантности исторического дискурса // Когниция, коммуникация, дискурс. Выпуск 5. 2012. С. 6–16.

3. Бобко Е.А. Исторический дискурс: плюрализм мнений или релятивизация смыслов? // Стереотипность и творчество в тексте. Изд-во ГОУ ВПО Пермский государственный университет. Выпуск 15. 2011. С. 221–228.

4. Бобко Е.А. Эксплицитные знаки исторического дискурса и его скрытые смыслы // Известия СПбУЭФ. Изд-во ГОУ ВПО Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов. Выпуск 4 (70). 2011. С. 67–69.

Богданова-Бегларян Н.В. (Санкт-Петербург, Россия)

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ УСТНАЯ РЕЧЬ, ИЛИ ЧТО МЫ ЗНАЕМ О ТОМ, КАК ГОВОРИМ

Традиционный подход к анализу современной речи таков, что лингвист пытается увидеть в ней реализацию каких-то языковых единиц, языковых отношений и языковых закономерностей. И описывается все это, как правило, в терминах отклонений от языковых стандартов. Отсюда и достаточно твердое убеждение не только наивных носителей, но и лингвистов-исследователей, что русский язык умирает, что мы разучились говорить, что сегодняшние носители языка больны *дизлингвией*.

Однако так ли уж плоха современная речь? По сравнению с чем ее можно оценить как плохую (или хорошую)? Если по сравнению с образцами литературно-письменной речи, то такое сравнение абсолютно некорректно: на кодифицированном языке, лежащем в основе нашей письменной речи, никто не говорит. А как говорили предшествующие поколения в *повседневной жизни*, мы просто не знаем. И речь идет не только о предшествующих веках, но даже о ближайших к нам десятилетиях. Национальный корпус русского языка до сих пор содержит в своем устном подкорпусе по большей части образцы речи публичной, научной или написанной сценаристами для произнесения с экрана (транскрипты фильмов), то есть так или иначе подготовленной. Доля действительно бытовой (естественной) речи здесь минимальна, а только она и может дать ответ на вопрос о том, как же мы говорим в повседневной жизни.

Сначала надо понять, *как* мы говорим, а потом уже ставить вопрос, *плохо* это или *хорошо*. И надо признать, что пока мы далеки еще и от ответа на первый вопрос, ко второму же еще и подбираться рано.

Приблизиться к пониманию того, как именно мы говорим, позволяет Звуковой корпус русского языка, особенно его блок «Один речевой день» (ОРД), создаваемый на филфаке СПбГУ и фиксирующий максимально естественную

речь носителей языка, что называется, «на магнитофонном уровне достоверности» (методика 24-часовой записи, речь человека «с диктофоном на шее»).

Что позволяет увидеть материал такого корпуса?

1. Функциональные единицы, которые мы используем в повседневном общении, неоднородны: можно говорить о собственно *речевых единицах* (полнозначные лексемы), *условно-речевых единицах* (служебная лексика, вводные и дискурсивные слова) и *неречевых единицах* (речеподобные звуки типа э-э, м-м; паралингвистические элементы — смех, вздохи, кашель; обрывы, самоперебивы и под.). Употребительность первых в некоторых ситуациях в разы ниже, чем остальных.

2. Даже на уровне речевых единиц спонтанная речь позволяет увидеть много интересного. Например, расширение круга значений того или иного слова (*они всю эту бутылку одни уговорили; гуляющая штатная единица; забить на все лекции*), появление новых («несловарных») единиц (*бабцу какую-то залапал; красавица с накладными мозгами; обыденное корыто с сухарями, вылилось в такой гадюшник*), появление новых словообразовательных моделей (*гонего, орево, кидалово, развлекалово*), которые, возникнув как экспрессивные и арготические, постепенно приобретают вполне нейтральную коннотацию (*описалово, обсуждалово*). Даже *блин*, возникнув в нашей речи как «детское ругательство», эвфемистический заменитель грубой инвективы, за короткое время прошел путь сначала к просторечному, но уже привычному и очень распространенному междометию, а затем и к нейтральной, орнаментальной (может быть, ритмообразующей) клитике.

3. Дискурсивные и неречевые единицы не только являются частью устного дискурса, но помогают его структурировать и выполняют множество функций, показывающих, в частности, сам процесс порождения речи, позволяют заглянуть «в голову» (по сути — в подсознание) говорящего. Отношение к ним как к «словам-паразитам», к «словесному мусору» простительно только наивному носителю языка, лингвист же должен бесстрастно наблюдать, фиксировать и анализировать. Можно говорить о целой типологии дискурсивных единиц, иными словами, — *прагматем*, в которых лексическое значение ослабевает и уступает место прагматическому. В результате возникают, например:

- 1) *дискурсивные прагматемы* — маркеры начала или конца текста/реплики, а также навигаторы по тексту (*вот, ну, значит, далее*);
- 2) *поисковые прагматемы* (*это самое, как его, это, ну*);
- 3) *метакоммуникативы* — контактоустанавливающие маркеры или своего рода «текст о тексте» (*знаешь, понимаешь, видишь, не знаю*);
- 4) *междометные прагматемы* (*Здрасьте пожалста! Щас прям! Будет тебе; Ну, давай-давай*);
- 5) *ритмообразующие прагматемы* (*девять тысяч там | с копейками*);
- 6) *прагматемы-рефлексивы* (*были (э) как-то вот / (э) (...) вот эти / как их? лямбли? или как это?*);
- 7) *прагматемы-ксенопоказатели* (*ну вот // *П и тут звонок в дверь // стоит этот мужик // *П типа того что блин / *П *Х *П давайте общаться ! он так*

ласково разговаривает / **такой** / *В ну вы успокойтесь / у вас все будет нормально // все получится // всё хорошо);

8) *прагматемы-аппроксиматоры* — заменители всего перечисления или его части (и так далее, то-сё, пятое-десятое, все дела, всякое такое и под.);

9) *прагматемы-аппроксиматоры* – заменители чужой речи (бла-бла-бла, ля-ля-тополя, тэ-тэ-тэ, тоси-боси);

10) *маркеры нетривиальности* сказанного или готовящегося к произнесению (человек **скажем так** немолодой, вокруг да около **как говорится**, душевно **что называется** сделано);

11) *хезитативы* – маркеры колебаний (раздумий) говорящего. Кроме вербальных (*это самое, как его, ну это*), могут быть и неречевыми (*а-а, э-э, м-м*).

Видно, что список таких прагматем достаточно велик, многое в нем, на взгляд наивного носителя языка или даже пуриста-филолога, требует объявления войны и искоренения из нашей речи. Думается, однако, что, оставляя за лингвистами право «сеять разумное, доброе, вечное», то есть давать образцы *хорошей речи*, мы должны наблюдать, тем не менее, и за реальной повседневной речью, видя в ней не только отклонения от этих образцов, но и несомненные эволюционные процессы, а также базу для такого же всестороннего описания грамматики и словаря устной речи, какие мы имеем для стандартного языка. И, только создав эту грамматику и эти словари, можем снова вернуться к вопросу, насколько хорошо или плохо мы говорим. Если, конечно, это еще будет актуально...

Брутян Л.Г. (Ереван, Армения)

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ В ПОЛИКОДОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Радикально изменившиеся на современном этапе условия общественно-политической жизни, процессы глобализации и интеграции, бурная активизация и интенсификация контактов самого разного типа, небывалые ранее возможности разъезжать по миру, научно-технический прогресс, дающий возможность благодаря Интернету общаться с представителями самых разных культур в любой точке планеты и т.д. привели к резко возросшему интересу к процессу коммуникации вообще и межкультурной коммуникации, в частности. В свете сказанного вырисовывается **актуальность** и насущная необходимость исследования различных сторон эффективной межличностной и межкультурной коммуникации, более глубокого выявления коммуникативно-прагматических аспектов разных типов речевых актов, а также изучения в новом свете различных форм речевого этикета. Нашей **задачей** является анализ некоторых форм речевого этикета, в частности, речевых актов приветствия, прощания, благодарности, извинения, комплимента, осведомлений о делах в разных лингвокультурах с **целью** выявления сходств и особенно — различий в функционировании и интерпретации вышеуказанных речевых актов. Такой анализ предполагает применение ряда **методов** исследования, таких как лексико-семантический, описа-

тельный, контекстуальный, сопоставительный, анализ дискурса в рамках антропоцентрической лингвистики.

Стереотипные формулы речевого этикета, являющиеся прежде всего знаками доброжелательства, доброго расположения к собеседнику, «социальными поглаживаниями» (в терминологии Н.И. Формановской), имеют ярко выраженную национально-культурную специфику. Так, формы **приветствия** (как и другие формы речевого этикета), при всем своем универсальном значении, отличаются от культуры к культуре целым рядом социокультурных особенностей, обусловленных нормами и запретами в той или иной лингвокультуре. Это и статусные различия, и половозрастные факторы, и фактор ценностей культуры, и контекст ситуации, и степень близости собеседников, и соотношение вербальных и невербальных способов приветствия, и фактор американизации, наконец, веяния моды. В частности, в Армении в последние годы вошла в моду привычка среди молодых лиц мужского пола при встрече обниматься и целоваться. Такой стиль приветствия не характерен для армянской ментальности, поэтому у людей более старшего возраста вызывает раздражение и неприятие. В ритуальных, на первый взгляд, репликах, которыми обмениваются при **прощании**, при **расставании**, можно увидеть важные сведения о ценностях той или иной лингвокультуры. Так, русские при расставании желают друг другу добра, всего хорошего, счастья, здоровья. Армяне, прощаясь друг с другом, желают добра и здоровья. Выражение пожелания счастья в армянском языке отсутствует: вероятно, армяне под счастьем понимают здоровье и добро. Прощаясь ночью, русские желают *спокойной ночи*, армяне – *доброй ночи* (*bari gisher*), а англичане – *хорошей ночи* (*good night*). Японцы при прощании говорят *sayonara* (если так должно быть), а русские просят простить их, если что-то было не так (*прощай, прощайте*). В русских и армянских выражениях **благодарности** (*благодарю, благодарность* от 'ответ на дар', *спасибо* от 'спаси бог', *shnorhakalutjun* от 'shnorh', 'дар') есть указание на доброжелательность. Во фразах с этими словами отражены "я" и "ты", они эквивалентны доброму поступку "здесь" и "сейчас", а передаваемая с их помощью информация имеет социальный характер, который можно интерпретировать как "я тебя уважаю, вступаю с тобой в общение и желаю тебе добра". В армянском языке в последние годы наблюдается употребление формы *shnorhakal em shat* вместо *shat shnorhakalutjun*, очевидно под влиянием *thank you very much*. Вошло также в обиход использование формы *mersi* и даже – *mersiner* (во множественном числе с использованием показателя множественности "ner"). В речевом этикете Японии – разнообразие форм благодарности в разных ситуациях (за приглашение в гости, за приглашение к столу, за угощение и т.д. и т.п.). Разным является и соотношение вербальных и невербальных способов выражения благодарности. Так, если в русской лингвокультуре вежливым может быть и кивок в знак благодарности, и слова признательности, и улыбка, и сочетание всех этих способов, то, например, в британской и немецкой культурах доминирует вербальный способ. Большие межкультурные различия имеют место и в связи с интерпретацией вопроса *Как дела?* Так, в англоязычных культурах при всех обстоятельствах традиционно звучит один только ответ – *Fine* или *OK*. И если у британцев

это объясняется нежеланием нагружать собеседника своими проблемами, а главное – посвящать его в свои личные дела, то у американцев, помимо указанного, – это знак успешности, одной из важнейших ценностей их культуры. Напротив, у русских, у армян и т.д., в силу особенностей их национального характера, ментальности, культуры, принято жаловаться на жизнь и давать пространственные ответы на вопрос. Существенно отличаются и **комплименты**, а также реакции на них в разных культурах. Какое-нибудь выражение, употребляемое в качестве комплимента в одном обществе, может быть воспринято в другом как лесть, а в некоторых случаях и вовсе как оскорбление. Примерами могут послужить комплименты с зоонимами. Если комплиментом женщине в Индии может быть сравнение ее с коровой, а ее походки – с походкой слона, в Японии – сравнение ее со змеей и т.д., то в русской и армянской лингвокультурах это антикомплименты. Если американцы принимают комплименты с благодарностью, с удовольствием, то русские и армяне зачастую из суеверия, из нацеленности на тайный смысл принимают их с трудом.

Обобщая, можно заключить, что исследование форм речевого этикета в поликодовом пространстве может способствовать минимизации межкультурных столкновений и конфликтов.

Имиджевые публикации:

1. Анализ языковых выражений импликации. – Ереван: Изд-во "АОУ", 1992. – 378 с.
2. Говорите: мне интересно, или мы и наши дети. – Ереван: Изд-во "Айастан", 1999. – 54 с.
3. Язык и гендер. – Ереван: Изд-во "Международная академия философии", 2008. – 150 с.
4. Беседы о межкультурной коммуникации. – Ереван: Изд-во "Эдит Принт", 2014. – 399 с.

Быканова В. И. (Санкт-Петербург, Россия)

**«БЫТОВЫЕ» ЭТНИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ КАК
ЭЛЕМЕНТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА (НА ПРИМЕРЕ
АНГЛОСАКСОНСКОГО КОНЦЕПТА «ВЫРУБКА»)**

Благодаря небывалому техническому прогрессу люди в XXI веке стали гораздо ближе друг к другу физически – современные средства передвижения сокращают расстояния, средства массовой информации – время. Люди в разных частях земного шара смотрят одни и те же фильмы, читают одни и те же книги, пытаются решить одни и те же проблемы. Может показаться, что мы стали мыслить и чувствовать одинаково, превратившись в граждан единого мира. Но так ли это? Сократило ли единое информационное пространство исторически сложившуюся разницу в национальных менталитетах, или ментальные конфликты по-прежнему существуют, и следует искать пути их преодоления?

В настоящее время, вероятно, мало кто решится категорически отрицать существовании ерзличий в восприятии действительности, коренящихся в на-

циональных менталитетах. Сама жизнь показывает, что, несмотря на все мощные интеграционные процессы, происходящие в мире, мы остаемся очень разными. Народы сохраняют свою идентичность и воспроизводят ее на уровне этноса и на уровне отдельной личности. Это происходит в процессе воспитания за счет усвоения базовых этнических ценностей, сохраняющихся в культуре народа, и в практике совместной деятельности с опорой на коммуникативно-речевые процессы.

В последнее время стало очевидно, что сохранение и укрепление национального самосознания, осознание своей общности и отличия от других этносов, принятие базовых ценностей своего народа в их уникальном сочетании является обязательным условием для сохранения и процветания этноса.

Осознание этнической уникальности не исключает, а требует признания уникальности других этносов, включая специфичность их национальных менталитетов. Есть основания полагать, что именно национальная ментальность во многом определяет свойственные этносам и их отдельным представителям модели поведения. В связи с этим изучение менталитетов разных народов приобретает в настоящее время значение, которое трудно переоценить.

Мир всегда был многонациональным и поликультурным, и люди всегда участвовали в коммуникативно-речевых процессах. По разным причинам, эти контакты не всегда были успешными. В XXI веке количество и интенсивность межкультурных контактов существенно выросла, что, но сделало проблему повышения эффективности коммуникации более актуальной.

Полагаем, что сбой в процессе коммуникации, не достижение коммуникантами, принадлежавшими к разным этническим сообществам, желаемых результатов наряду с другими причинами было связано либо с отрицанием факта существования национальных менталитетов, либо с отсутствием достаточной информации о них. Протекание коммуникативно-речевых процессов в старом формате не отвечало потребностям времени. Ответом на осознание существующих трудностей стало появление когнитивистики. Ученые, работающие в данной области знаний, впервые заявили о возможности объективного изучения ментальности через языковые репрезентации результатов мыслительных процессов.

В настоящее время лингвисты и когнитологи разных стран сосредоточили свои усилия на описании отдельных элементов национального сознания, имея в виде конечной цели воссоздание национальной ментальности в ее максимально полном объеме. Предпринимаются попытки качественного описания и количественного параметрирования различий этнических менталитетов.

Одним из широко распространенных подходов к изучению ментальности является описание концептов, понимаемых как сгустки наших знаний об окружающем мире, прошедшие через призму чувств. До последнего времени наибольшее внимание исследователей привлекали этноспецифические концепты, которые в наиболее яркой форме демонстрировали отличие этнических менталитетов. Не умаляя важности подобных исследований, не менее, а может быть, более важным считаем изучение так называемых «бытовых» концептов. «Быто-

вые» концепты связаны с реалиями повседневной жизни, благодаря чему базовые ценности этноса сопрягаются с ценностями отдельной личности.

Изучение национальной ментальности и национальных концептов может проводиться на разном лингвистическом материале. На наш взгляд, большой потенциал имеет изучение в когнитивном аспекте имен мест, так как топонимы сопровождают жизнь этноса на всем протяжении его истории и отражают взгляды и отношение этноса к среде своего существования. В течение ряда лет мы используем для описания пространства жизнедеятельности этноса и связанных с ним концептов систему дескрипторов: субстанциональных, антропологических, экономических, ориентационных, религиозных. Подобный подход позволяет унифицировать описание концептов и систематизировать полученные данные.

В данной работе мы применили дескрипторный метод для описания англосаксонского концепта «вырубка», который по количеству репрезентаций и богатству структуры может быть отнесен к значимым «бытовым» англосаксонским концептам. Проведенное исследование показало, что концепт «вырубка», репрезентируемый топонимами, содержащими топоформант – *leu*, подтверждает существование в англосаксонском сознании ментатемы «природа не храм, а мастерская». Полагаем, что данный факт свидетельствует о прагматизме англосаксов и должен учитываться в межкультурных коммуникативно-речевых процессах.

Бышук Г.В. (Санкт-Петербург, Россия)

«ДИАЛОГ КУЛЬТУР»: ОБМЕН КУЛЬТУРНЫМИ ЦЕННОСТЯМИ VS «ВЖИВАНИЕ» В ЧУЖУЮ КУЛЬТУРУ

Последние годы методистами-практиками активно обсуждается проблема диалога культур или межкультурной коммуникации как ведущей и основополагающей методологической концепции. В современном подходе к обучению иностранному языку «диалог культур» чаще всего понимается как разновидность межкультурного взаимодействия, влияние современных культур друг на друга. Большинство исследователей объясняют этот феномен как процесс, в результате которого проявляется, укрепляется (разрушается, исчезает) взаимопонимание. «Диалог культур» – это всегда диалог различных культур, взаимодействие двух индивидуальностей, двух ситуативных позиций, двух менталитетов, в процессе которого преодолевается замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур.

Целью работы является анализ различных точек зрения на проблему интерпретации понятия «диалога культур», существующих в методике преподавания иностранного языка.

Несмотря на единство в теоретическом понимании «диалога культур» и необходимости его присутствия в обучении иностранному языку, в практическом плане это явление понимается, следовательно, и реализуется на практических занятиях по иностранному языку по-разному.

«Диалог культур» чаще всего сводится к овладению учащимися лингвистическими и страноведческими знаниями. Сторонники такой трактовки «диалога культур» считают, что одного умения правильно говорить и писать на иностранном языке явно недостаточно, поэтому социокультурная направленность, способствующая включению учащихся в «диалог культур», является одним из важных приоритетов в современном обучении. Эта социокультурная направленность нацелена на получение изучаемых иностранных языков знаний особенностей культуры страны изучаемого языка – обширной информации о разных сторонах действительности стран изучаемого языка: школа, досуг, искусство, работа, быт, литература, телевидение, хобби, наука, культура и др. Многие практики при этом не исключают и обучения элементам невербального языка общения – мимике, жестам, позе, интонации, но, к сожалению, такой подход не позволяет рассматривать язык как часть культуры, в данном понимании «диалог культур» сводится к формуле «обучение языку = язык (обучение лексике, грамматике, фонетике) + культура».

В отличие от лингвистическо-страноведческого понимания «диалога культур» ряд теоретиков и практиков обучения иностранному языку, не исключая присутствия страноведческой и лингвистическо-страноведческой компетентности, рассматривают «диалог культур» как «диалог» обмена информацией о культуре страны изучаемого языка и особенностей проявления культуры как совокупности материальных и духовных ценностей своей нации, который происходит между носителем иноязычной культуры и изучаемым эту культуру и язык. Приверженцы этой точки зрения считают, что получение учащимися знаний только о культуре страны изучаемого языка без представления на иностранном языке информации о культурных реалиях родной страны, выхолащивает понятие «диалога культур», делая его односторонним, лишенным двухвекторной направленности. Следовательно, при такой односторонности не решаются воспитательные задачи урока иностранного языка: не развиваются патриотические качества личности учащегося, чувство гордости за свою страну; урок лишен познавательной цели. Межкультурная коммуникация как форма общения представителей различных языков и культур, по мнению сторонников такого подхода к «диалогу культур», реализуется с наибольшей эффективностью в том случае, когда в процессе подготовки к ней значительное место отводится родной национальной культуре. Доминирование в процессе обучения иностранным языкам иноязычной культуры может сослужить плохую службу изучающим иностранный язык – они неизбежно окажутся неинтересными собеседниками для потенциальных зарубежных партнеров по общению.

Наиболее оптимально, по нашему мнению, концепция иноязычного образования в аспекте диалога культур разработана российским методистом Е.И. Пассовым. Довольно широко известна его формула: культура через язык и язык через культуру. Разрабатывая свою методику иноязычного образования и отвергая при этом понимание диалога культур «ты мне – о своей культуре, а я тебе – о своей», ученый считает, что цели обучения иностранному языку должны быть направлены не только на то, чтобы научить понимать друг друга на вербальном уровне (значение слов, фраз, речевых функций), но и понимать то,

«что за этим стоит, какой смысл это имеет в контексте межкультурного общения, в контексте диалога культур». При таком подходе чужая культура в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже, один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур. При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и открытую целостность, но они взаимно обогащаются. Именно в таком диалоге культур формируются умения в познании собственной культуры, видение своей культуры через призму другой, образование определенной дистанции между собственной культурой и другой.

Исходя из вышеизложенного, мы придерживаемся мнения, что, «диалог культур» (в его узком понимании) состоит в наполняемости учебника по иностранному языку текстами-феноменами культуры изучаемого языка, а не дублировании на иностранном языке известной учащимся информации о своей культуре. В широком понимании «диалог культур» проявляется в процессе анализа текста-дискурса. При этом преподавателю следует обращать внимание учащихся на особенности фонетических, семантических и грамматических структур изучаемого языка, опираясь на когнитивный подход к обучению – вовлечению учащихся в процесс познания сути изучаемых явлений, а не их восприятию и механическом заучивании.

Валиева Ф.И. (Санкт-Петербург, Россия)

RESILIENT GROUPS OF FOREIGN LANGUAGE TEACHERS: COMPONENTS AND STRUCTURE ANALYSIS

The topicality of this research into resilience is accounted for by the society's escalating demands to the teacher and to the quality of provided education, especially in the field of linguodidactics. The article covers the basics of resilient behavior and the factors promoting sustainability within professional activity. We set the following objective of the research: comprehensive study of factors connected and causing educator's resiliency within multicultural environments, components and structure analysis of mentioned phenomenon.

Objectives of the research also included ascertaining how prone to professional stress are those who started working in education field and professionals, pointing the areas where the major mismatches lie and revealing resilient groups of foreign language teachers. The correlation and interdependence between occupational stress, coping resource, resilience, EI and other individual factors have been studied on a valid sample of specialists within educational field in Russia. Resilience was considered as one of the central individual protective factors as well as a serious prerequisite of a successful and fulfilling life.

Resilience may be defined as a process of adapting well in the face of adversity, treat or even significant sources of stress (Masten & Reed, 2002). A resilient person

can redirect unfavorable changes and conflicts from destructive areas and even use them for persons' benefits.

Resilience consists of many constituents that in all form specific, influential construct. A conceptual authorized theory, including emotional, social and cognitive flexibility was created to promote successful teaching activity and classify the resilient groups of foreign language teachers. The research comprised theoretical and empirical stages.

In 2012-2014, within our project, a randomized trial research study was conducted to examine the peculiarities and specification of resilient groups of foreign language teachers.

The sample of the study comprised three groups: the upper-courses students (future teachers) and academics from universities – experienced and young specialists – more than 300 respondents. Multinational departments in the above-mentioned professional areas were singled out. Mainly participants worked for Foreign Language Institutes or Departments and represented both western and eastern cultures. It is notable that mean scores on teaching experience for participants was 16.89 and ranged from 1.5 to 40 years.

A battery of six questionnaires was spread among teachers of five universities. The questionnaires were self-administered, complete instructions were provided. To avoid response biases certain procedure conditions were met. Because of the sensitive nature of some items, questionnaires were completed anonymously, each being given a code number. Some questionnaires were labelled different to their original names (e.g. SEC) to minimize the reactive effect of participants' personal beliefs and expectations about some concepts. Within above-mentioned period, academics' groups were tested triply.

The surveys were designed to tap participants' perception of their wellness. Wherever possible, published instruments with established score reliability and validity were used in the study. Wellness surveys for teachers included measures to assess their stress levels (SAWL, MBI), coping skills (MDICS), social competencies (SSS), emotional competencies (SEC) and authorised Resilience Scale.

For correlation analysis 14 variables were identified: resilience, social support, adaptive coping strategies, non-adaptive coping strategies, emotional coping strategies, cognitive coping strategies, emotional self-awareness, social readiness and others. The correlation matrix for research variables was first constructed using SPSS software to examine the associations among all variables as well as their relationships to the all subscales of mentioned constructs with correlations being significant at the 0.01 level (2-tailed) - ** and 0.05 level (2-tailed) - *.

Among the most significant correlations, extracted by the system, we have identified the following: positive correlation between resilience and cognitive strategies (0,849**); positive correlation between resilience and adaptive strategies (0,607**); positive two-sided correlation between emotional intelligence and availability of social support (0,627**), positive two-sided correlation between emotional intelligence and necessity of social support (0,685**), etc.

To reduce the number of variables and detect the structure in the relationships among variables factor analysis was held using SPSS software. Extraction method of

Principal Components Analysis was applied, using Varimax rotation method with Kaiser Normalization. According to Kaiser's criterion, we identified four factors with Eigenvalues over 1.0, total variance of 89%. The screen test also identified four factors.

The first factor contained clusters of emotional intelligence, coping strategies and social support, with social readiness, emotional intelligence and cognitive strategies scoring highest and being the most influential components. The second factor contained emotional strategies, behavioural strategies, social support and some clusters of emotional intelligence. The next two factors consist less significant but rather important components.

To summarize the findings of the research on personality factors influencing resilient behaviour we compiled teacher profiles based on the level of resiliency including all above mentioned constructs and cultural context. Thus, we identified four types: (1) resilient, (2) moderately resilient, (3) non-resilient and (4) fluctuant resilient educators groups and their profiles, the last appeared dependent on identification with cultural levels of society. However, further research is required in this area to investigate the potential and perspectives of this factor.

Имиджевые публикации:

1. Валиева Ф.И. Резилиантность: подходы, модели, концепции // Вестник Санкт-Петербургского университета, 2014. Выпуск I, 12 Серия. С. 78-86.

2. Валиева Ф.И. Резилиантность как фактор социально-профессиональной адаптации// Вестник Санкт-Петербургского университета, 2014. Выпуск II, 12 Серия. С. 39-50.

3. Валиева Ф.И. Саморегуляция в аспекте социально-профессиональной адаптации // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Серия "Гуманитарные и общественные науки", 2013. № 3(171). С. 86-94.

Варламова В.Н. (Санкт-Петербург, Россия)

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ АССОЦИАТИВНОЙ СТРУКТУРЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Целью доклада является сопоставительный анализ подходов к исследованию ассоциативной структуры художественного текста.

Анализ лингвистической литературы по проблематике показал, что в последнее десятилетие учёные-лингвисты весьма продуктивно занимаются изучением процессов восприятия, интерпретации и понимания текста, а также исследованием эффективности речевого общения и языковой личности, «стоящей за текстом» (Караулов Ю.Н.). В докладе подчёркивается важность коммуникативно-деятельного подхода в исследовании ассоциативной структуры текста, что позволяет рассматривать текст как продукт первичной коммуникативной деятельности автора и объект вторичной коммуникативной деятельности читателя. Языковая личность автора изучается в аспекте идиостиля, в котором отражается мировоззрение человека, его знание о мире, общая и языковая культура в текстовом воплощении. Коммуникативно-деятельный подход к тексту как

явлению идиостиля (стиля личности во всём многообразии текстовых проявлений) был разработан Карауловым Ю.Н., который выделил три уровня языковой личности автора в процессе текстовой деятельности: вербально-семантический, когнитивный, мотивационный. Открываются, таким образом, новые перспективы исследования структуры, семантики и прагматики художественного текста для постижения его смысла и коммуникативного эффекта, что имеет как теоретическую, так и практическую значимость.

В докладе отмечается важность изучения таких актуальных проблем, как ассоциативный потенциал слова (Леонтьев А.А., Залевская А.А., Караулов Ю.Н. и др.), исследование ассоциативных механизмов мышления (Леонтьев А.А., Лурия А.Р.), роль ассоциативного принципа в организации картины мира, структур представления знаний в сознании человека, текстовые ассоциации (Болотнова Н.С., Карпенко С.М. и др.).

В докладе освещаются важные для формирования художественного смысла текста понятия: ассоциат, ассоциативная доминанта текста, ассоциативное поле текста, ассоциативная структура и ассоциативное развёртывание текста. Ассоциат является, по определению Болотновой Н.С., элементом лексической структуры текста, смысловым коррелятом к слову-стимулу. Данный элемент соотносится в сознании воспринимающего текст субъекта с реалиями текстового мира, коррелирующего с миром реальности, что отражает коммуникативно-деятельный подход к тексту и его элементам. Ассоциаты играют важную роль в понимании смысла текста и лингвисты (Болотнова Н.С., Васильева А.А. и др.) рассматривают их как ключевые, существующие в тексте имплицитно или эксплицитно. Вслед за Болотновой Н.С., мы рассматриваем лексическую структуру текста как его ассоциативную доминанту. В лексической макроструктуре текста выделяются: ключевые слова, ряд слов с ассоциативно-смысловыми отношениями, тезис-высказывание, которые могут находиться в препозиции, постпозиции или иметь «кольцевое» положение (Карпенко С.М.). Под ассоциативной структурой текста нами понимается модель его ассоциативного развёртывания. В коммуникативной стилистике широко используется термин «направление ассоциирования», т.е. фокусирование ассоциаций, актуализирующих определённый смысл. Совокупность направлений ассоциирования образует ассоциативную структуру текста. В сознании читателя воспринимаемый текст и его смысл проецируются в виде развёртывания направлений ассоциирования, возникающих естественно.

В докладе выделяются и описываются два подхода к исследованию ассоциативной структуры художественного текста: «оттекстовый» и «личностный». Оба подхода были апробированы автором на занятиях по интерпретации художественного текста на старших курсах. Разработанная методика и результаты исследования приводятся в докладе.

«Оттекстовый» подход основан на выявлении эксплицитных и имплицитных текстовых ассоциаций и характеризуется движением «от текста к читателю». «Личностный» подход к исследованию ассоциативной структуры текста основывается на анализе внетекстовых ассоциатов, связан с понятием «ассоциативное поле текста» и характеризуется движением «от читателя к

тексту». Ассоциативное поле образуется набором ассоциаций того или иного слова. Стимулами ассоциаций выступают ключевые слова. Ассоциативные возможности слов устанавливаются с помощью словаря ассоциативных норм (РАС под ред. Караулова Ю.Н. – для русского языка; Norms of Word Association Ed. by Leo Postman – для английского языка). Ассоциативное поле состоит из ядерных (магистральных) и периферийных ассоциаций. Независимо от места в ассоциативном поле принципиально важны ассоциации, которые совпадают с реальными лексическими единицами текста. Изучение текстовых ассоциативных связей, стимулированных лексическими средствами, становится особенно актуальным, так как позволяет формировать направление ассоциирования текстовых слов и определять ассоциативное развёртывание целого текста, что даёт возможность судить об авторской картине мира писателя и особенностях его идиостиля.

Имиджевые публикации:

1. Ассоциативная структура текста // Языки и культуры в современном мире: Материалы XI международной конференции. М.: НОПрил, 2014. С.230-234.

2. Международная конференция «Языки и культуры в современном мире //Вопросы методики преподавания в вузе. – Вып.3/17 2014. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2014.

Водяницкая А.А. (Москва, Россия)

«ЗОЛОТАЯ СЕРЕДИНА» КАК КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ ОЦЕНОЧНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Лингвистическое исследование оценочных значений необходимо начинать с изучения философских предпосылок, которые дают ключ к более глубокому пониманию как проблемы ценностей, так и проблемы оценок, которые из ценностей вытекают. Основополагающим трудом, посвященным исследованию ценностей, является Никомахова этика Аристотеля.

Важной стороной подхода Аристотеля к добродетели является понятие о золотой середине. Большую важность мыслитель придает умеренности, мере, выделяя в каждой добродетели середину, недостаток и крайность. Так, мужество это хвалимая добродетель, рассматриваемая как середина страха и отважности. Идеи мыслителя нашли свое продолжение в трудах А.Ф. Лосева, И.А. Ильина и др.

Исследование многочисленных примеров передачи на русский язык оценочной составляющей английских и американских художественных произведений свидетельствует о том, что механизмы, выделенные Аристотелем, носят универсальный характер и находят своё отражение как в оригинале, так и в переводе (или переводах).

Переплетение авторских оценок и оценок, которые принадлежат персонажам, создаёт в художественном произведении различные ценностно-смысловые пласты, детальное изучение которых позволяет делать выводы о принципе золотой середины, которая уравнивает и отношения между героями, и, в ко-

нечном счете, отношения героя с самим собой и с читателем. В качестве примера можно привести пьесу Т. Уильямса "Glass Menagerie" («Стеклянный зверинец»). Главную героиню, Лору Уингфилд, чрезмерно восхваляла мама и недооценивал родной брат. При этом сама Лора страдала от чрезвычайно низкой самооценки. Но равновесие приходит тогда, когда друг брата, Джим, раскрывает перед Лорой собственную личность, показывает её слабые и сильные стороны, советует, как ей следует поступать. Несомненно, всё это находит своё отражение в оценочных значениях, с помощью которых автор устами героев раскрывает перед читателем личность Лоры.

В произведении Дж. Хэррис "Tea with the Birds" («Чай с птицами») главная героиня изначально считает своего нового соседа идеальным (a perfect neighbour): ...my neighbour might have been like myself: an unperson; a vacuum; a ghost. К господину Тамаоки никто не приходил в гости, он не обращался к своей соседке с просьбами одолжить сахара.

Однако отношение героини к мистеру Тамаоки резко меняется в отрицательную сторону, когда она понимает, что именно из-за него девушка просыпается чуть свет от грохота грузовика, привозящего соседу фрукты. Отрицательное отношение находит свое выражение через оценки, которые героиня, не стесняясь, бросает в лицо человека, не владеющего английским языком в достаточной мере, чтобы понять их.

Душевное равновесие приходит к девушке, когда она увидела, в каких чудесных птиц превращаются все эти фрукты в руках мистера Тамаоки. Увидев доброту и заботу этого безропотного человека, девушка изменила отношение не только к нему, но и к другим соседям. Она стала искать в них то хорошее, что было в каждом из них, т.е. начала искать в отношениях с людьми принцип золотой середины.

Являясь универсальной категорией, оценка присутствует во всех языках мира. Однако по мысли Е.М. Вольф, «в способах выражения оценочных значений языки проявляют свою индивидуальность».

Анализ семнадцати произведений на английском языке и тридцати четырех соответствующих им переводов позволил выявить, что в процессе перевода происходит смещение оценочных смыслов именно в силу специфики семантики оценочных средств в исследуемых языках. Прослеживаются подобные смещения в действиях переводчика, направленных на передачу, например, денотативного аспекта оценки, в то время как автор оригинала использует коннотацию. Среди других причин можно выделить генерализацию или конкретизацию оценки, варьирование стилистических характеристик оценки в переводе. Каждый такой аспект требует отдельного рассмотрения, однако общим является тот принцип «золотой середины», который кладет в основу своего произведения автор оригинала. По мысли В.Ф. Асмуса, в исследовательских целях в качестве точки отсчета важно взять некую данность, нечто уже существующее. «Именно это существование и считать достаточным основанием». Нам представляется, что переводчики идут к «золотой середине», заложенной автором, различными путями, однако на каждом этапе переводческого процесса она осознается ими

как нечто заданное, как достаточное основание для тех или иных переводческих решений.

Прийти к подобному выводу нам позволили многочисленные примеры переводов, в которых, при отклонениях от оригинала на поверхностном уровне, на глубинном уровне обнаруживается большее сходство с оригиналом.

Имиджевые публикации:

1. Водяницкая А.А. Передача языковых единиц с оценочной семантикой в переводе с английского языка // Вестник МГЛУ. Языкознание. 2012. Вып. 642. Теоретические проблемы перевода и переводческая практика. К 70-летию переводческого факультета МГЛУ. С.107-118.

2. Водяницкая А.А. Классификация эвалюативной семантики в переводческом аспекте // Вестник МГУ. Теория перевода. 2012. Вып. 3. С. 26-37.

3. Водяницкая А.А. Проблема единицы перевода в её связи с передачей положительных оценочных значений // Вестник МГЛУ. Языкознание. 2013. Вып. 669. Актуальные проблемы теории художественного перевода. С. 24-38.

4. Водяницкая А.А. Духовное становление литературного героя как результат столкновения ценностей личности и ценностей общества // Studium Juvenis. Межвузовский сборник трудов молодых ученых. Вып. 7. Челябинск, 2014.С. 110-117.

Волдарская Е.Б., Печинская Л.И. (Санкт-Петербург, Россия)

АСПЕКТЫ ОПТИМИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Компетентностный подход в обучении бакалавров иностранному языку требует внесения изменений в процесс обучения студентов неязыковых вузов. В силу влияния этих новых тенденций на разработку концепций иноязычного образования в высшей школе возникает необходимость оптимизировать учебный процесс обучения иностранному языку в вузе посредством более эффективного использования имеющихся внутренних ресурсов.

Низкий статус иностранного языка в системе школьных дисциплин и недостаточная укомплектованность учителями иностранного языка в школах являются причиной разноуровневой подготовки учащихся по дисциплине «иностранному языку». Все это вызывает затруднения, связанные с определением уровня, с которого следует начинать обучение, подбором соответствующих материалов для занятий и оптимизацией процесса обучения.

Принимая во внимание все вышеизложенное, в 2013 году в Санкт-Петербургском государственном политехническом университете было принято решение проводить тестирование первокурсников для определения уровня владения иностранным языком с целью последующего распределения студентов по языковым группам разного уровня. После проведения тестирования и анализа результатов студенты были распределены по 3-м уровням (С – Pre-Intermediate, В – Intermediate and А - Upper-Intermediate). Для каждого уровня

подобрано соответствующее учебное пособие курса Language Leader и создана дистанционная поддержка занятий по дисциплине «Базовый курс иностранного языка» (General English) на платформе Moodle.

Виртуальная обучающая среда Moodle (Modular Object-Oriented Dynamic Learning Environment) – это система управления содержимым сайта, специально разработанная для создания онлайн-курсов преподавателями. Она ориентирована на организацию взаимодействия между преподавателем и студентами как для аудиторной, так и внеаудиторной самостоятельной работы студентов.

Перед созданием таких курсов были определены цели и подходы к преподаванию иностранного языка в соответствии с уровнем знаний студентов, подобраны и подготовлены ресурсы и инструменты для активной деятельности обучаемых. Курсы созданы на основе блочно-модульной формы распределения учебной информации, а сочетание модулей предоставляет определенную степень гибкости и свободы в отборе и комплектации требуемого учебного материала как для аудиторного так и для внеаудиторного обучения студентов. Виртуальная обучающая среда Moodle значительно увеличивает эффективность обучения студентов неязыковых вузов иностранному языку, так как ресурсы данной среды достаточно разнообразны. Кроме того, она позволяет осуществлять качественный непрерывный контроль усвоения материала студентами не только преподавателю, но и студенту самостоятельно. Студенты, пропустившие занятия, или желающие вторично разобраться со сложной темой, получают дополнительную возможность для изучения материала урока, что также повышает эффективность обучения.

Одним из путей повышения эффективности языковой подготовки будущих специалистов неязыковых специальностей является самостоятельная работа. Она выполняется во внеаудиторное или аудиторное время по заданию и при методическом руководстве преподавателя, но без его непосредственного участия (либо при частичном непосредственном участии преподавателя, оставляющем ведущую роль в работе за студентом).

Организация самостоятельной работы студентов ставит перед собой следующие задачи:

- работу с пройденным материалом (закрепление, обобщение, повторение);
- формирование исследовательских умений;
- индивидуализацию учебной и научно-познавательной деятельности;
- формирование готовности к самообразованию в дальнейшей жизни.

Таким образом, сформировать компетентности, обозначенные в федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования и повысить качество обучения иностранному языку студентов неязыковых вузов позволяет разноуровневый подход к обучению студентов-бакалавров дисциплине «иностранному языку» с применением виртуальной обучающей среды Moodle.

Имиджевые публикации:

1. Володарская Е. Б. Развитие переводческой компетенции посредством обучения переводу газетных заголовков // Вопросы методики преподавания в вузе. – СПб.: Изд-во СПбГПУ. 2013. №2 (16). С. 170-174.

2. Володарская Е.Б. Формирование навыков устного и письменного общения у студентов экономического факультета на основе анализа англоязычных текстов // Вопросы методики преподавания в вузе. – СПб.: Изд-во СПбГПУ. 2012. №1 (15). С. 100-103.

3. Печинская Л.И. Использование интернет-ресурсов в учебном процессе // Реализация компетентностного подхода в системе высшего профессионального образования: сборник докладов Всероссийской научно-практической конференции 27-28 апреля 2012 года. – СПбГПУ, 2012. С. 162-164.

4. Печинская Л.И. Проблемы смешанного обучения в высшем образовании // Вопросы методики преподавания в вузе: сборник статей. – СПбГПУ, 2012.

Гаврилова А.В., Коган М.С. (Санкт-Петербург, Россия)

ДИДАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЛИКОДОВЫХ ИНТЕРНЕТ РЕСУРСОВ В ОРГАНИЗАЦИИ ВНЕАУДИТОРНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ

Современные образовательные программы большое место отводят самостоятельной работе студентов во внеаудиторное время. Такая форма внеаудиторной работы как домашнее чтение произведений художественной литературы традиционно используется преподавателями иностранных языков в разных дисциплинах: *Практикум по культуре речевого общения первого иностранного языка* (в программе подготовки лингвистов); в дисциплинах Программы дополнительного образования «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации»; в некоторых группах 1-го курса ИЭИ, МВШУ, ИФНиТ в рамках курса «Общий английский».

Задачи, которые решает этот вид самостоятельной работы студентов – ознакомление с художественными произведениями и освоение новой лексики.

Преподаватели, ведущие этот аспект, как показал проведенный нами опрос, подбирают литературу в соответствии с уровнем знания языка в конкретной группе и наличием подходящей литературы в библиотеке. Современные интернет-ресурсы значительно расширяют возможности этой проверенной десятилетиями формы самостоятельной работы студентов.

В настоящей работе мы хотим предложить еще не достаточно освоенные поликодовые интернет-ресурсы, а именно аудиокниги, широкий выбор которых представлен на сайте http://www.loyalbooks.com/Top_100 и литературные произведения, конкордансы которых доступны в сети, например, на сайте <http://victorian.lang.nagoya-u.ac.jp/concordance/dickens/>.

Аудиокниги являются классической формой поликодового текста, где присутствуют все три его составляющие: собственно текст (вербальная составляющая), визуальное изображение (шрифт, иллюстрации, дизайн) и аудиокомпонент (звуковое сопровождение). Аудиокниги можно также использовать для «наложения» аудиосопровождения при чтении печатной версии книги.

Поликодовость аудиокниг, с дидактической точки зрения, представляет собой безграничный образовательный ресурс для освоения новой лексики, так как при их прочтении активизируются два канала восприятия – зрительный и слуховой. Графическое изображение слова воспринимается через зрительный канал, а аудио составляющая дает образцовое фонетическое и интонационное отображение текста. Таким образом, успешно решается одна из задач внеклассного чтения – освоение новой лексики. Зачастую новые сложные слова, встретившиеся в тексте, проговариваются студентами неправильно. Именно образцовое фонетическое звучание текста и отдельных слов поможет студентам в правильном освоении новых лексических единиц.

Другой аспект этой проблемы – освоение незнакомой лексики при чтении связан со следующими широко обсуждаемыми вопросами: какой процент незнакомых для читателя слов может содержать текст, чтобы они не препятствовали пониманию содержания текста и усваивались при чтении; возможно ли усвоение незнакомых слов только в процессе чтения; как соотносится словарный запас студентов с уровнем владения ИЯ, который можно измерить с помощью стандартизированных тестов с одной стороны, и с частотным распределением слов английского языка?

Широко известно утверждение, что 2 000 самых частотных слов английского языка составляют 80% слов в большинстве текстов. У учащихся среднего уровня (Intermediate level) владения ИЯ постулируется знание 2000 слов. Однако исследования показывают, что в этот объем входят слова из разных частотных диапазонов, и, следовательно, утверждение о том, что учащиеся знают 80% слов в любом тексте – неверно. Известно, что для пассивного запоминания слова его необходимо встретить в тексте не менее 6 раз. Если учесть, что менее высокочастотные слова неравномерно распределены в текстах и встречаются в них достаточно редко, то освоение новой лексики при чтении текстов ограниченного объема «естественным образом» практически невозможно.

Один из эффективных способов решения этой проблемы состоит в обращении к конкордансу текста всего произведения или корпусу текстов данного писателя, что позволяет увидеть незнакомое слово в нескольких разных контекстах. Даже при наличии в свободном доступе специальных программ-конкордансеров создание небольшого специального корпуса, например, популярных классических произведений, достаточно непростая задача. Поэтому логично воспользоваться имеющимися Интернет-ресурсами данного типа. По разнообразию выбора лидером является *Гипер- конкорданс* (Hyper-Concordance), содержащий произведения 200 английских, ирландских и американских авторов Викторианской эпохи.

Другим дидактически более разработанным ресурсом являются соответствующие разделы сайта известного канадского исследователя Т. Кобба <http://www.lex tutor.ca/>: http://www.lex tutor.ca/ra_read/graded/, (где доступны 11 книг) и http://www.lex tutor.ca/ra_read/callwild/. Имеющиеся контексты незнакомому читателю слова после щелчка по нему мышью будут показаны в окне под текстом главы; при этом текст главы остается перед глазами читателя. На сайте также доступна аудиозапись книги. Если слово встречается в произведении

только 1 или 2 раза, что недостаточно для его запоминания и эффективной смысловой догадки, можно обратиться к конкордансам этого слова в других контекстах, например, в *Brown corpus* или *BNC (written)*, а с помощью специального инструмента *Dictator* – дополнительно потренировать произношение выбранного незнакомого слова.

Разнообразный инструментарий сайта *Compleat Lexical Tutor* представляет преподавателю и учащимся много других возможностей работы с электронными текстами и незнакомой лексикой, что в конечном итоге способствует расширению словарного запаса и лучшему усвоению прочитанного текста.

Имиджевые публикации:

1. Almazova, N., Kogan, M. Computer assisted individual approach to acquiring foreign vocabulary of students major // Под. ред. Zaphiris, P., Ioannou, A. LCT 2014, Part II, LNCS 8524. 2014. С. 248-257. Springer, Heidelberg.

2. Алмазова Н.И., Коган М.С. Organizing Polytechnic Post-Graduate Students Individual Work on Required Reading Corpora (within ESP Course) // Университетский научный журнал. 2013. №6. С. 13-25.

3. Гаврилова А.В. Принцип поликодовости в презентации учебных заданий на аудирование. // Сборник докладов Всероссийской научно-практической конференции 27-28 апреля 2012г. СПб.: СПбГПУ. 2012. С. 51-57.

4. Андреева Е.Х., Гаврилова А.В. Применение принципа поликодовости в обучении студентов переводу деловой документации. // Коммуникация в поликодовом пространстве: языковые, культурологические и дидактические аспекты. Материалы международной научной конференции. – СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2013, с.59-60.

Галушко Т.Г. (Санкт-Петербург, Россия)

ДИСКУРС СОВРЕМЕННЫХ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК И ЛИНГВИСТИКА XXI ВЕКА

Лингвистика XXI века нуждается в инновационных стратегиях мышления, в методологических концепциях, разрабатываемых в гуманитарных науках, где рождаются новые художественные и теоретические практики, так как меняется контекст и смысл традиционных понятий гуманитарного знания, таких как *слово, знак, текст, контекст, дискурс* и др., радикально меняются наши представления о перспективах гуманитарных наук, и в электронно-информационных полях меняется сам человек.

Аналитические направления филологии и других гуманитарных наук XX века сменяются синтетическими и генеративными теориями XXI века, которые постепенно сформируются в гуманитарном поле, в котором рождаются новые концепции, жанры, стили и дисциплины междисциплинарного поля, включающего человека.

В современном научном гуманитарном дискурсе конструктивной задачей является синтез нового языка и новых понятий, раздвижение границ мыслимого и говоримого. При этом речь не идет о том, чтобы свести концы с концами и

предложить законченную теорию предмета. Напротив, «концы» должны расходиться как можно дальше, и не сводиться к одной единой концепции или теории. Понятие «расходящийся дискурс» занимает все большее место в гуманитарном знании.

Если сходящийся дискурс пытается объединить разные идеи в одну логическую конструкцию, то расходящийся дискурс, напротив, развязывает узлы понятий, которые «разбегаются» в неизвестность.

Что дискурсу свойственно «разбегаться», свидетельствует сама этимология слова (лат. *dis* + *curre*, буквально «разбегаться»). Различие сходящегося и расходящегося дискурсов пересекает границы научных школ и направлений. Л. Витгенштейн в своем предисловии к «Философским исследованиям» пишет: «Как только я пытаюсь принудить мои мысли идти в одном направлении вопреки их естественной склонности, они вскоре оскудевали. И это было, безусловно, связано с природой самого исследования. Именно оно принуждает нас странствовать по обширному полю мысли. Пересекая его вдоль и поперек в самых различных направлениях».

Например, в лингвистике во второй половине и с 80-х годов XX века появляется ряд направлений, концепций и соответствующих лингвистик и грамматик: генеративная, коммуникативная, функциональная, прагматическая, когнитивная, когнитивная семантика, культурологическая и др. Они образуют междисциплинарный лингвистический современный дискурс, но, явно, не сводимы к единой теории языка.

Следующим методологическим принципом для инновационных исследований является абдукция, которая имеет некоторое отношение к экстраполяции научных понятий. Общая методология науки XX века как методология философского сжатия завершается и начинается методология расширения. Если Гегелевский основной прием, есть **снятие** (*aufheben*) и завершение противоречий, то логика современной мысли скорее **отнятие, изъятие, абдукция**. Это означает, что невоплощенные смыслы путями перехода оказываются в иной модальности и в иных возможных мирах.

Такое гуманитарное применение известной физической формулы есть только метафора, которая указывает на сходство энергетических процессов в физической и ментальной областях. Это абдукция как логическое «умыкание» позволяет термин или понятие переносить из одной области в другую, где он вступает в поле другого дискурса. Абдукция (термин был введен Ч. Пирсом по контрасту с терминами «индукция» и «дедукция» для обозначения логики гипотетического мышления) позволяет вывести понятие из привычного категориального ряда, в котором оно закреплено традицией, в другой ряд или множественные ряды.

Например, в синергетике сложные открытые нелинейные системы самоорганизуются, на основе абдукции понятие самоорганизации системы объясняет многие сложные явления самоорганизации в языке и довольно успешно. Первый закон термодинамики об энтропии на основе абдукции эффективно используется во многих гуманитарных науках, в том числе и в лингвистике.

Великий лингвист современности, родоначальник дискурсивно-ориентированного подхода к синтаксису Талми Гивон говорил о том, что сделать открытие в лингвистике можно при условии выхода за пределы лингвистики. По мнению Талми Гивона, лингвистика и биология являются связанными науками. Язык, как и биологические процессы, постоянно эволюционирует. Эволюция создает механизмы для адаптации языка. В языкознании совместное изучение биологии и лингвистики недавно стало темой для обсуждений на 5-й международной конференции по когнитивной науке в 2012 г. в Калининграде. Гивон подчеркнул, что изучение языка в узко лингвистическом смысле заменяется переходом на связующее изучение языка и развития интеллекта. И в этом случае абдукция необходима для открытия новых горизонтов для инновационных лингвистических исследований, а также для инновационной лингводидактики (изучение иностранного языка и развитие интеллекта).

Исследования по теоретической биологии, доказывающие, что интеллект представляет собой иерархию синтеза информации, или работа Э. Голдберга о возможностях работы мозга, позволят лингвистам и специалистам по лингводидактике сделать новые открытия инновационного характера. Перспектива движения гуманитарных наук, теоретические нехватки и механизмы их восполнения, проблематичность гуманитарного знания как самопознания – это путь к синтетической и генеративной теории XXI века.

Имиджевые публикации:

1. Галушко Т.Г. Морфологическая классификация языков и этноментальность. // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Научный журнал. Серия «Филология». 2009. № 3. С.80-88.

2. Галушко Т.Г. Некоторые проблемы интерпретации художественного абсурда. // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Научный журнал. Том 1. Филология. 2010. № 3. С.271-281.

3. Галушко Т.Г. Метафора фрактала и фрактал метафоры // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Научный журнал. Том 5. Филология. 2010. № 1. С.23-34.

4. Галушко Т.Г. Некоторые лингвистические, культурологические и онтологические особенности семиозиса в диапазоне «сакральное-профаническое» // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Научный журнал. Том 7. Филология. 2011. № 1. С.18-28.

Гейхман Л.К. (Пермь, Россия), Ставцева И.В. (Челябинск, Россия)

ИННОВАЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: СИНЕРГИЯ ТЕХНОЛОГИИ И ТВОРЧЕСТВА

В современном мире главным императивом развития любой специальной области является инновационность как формирование будущего, создающее постоянные качественные изменения в профессиональной сфере настоящего. Огромна роль университетов как центров инноваций. Университет – то место, в котором знание не просто передаётся от преподавателя к студенту, но, прежде

всего, рождается, развивается, находит свое практическое воплощение в тесном взаимодействии субъектов образовательного процесса. Однако, несмотря на то, что инновации мыслятся нормой современного образования, дискуссионным остается ответ на вопрос – каким образом обеспечить инновационный характер образовательной системы?

На наш взгляд, главным условием инновационности является синергия технологии и творчества в деятельности субъектов образовательного процесса как двух полярных точек одной линии синергетического взаимодействия. Синергетика – центральная научная парадигма XX – начала XXI века, мощное направление, изменяющее традиционные принципы, подходы и методы исследования кардинальным образом – определяется автором данного термина, Г. Хакеном, как совокупный коллективный эффект взаимодействия большого числа подсистем, приводящий к образованию устойчивых структур и самоорганизации в сложных системах. Зародившись в недрах естественных наук, понятие синергетики проникло и в социально-гуманитарную сферу. В частности, под синергетической педагогикой понимается направление, исследующее организацию, самоорганизацию такой сложной, нелинейной, открытой системы как современное образование и взаимодействие образовательных подсистем. Синергетический подход к изучению процессов образования и самообразования, развития и саморазвития, совершенствования и самосовершенствования становится важным методологическим инструментом, раскрывающим их механизмы, прогнозирующим выработку эффективных педагогических методов и приемов, благоприятствующих формированию личности будущего. Синергетическое мировидение по-новому определяет диалог субъектов образовательного процесса, снимая жесткую традиционную субъект-объектную оппозицию и компенсируя крайние точки взаимодействующих систем, приводя к общему результату, не сводимому к сумме единичных.

Итак, что получается при взаимодействии технологии и творчества в деятельности преподавателя? По справедливому замечанию И.В. Загвязинского, основой педагогического творчества является качественная переработка как ясно осознаваемых, так и заложенных в подсознании данных об особенностях протекания педагогического процесса. Ведь, с одной стороны, научно обоснованная педагогическая технология инструментальна и воспроизводима. Она направлена на решение стандартных задач и гарантирует измеримый образовательный результат. С другой же стороны, овладение комплексным набором технологий творческой личностью преподавателя гарантирует вариативность применения технологической составляющей в процессе индивидуальной траектории профессиональной деятельности.

Подобный эффект мы получаем и в случае, если творческая личность студента вооружена набором технологий эффективной интеллектуальной деятельности. Соответственно, важным является выбор таких педагогических технологий, которые бы позволили преподавателю сконцентрировать внимание студента на овладении инструментами учения и самоменеджмента. Комплекс технологий, отвечающих данному требованию, например, может состоять из мо-

дульной, формирующе-оценивающей, проектной и технологии портфолио, единовременно интегрированных в определенную дисциплину.

Модульная технология, сочетающая в себе принцип смешанного программирования и блочной подачи материала, направлена на построение гибкой образовательной системы, легко адаптируемой для индивидуальных потребностей студента. Данная технология позволяет сформировать хорошо структурированную, целостную систему дисциплины, включающую в себя программу действий, банк информации и методическое руководство, с которыми студент может работать самостоятельно. При этом время практических занятий освобождается для закрепления самостоятельно освоенного материала, а роль преподавателя варьируется от информационно-контролирующей до консультативно-координирующей.

Формирующе-оценивающая технология основана на взаимодействии и взаимообусловленности систем формирования и оценивания и направлена на становление студента как субъекта формирующей и оценочной деятельности. Алгоритм технологии предполагает, прежде всего, установление соответствия систем получения и фиксации образовательного результата между собой, а также разработку механизма сравнения желаемого и текущего результата одного студента. Важными являются: критериальный аппарат, механизм использования оценочных данных для преодоления текущего уровня, максимальное включение студента в оценочную деятельность, достижение сближения самооценки студента с экспертной оценкой.

Проектная технология создает условия для индивидуальной творческой деятельности студента и формирует умение адаптироваться к стремительно изменяющимся условиям жизни. Проектная технология может использоваться на различных этапах образовательного процесса, но органичнее всего в комплексе предложенных педагогических технологий она выглядит как завершающая. Логично построенные шаги выполнения единого для курса проекта способствуют осмыслению необходимости деталей иноязычного курса, а фирменная проектная продуктивность гарантирует целостность восприятия дисциплины.

Наконец, технология портфолио, результирующая в процесс фиксации собственных достижений студента и преподавателя с последующим представлением единого, оформленного результата, служит созданию единой образовательной среды, которая обеспечивает эффективное взаимодействие субъектов образовательного процесса. Студент использует материалы портфолио преподавателя, в то время как преподаватель использует лучшие работы студентов.

Имиджевые публикации:

1. Гейхман Л.К. Интерактивное обучение общению. Подход и модель. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. – 260 с.
2. Гейхман Л.К. Развитие читательской компетентности цифрового пользователя посредством составления учебного пользовательского словаря / Л.К. Гейхман, И.В. Ставцева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». Том 10. №2. – Челябинск: Изд-во «Южно-Уральский

государственный университет» (национальный исследовательский университет), 2013. С.65-70.

3. Гейхман, Л.К. Синергетическая педагогика / Л.К. Гейхман, Л.В. Кушнина, А.В. Кушнин. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2011. – 177 с.

4. Ставцева, И.В. Создание пользовательского терминологического словаря как подготовка к межкультурному взаимодействию // Педагогическое образование в России. 2013. №1. – Екатеринбург: Научное издание ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», 2013. С.141-145.

Gärtner T., Schroth-Wiechert S. (Germany), Kogan M. (Russia)

A CORPUS-BASED TRILINGUAL PLATFORM FOR ACADEMICTECHNICAL WRITING

Academic writing in a foreign language and sometimes also in the mother tongue is a major problem for students. As universities try to enhance their student's writing, the number of writing centers grows. The writing classes and workshops offered by these writing centers tend to become increasingly specific. Simultaneously text corpora to help student's to improve their texts are on the rise. As a consequence corpus linguistics is an increasingly important research field for scholars and language instructors.

If writers have access to huge collections of texts, so called corpora, which differ from a simple collection of texts, because they have tagging and different search abilities, they can, for example, generate academic writing patterns like the following:

- German: Basierend auf dieser Konzeption wurde im Rahmen der vorliegenden Arbeit die [...] berechnet.

- English: Based on this conception, the [...] was calculated in the present work.

- Russian: На базисе этой концепции в рамках предложенной работы представляем Вам счёт [...].

However, there are hardly any text corpora for specific academic disciplines to be found, although they are supposed to be an effective tool in the scientific community. From November 2015 onward the Leibniz University of Hanover (LUH) and at the Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University (SPbPU) will offer the so called DEaR Corpus (which stands for the German, English and Russian languages) for civil engineering for their students and lecturers. DEaR will be a resource, which will be helpful for writers in civil engineering, who have to compose technical reports like a master thesis or a dissertation in German, English or Russian.

The acquisition of the technical texts for the DEaR Corpus is in progress. It is planned to use electronically published dissertations in German and English from the LUH and Russian dissertations from the SPbPU. The question of the intellectual property rights has to be settled first. The current corpus tool only contains a small number of texts to develop and demonstrate new functions. The programme is intended to serve two types of corpus users. One type is a writer, who just wants an overview, i.e. the quantity of one word or a phrase and some sample sentences. The

second type of user might be a linguist or a language teacher, who wants to go into detail and therefore has the need of advanced research functions like compare two items.

There are two goals, which the DEaR Corpus aims at. The first goal is to offer writers a tool to examine the language of their specific discipline. The corpus can be used autonomously, in the framework of an academic writing class or of a writing mentoring. A testing phase will start in May 2015.

The second goal comes from the origin of the project. For almost ten years, the language centre of the LUH offers a so called “writing-mentoring” for international students of civil engineering writing in German. Although their German skills are typically on a high level, they have many mistakes and questions in common. It is obvious that the writing problem does not concern the specialised lexical terminology or semantics, but rather the general scientific language. Textbooks or other teaching material to support the students’ writing process are not available. This lack of material has lead us to start defining the typical categories of writing goals or communicative purposes (e.g. to compare, to introduce the subject) and to illustrate these with authentic examples taken from technical reports written by Germans. This approach culminated into the book “Deutsch als Fremdsprache in den Ingenieurwissenschaften – Formulierungshilfen für schriftliche Arbeiten in Studium und Beruf” published by Cornelsen in 2011. This book helps students to transfer structures used by native speakers of German into their own writing. As mentioned above students need help with general scientific structures rather than field specific terminology.

It is necessary to systematically investigate the German scientific language of engineering according to the following levels: macro (part of the texts), meso (collocations), micro (grammar) and nano (punctuation marks, white spaces). A corpus and the respective tools containing texts written by civil engineers in German, English and Russian and linguistic functions will allow for a deeper examination of the language of specific scientific field. The results have to be didactically prepared for the students to use and published on a website or as printed material. The research matrix with the above mentioned four levels can be applied to the English and Russian academic language for civil engineering.

Гладко М.А., Поплавская Т.В. (Минск, Беларусь)

АРГУМЕНТИРОВАНИЕ – КОММУНИКАТИВНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ XXI ВЕКА

Процесс убеждения и аргументирование, через которое убеждение воплощается, их сосуществование является, с одной стороны, неотъемлемым свойством коммуникации, с другой, коммуникативной технологией, планомерно конструируемой и используемой в конкретных ситуациях речевого воздействия.

Процесс аргументирования в широком понимании изучался и продолжает изучаться. Это вечная тема, поскольку аргументирование – одна из возможностей речевого воздействия на сознание человека, при котором аргументатор создает свою действительность, изменяет суждения, верования и поведение

людей, оказывает влияние на их ощущение вероятного и невероятного, истинного и ложного, на оценку событий, идей, предложений. В то же время аргументирование представляет собой необходимое для ряда профессий умение, навык институционального общения, формируемый тем или иным способом в зависимости от специальности.

Для подготовки будущих специалистов по образовательному направлению «Связи с общественностью» в Минском государственном лингвистическом университете формирование такого рода навыка является первой необходимостью. Соответственно, обучение данной специальности открывается дисциплиной «Основы убеждения и аргументации», призванной снабдить студентов знаниями и сформировать умения и навыки практического владения технологиями аргументирования как инструмента их профессиональной деятельности.

Концепция обучения «Основам убеждения и аргументации» определяется пониманием этой дисциплины как некоего теоретико-практического руководства к действию. В этой связи формой проведения занятий являются лекции-дискуссии и практические занятия интерактивного характера с акцентом на работу в команде, ролевые игры.

Одна из задач дисциплины заключается в формировании умений анализировать и интерпретировать убеждающий дискурс с заданных теоретических позиций. Практические занятия по конкретной теме начинаются с анализа текстов, видеофрагментов, репрезентирующих разнообразные типы институционального дискурса: рекламный, политический, деловой, дипломатический и др. Студенты анализируют тексты по различным параметрам: шкала убеждения (от незапланированного эффекта до физического и эмоционального насилия); цели убеждения (краткосрочная и долгосрочная перспектива); типы целевой аудитории (активная, снисходительная, враждебная, критически настроенная, конфликтная, равнодушная, малоинформированная, с низким образовательным уровнем); цели и задачи убеждения, установки, ожидания и т.д.

Студентам предлагается классификация стратегий, риторических приемов и набор языковых средств, которые необходимо обнаружить в анализируемых текстах, видеофрагментах. Дальнейшие задания, выполняемые студентами, носят творческий характер и требуют глубокого проникновения в суть коммуникативных процессов. На самостоятельную работу выносятся создание реальных аргументативных текстов и эпизодов и подготовка их презентации.

Поскольку теоретической основой дисциплины является представление об аргументировании как процессе убеждения на основе рациональных (логических, интеллектуальных) и иррациональных (эмоциональных, ценностных) апелляций, то студентам даются задания на выявление характера обнаруженных в тексте апелляций, языковых средств, их эксплицирующих, например, *проанализируйте, убедительно ли отстаивает свою точку зрения менеджер в следующем кейсе, выявите рациональные и иррациональные апелляции, а также языковые средства их экспликации.*

Для отработки практических навыков аргументирования обучающиеся первоначально выполняют трансформационные, подстановочные задания: *докончите высказывания так, чтобы они содержали рациональные апелляции;*

переделайте высказывания так, чтобы в них использовались god words, devil words; используйте указанные апелляции для обоснования следующих утверждений.

На последующем этапе обучения формируются умения и навыки оптимизации собственного коммуникативного поведения путем выбора эффективной аргументативной стратегии. Так, студентам предлагается составить список апелляций, которые можно задействовать в конкретных, максимально приближенных к действительности, ситуациях (например, описывающих некоторое социально-политическое или культурное событие); дать предшествующий контекст к указанным восклицаниям; придумать не менее 4 слоганов, ориентированных на эмоциональную и ценностную сферу человека; привести аргументы в пользу/против открытия ... (книжного, продуктового, любого иного) магазина в месте X, он будет рентабельным/нерентабельным.

Завершающим шагом в формировании умений владения техниками рационального и иррационального аргументирования является инновационная игра «Есть идея!», участники которой «НОВАТОРЫ», «ОПТИМИСТЫ», «ПЕССИМИСТЫ», «РЕАЛИСТЫ» дискусируют на одну из предлагаемых тем, задействуя изученные типы апелляций.

В целом методика преподавания дисциплины «Основам убеждения и аргументации» представлена проблемно-дискуссионными форматами, позволяющими эффективно формировать умения и навыки, связанные с использованием стратегий и тактик эффективного аргументирования.

Имиджевые публикации:

1. Гладко М.А. Лексические средства реализации аргументирования в защитительном дискурсе // Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридико-лингвистическая герменевтика. – Барнаул, 2012. С. 45–53. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://konference.siberia-expert.com/publ/konferencija_2012/4-2-3.

2. Гладко М.А. Вербализация аргументирования в научном юридическом дискурсе Беларуси // Дискурсивные практики в Беларуси: межкультурный аспект / Мин. гос. лингв. ун-т; редкол.: Т.В. Поплавская [и др.]. – Минск, 2014. С. 164-177.

3. Поплавская Т. В. Основы теории коммуникации: метод. указания / Брест. гос. ун-т им. А.С.Пушкина; сост.: Т.В.Поплавская, Т.И. Свистун, И.Л. Ильичева. – Брест: БрГУ, 2014. – 32с.

4. Поплавская Т.В. Введение в теорию коммуникации: сетевое электрон. учеб. издание / Т. В. Поплавская, Т. А. Сысоева. – Минск: МГЛУ, 2014.

Гончарова В.А. (Москва, Россия)

ГИПОТЕЗА ЦЕННОСТНОЙ «ИНВОЛЮЦИИ» В ПОЛИКОДОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ

Осмысление иноязычного образования в межкультурном измерении, заявленное в последнее время как инновационный подход к обучению, становится

одной из центральных задач современной лингводидактики. Как следствие, изучению подвергаются разнообразные аспекты межкультурного иноязычного образования в плане содержательно-целевых приоритетов обучения, его технологических решений, напрямую зависящих от теории межличностного и межкультурного общения.

Известно, что столкновение с ареалом инородной культурной среды может привести к межкультурной ассимиляции, уподоблению (хотя и в поверхностном отношении) либо к конфронтации, вызванной противоречиями в культурных кодах коммуникантов. В последнем случае предпосылкой конфликта может стать неприятие (которое всегда есть непонимание) ценностных императивов участников общения.

Ценностно-мотивационный компонент иноязычного образования приобретает особую значимость в контексте межкультурного подхода. В частности, важна роль ценностей как фактора влияния (взаимообратного) на ход межкультурного общения и взаимопонимания. При этом важно понимать характер актуализации ценностей.

Обусловленный их социальной сущностью, системно-иерархический характер культурных ценностей отражается в уровнях (планах) их актуализации. Большинство ученых, исследующих феномен культурных ценностей, отмечают, что ценности человеческой деятельности могут иметь различные уровни актуализации: 1) принятые и функционирующие в обществе в целом (метаиндивидуальный уровень), 2) проявляющиеся в межсубъектном взаимодействии (интериндивидуальный уровень), 3) интериоризованные и осмысленно принятые личностью в качестве эталона модели собственного поведения (интраиндивидуальный уровень). При этом роль базисных основополагающих ценностей выполняют общечеловеческие ценности, то есть метаиндивидуальный уровень, как первичный, порождает интериндивидуальный уровень (национальное преломление общечеловеческих ценностей, также включающее всевозможные разновидности в рамках субкультуры), который, в свою очередь, выступает той средой, в которой может возникнуть интраиндивидуальный уровень (осмысленные и присвоенные личностью ценности или ценностные ориентации). Так, последовательность актуализации ценностей, их эволюция, направлена от унификации, некой общности, к уникальности, единичности, проявленной в субъективном выборе отдельной личности. Учитывая, однако, факт того, что выбор личности всегда, так или иначе, детерминируется обществом, уместно предположить, что посредством личности транслируются национальные и общечеловеческие ценности.

Однако в ходе межкультурного общения подобная логика меняется. Изучение данной проблемы позволило сформулировать следующую гипотезу:

- характер участия личности в межкультурной коммуникации обусловлен национально-культурными ценностями (существующими как этнокультурные репрезентанты общечеловеческих ценностей), исповедуемыми и транслируемыми этой личностью на индивидуальном уровне,
- что является потенциальной причиной конфликта взаимопонимания (например, проявляется в стереотипном восприятии);

- при этом межличностный характер такой коммуникации ведет к инициации личностной рефлексии, возникающей только в процессе общения, в основном в конфликтных ситуациях;
- в данном случае имеет место выработка (изменение существующих) индивидуальных ценностей личности на когнитивном рациональном плане,
- которые впоследствии ведут к коррекции национально-культурных и переосмыслению общечеловеческих ценностей;
- следовательно, **межкультурное (иноязычное) общение можно рассматривать как естественную область актуализации и осмысления ценностей, в которой последовательность проявления ценностей переворачивается по оси обратного восхождения от индивидуальных к общечеловеческим, то есть происходит своеобразная «инволюция» ценностей.**

Таким образом, межкультурное общение представляет собой своего рода ценностную девиацию, в результате чего личность открывает для себя общечеловеческие ценности, преодолевающие конфликты взаимопонимания. Общечеловеческие ценности, в свою очередь, могут проявиться лишь в ситуации межкультурного общения на сознательной основе.

Разработка ценностно-мотивационного компонента содержания межкультурного иноязычного образования, таким образом, является сущностной проблемой и задачей современной лингводидактики. Именно ценностный компонент связан с формированием интеркультуры (метакультуры), как пространства личностного развития, приобретения личностью участника межкультурного общения сознания «гражданина мира».

Имиджевые публикации:

1. Гончарова В.А. Межкультурное общение: непонимание? Лингводидактические решения (монография) / В.А. Гончарова, М.Ф. Овчинникова, И.Н. Столярова. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2012. – 212 с.
2. Гончарова В.А. Межкультурное общение: проблема или возможность?: монография. – М.: МГПУ, 2014. – 240 с.
3. Гончарова В.А. Метакультура в контексте современного иноязычного образования // Вестник Московского городского педагогического университета. – М.: МГПУ, 2014. № 1(13). С. 61 – 68.

Гребенщикова А.В. (Челябинск, Россия)

СОВРЕМЕННАЯ ЛЕКЦИЯ КАК ФОРМА СЕТЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Лекция, как разновидность научной коммуникации и педагогического дискурса, является одной из самых древних форм взаимодействия преподавателя и студента из ныне существующих в высшей школе. Однако, в течение последних лет все чаще можно услышать мнение о том, что лекция изживает себя как форма образовательного процесса в высших образовательных учреждениях, подтверждением чему становятся новые учебные планы, в которых все меньшее количество часов выделяется на аудиторную работу вообще, и на лекции в

частности. Действительно, наступает время перерождения традиционной университетской лекции, предпосылками чего являются требования стремительно развивающегося информационного общества, общества сетевых структур.

Сетевое взаимодействие субъектов высшего образования в контексте рассматриваемой проблемы понимается гораздо шире нежели системное взаимодействие между образовательными учреждениями по взаимному обмену их ресурсами, а именно: как горизонтальное учебное взаимодействие преподавателя/ей и студентов, характеризующееся полисубъектностью, интерактивностью и технологичностью.

Лекция (от лат. *lectio* – чтение) зародилась в период средневековья как способ взаимодействия преподавателя и студента, целью которого было прояснить, донести информацию. Преподаватель являлся при этом единственным источником знаний, истиной в последней инстанции, непререкаемым авторитетом, а студент рассматривался как объект педагогического воздействия, сосуд, который следовало наполнить. Впоследствии, в связи с расширением видов источников получения знания, лекция трансформировалась. Традиционные лекции стали включать элементы диспутов и дискуссий, преподаватель и студенты перешли от отношений воздействия к взаимодействию, а, следовательно, студент, получив возможность задавать вопросы, высказываться, перестал быть пассивным слушателем, приобрел субъектные характеристики. Просуществовав в таком виде в течении последних двух столетий, лекция с наступлением общества сетевых структур вынуждена претерпеть значительные изменения по целому ряду причин.

Во-первых, изменились объемы поступающей информации. Мы существуем в среде мощнейших информационных потоков, которые невозможно обрабатывать, поэтому человек осуществляет работу с информацией по принципу формирования запросов. В этой связи, лектор, не являясь более основным и тем более единственным источником информации, становится скорее проводником, посредником между студентом и актуальной (не любой) информацией, а лекция становится возможностью получения ключевых данных, задач для дальнейшего формирования поисковых запросов.

Во-вторых, изменились виды информационных источников. Мы привыкли воспринимать информацию в 3D-, а то и в 5D-формате, наши органы чувств адаптировались к одновременному восприятию информации по нескольким каналам, возросла способность к многозадачности. Так, лекция не может более быть просто "прочитанной". Она становится мультимедийной: голос лектора поддерживается гипертекстовым конспектом, аудио- и видео- рядами, мультимедийной презентацией.

В-третьих, изменился подход к восприятию информации. Информация зачастую подается агрессивно, навязывается, объем недостоверной информации растет, вследствие чего человек вынужден из позиции открытого восприятия, пассивного поглощения, переходить в позицию защиты, подключать механизмы фильтрации и критического анализа. Именно поэтому, современная лекция становится интерактивной. Участники занимают активные, деятельностные позиции. Студенты становятся соавторами актуального тематического материала,

а преподаватель выступает регулятором процесса полисубъектного взаимодействия.

Современную лекцию можно сравнить с хорошо-организованным научно-ориентированным ток-шоу, в котором преподаватель является наиболее информированным по обсуждаемой проблеме участником, наделен правом организовывать, приостанавливать обсуждение, привлекать участников к дискуссии, делать выводы, подводить итоги. Целью лекции становится привлечение внимания к обсуждаемой проблеме, ее актуализация, формирование общих представлений по анализируемому вопросу. В этой связи, требования к преподавателю, как организатору современной лекции, значительно возрастают. Для успешной организации современной лекции преподаватель должен не только владеть глубокими системными знаниями по дисциплине, но и развивать коммуникативную компетенцию, знания и умения в области использования современных информационно-коммуникационных технологий. Как никогда актуальной становится повышение методической компетентности, ознакомление с инновационными методиками обучения. Вместе с тем, обладая высоким уровнем профессиональной компетентности, преподаватель должен также демонстрировать и незаурядные личностные качества. Лекция становится местом проявления харизмы преподавателя, его эмоционального интеллекта.

Таким образом, современная лекция из метода устного изложения материала по какой-либо проблеме, теме, превращается в форму интерактивного полисубъектного взаимодействия студентов и преподавателя/ей, опосредованного мультимедиа-технологиями и направленного на формирование общих научных представлений по заявленному поисковому запросу.

Имиджевые публикации:

1. Гребенщикова А.В. Основы квантитативной лингвистики и новых информационных технологий: учебное пособие. – М.: Флинта. Наука, 2014. – 158 с.

2. Гребенщикова А.В. Лингвоинформационное сетевое взаимодействие субъектов образовательного процесса в высшей школе: понятие, закономерности, принципы // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – М: Изд-во МГУ, 2014. № 3. С.158-166.

3. Гребенщикова, А.В., Бобыкина И.А. Электронная среда сетевого взаимодействия как средство продвижения межкультурных проектов // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2014. № 11. Том 1.

4. Гребенщикова, А.В. Сетевое взаимодействие субъектов высшего иноязычного образования: социально-исторические предпосылки и тенденции развития // Языки и культуры в современном мире: материалы XI международной конференции 2-7 июня, Париж. – М.: НОПРИЛ, 2014. С.171-175.

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ И СИНТАКСИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ГИПЕРТЕКСТА В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

Гипертекст как явление можно описывать, по крайней мере, согласно двум подходам: либо (1) как абсолютно новое образование, нуждающееся в принципиально новых исследовательских процедурах для выявления и объяснения основ семантической, синтаксической, тематической, функциональной, интенциональной и др. организации, существенно отличающихся от «традиционного» текста, либо (2) в опоре на положения теории текста, разработанных на материале первоначально письменной и затем устной коммуникации, как текст, бытующий в новой коммуникативной среде, в котором основные закономерности текстовой организации реализуются под влиянием особенностей коммуникативной среды специфическим образом.

Учитывая сущность текста, с одной стороны, и коммуникации, с другой, целесообразно избрать при анализе текстов, бытующих в разных коммуникативных средах, второй подход, который позволяет учитывать диалектику универсального и специфического, общего и единичного, конвенционального и идиостилистического в реализации закономерностей организации текста как феномена, с одной стороны, и гипертекстов, бытующих в разных коммуникативных пространствах, а также медиатекстов, с другой.

В этом контексте можно говорить о трех подходах к изучению семантической и синтаксической структуры текстов любого типа с разной средой бытования в дискурсах того или иного формата: микро-, мезо- и макротекстовый. При первом исследователь концентрирует свои усилия главным образом на выявлении принципов организации микротекстов, т.е. сверхфразовых единств, при последнем – на изучении макрокомпонентов как непосредственных составляющих текста, т.е. единиц, семантически, тематически и синтаксически более сложных, чем сверхфразовое единство, и менее сложных, чем цельный текст. Особого внимания заслуживает и в первом, и в последнем случае текстовые структуры, «прошивающие» весь текст и вычленимые по разным основаниям: это прежде всего прономинализации, номинативные, коннотативные, акциональные цепочки, тема-рематическая прогрессия того или иного типа и др. Не менее значимым в этом контексте является и выявление вклада средств форики в достижение когерентности, в особенности анафорических в «традиционных» текстах и катафорических в гипертекстах, а также медиатекстов, сообщающих о развитии в медиaproстранстве одного и того же медиасобытия.

Анализ очевидных достижений теории текста и гипертекста вообще и теории медиатекста в частности позволяет назвать ряд проблем, нуждающихся в тщательной разработке в опоре на уже познанные закономерности семантической и синтаксической организации текста как феномена. Такой проблемой следует признать, прежде всего, выявление принципов сочленения отдельных компонентов как непосредственных составляющих цельного текста в текстах конкретного типа в некоторой языковой культуре, а также гипертекста. Это необходимо, по крайней мере, для того, чтобы на единых теоретических основа-

ниях изучать, как культурная специфика обуславливает семантическую и синтаксическую организацию текста одного и того же типа в разных культурах. Ведь до сих пор решение этой научной задачи сводится, по сути, к перечню отдельных и, как правило, неоднопорядковых и для теории текста, и для разных культур характеристик, без раскрытия закономерностей сочленения уже давно тщательно описанных сверхфразовых единств в синтаксически более сложную структуру – текстовый макрокомпонент, а также в максимально сложную коммуникативную единицу – текст. Названный комплекс исследовательских задач следует признать предметом изучения в рамках мезотекстового анализа, поскольку объектом описания в этом случае становится тип текста и текстовая типология вообще.

Гипертексты, будучи в силу своей природы текстовым образованием, характеризуются очевидной широкой вариативностью, выявляемой по разным основаниям, в том числе и в зависимости от особенностей среды бытования, например, от медиасреды. Весь массив текстов медиапространства условно можно разделить на две неравновеликие группы – отдельные медиатексты и медиатексты, способные образовывать гипертексты. При включении конкретных медиатекстов в ту или иную группу целесообразно учитывать условия их порождения, а также формы их бытования в медиапространстве.

Медиатексты организованы, как и любой другой текст, согласно принятым в конкретной языковой культуре конвенциям. В медиапространстве первично каждый из них является более или менее автономным образованием и представляет собой интенциональное, содержательное, тематическое, формальное, структурное, функциональное единство. Однако медиатексты, порождаемые на одну и ту же тему в одном и/или нескольких медиаресурсах, способны складываться – при некоторых благоприятных условиях – в некоторый комплекс, в котором каждый отдельный медиатекст становится средством решения одной, общей для всего текстового комплекса, коммуникативной задачи, решая сам по себе свою – частную – коммуникативную задачу. В этом текстовом – и дискурсивном – комплексе порождаются и впоследствии транслируются не только внутри этого комплекса, но и вовне смыслы, которые могут кардинальным образом отличаться от трактовки содержания конкретных текстов, образующих соответствующий комплекс. Поэтому для каждого реципиента результирующая трактовка гипертекстов об одном и том же событии не представляет собой арифметическую сумму интерпретаций каждого конкретного медиатекста, сообщающего о некоторой фазе развития медиасобытия.

Порождённые в медиадискурсе новые смыслы могут способствовать пере структурированию – кардинальному и/или не столь существенному – имеющихся у коллективного реципиента комплексов сведений, в том числе и структур декларативного и процедурального знания, образующих структуры личностной и коллективной идентичности единичного и коллективного субъекта. Потенциально такие структуры, индуцированные медиадискурсом, могут затем сложиться в новые структуры знания и способны в дальнейшем стать для носителей языка и культуры образцом ментальной обработки актуально воспринимаемых реципиентами сведений, даже если в основе соответствующего когни-

тивного образца лежат несущественные, а то и «ложно» проинтерпретированные в акте познания и коммуникации признаки какого-либо объекта внеязыковой реальности, процесса, состояния, действия и т.д.

Имиджевые публикации:

1. Гришаева Л.И. Номинативно-коммуникативная функция предложения с глаголами поведения. – Воронеж: ВГУ, 1998. – 272 с.

2. Гришаева Л.И. Особенности использования языка и культурная идентичности коммуникантов. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2007. – 262 с.

3. Гришаева Л.И. Есть ли тема-рематическая прогрессия в креолизованном тексте? // Русская германистика. Ежегодник российского Союза германистов. Т. 8. – М.: Языки славянской культуры, 2011. С. 272-281.

4. Гришаева Л.И. Парадоксы медиалингвистики. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. – 295 с.

Данилевская Н.В., Вань Нин (Пермь, Россия)

НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКИЕ КЛЮЧЕВЫЕ СМЫСЛЫ В СЛОГАНАХ РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ АВТОМОБИЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ

Современная реклама, являясь одним из составных компонентов сложной структуры медиакommunikации, играет значительную роль в выстраивании мирового информационного пространства, оказывая непосредственное влияние на развитие межкультурных связей. Не последнюю роль играют здесь и автомобильные рекламные тексты, призванные продвигать автомобили одних стран на рынках сбыта других, тем самым объединяя людей и формируя автомобильные вкусы в мировом масштабе, а следовательно, объединяя разные культуры.

Вместе с тем, будучи частью мировой (межкультурной) коммуникации и распространяясь по всему земному шару, автомобильная реклама не может не отражать в своих текстах специфические этнические особенности поведения и мировосприятия того национального коллектива, к которому обращена. Поэтому реклама одного и того же автомобиля, предназначенная, например, для России и Китая, не может быть одинаковой.

Национально-специфические особенности автомобильного рекламного текста наиболее ярко и прежде всего выражены в слогане, который в этом типе рекламы является обязательным компонентом, ибо восприятие адресатом красивого изображения автомобиля становится для потребителя завершённым и осознанным только благодаря наличию в нём (в тексте) «выразительно кричащего» слогана, вербально концентрирующего все невербальные семы (знаки цвета, графики, изображений, линий и др.). При этом содержательным ядром слогана является «вложенный» в него *ключевой смысл* – *выражаемая слоганом обобщённая рекламная идея, направленная на сознание адресата и призванная воздействовать на его волю и чувства*.

Ключевой смысл (далее *КС*) – это «ударное звено» всей воздействующей цепочки рекламного текста (начиная от неязыковых средств и заканчивая пунк-

туационными знаками). Продуманный рекламодателем и специально заложенный в смысловой объём слогана КС апеллирует к сознанию и эмоциям адресата, западает в его душу и надолго остаётся в ней в виде обобщённого образа рекламируемого автомобиля.

Самыми распространёнными КС в слоганах **русской** автомобильной рекламы являются (по степени убывания значимости) *Технические и дизайнерские качества автомобиля*, *Автомобиль – источник особых ощущений*, *Исключительность этого автомобиля по сравнению с другими автомобилями*. Эти КС представлены в большинстве (95 %) слоганов рекламных текстов, ориентированных на российский автомобильный рынок.

Приоритетность этих смыслов вполне закономерна для российского автомобильного дискурса: весь советский период российский автопром не придавал большого значения удобству салона и внешнему оформлению автомобиля, надёжности его технического устройства, мощности мотора, долговечности механических деталей (запчастей). Русскому водителю долгое время пришлось быть вынужденным аскетом и, кроме того, постоянно заниматься ремонтом своего автомобиля, доделкой и переделкой воплощённых в нём инженерных решений; поэтому для русского водителя *комфорт* в эксплуатации, *надёжность* «железного друга», *эстетичность* его внешнего оформления являются приоритетными и составляют ядро ценностных качеств автомобиля. Отсюда важность и собственных эмоциональных ощущений – русскому автолюбителю необходимо гордиться своей машиной, сознавать, что она не только не хуже, но и по каким-то показателям даже лучше, чем у других.

Главенство в русском сознании эмоционально-психологического восприятия автомобиля отодвигает на дальний план такие, казалось бы, важные качества, как утилитарные – способность автомобиля осуществлять определённые задачи: быть средством для путешествий, семейного отдыха, работы, «вписываться» в городской ландшафт и др.

Несколько иные КС оказываются ядерными в слоганах рекламы, ориентированной на **китайский** автомобильный рынок. Это (по степени убывания значимости): *Исключительность этого автомобиля по сравнению с другими автомобилями*, *Автомобиль – движение вперёд/динамика*, *Автомобиль – источник особых ощущений*.

Как видно, чувство гордости за свою машину китайцам, как и русским, тоже свойственно, но если для русских оно стоит на последнем месте в ряду тройки автомобильных приоритетов, то для китайцев сознание исключительности своей машины является главным. Эмоционально-психологическое же восприятие автомобиля в тройке китайских автомобильных приоритетов оказывается на последнем месте, зато второе по значимости место занимает ощущение автомобиля как непрестанное движение вперёд на пути к достижению высших, всё более совершенных ценностей (именно так понимается этот ключевой смысл в китайской рекламе).

Интересно также то, что в китайских слоганах нет КС *Автомобиль – партнёр/друг*, *Автомобиль – символ лёгкой жизни*, *Автомобиль для отдыха*, *Автомобиль для работы/бизнеса*, *Качество автомобиля*, характерных для русских

слоганов: китайцы, в отличие от русских, не сравнивают автомобиль с партнёром или другом; они не рассматривают автомобиль как условие (символ) лёгкой жизни, как средство для отдыха или работы; китайцы не рассматривают качество автомобиля как отдельный (самостоятельный) параметр характеристики автомобиля.

С другой стороны, среди русских нет таких «китайских» ключевых слов, как *Следование традициям* и *Автомобиль как желание, искушение*. Кроме того, в русских слоганах характеристики «качество автомобиля» и «доступность автомобиля» обычно представлены нераздельно, как взаимообусловленные характеристики. В китайских же слоганах характеристика «качество автомобиля» специально не обозначается, а как бы растворяется в других ключевых смыслах.

Выявленные расхождения в автомобильных приоритетах у китайцев и русских определяются разной «автомобильной историей», разным жизненным опытом в обладании машинами и в их эксплуатации.

Имиджевые публикации:

1. Вариативные повторы как средство развертывания научного текста. Пермь: Изд-во Перм. ун-та. 1992. – 145 с.

2. Вариативные повторы как средство развертывания научного текста (глава в коллект. монографии) // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. / Под ред. М.Н. Кожиной: В 3 т. Т. II/ Стилистика научного текста (общие параметры). – Пермь: Изд-во Перм. ун-та. – 1996. – Ч. I. С. 263-323.

3. Роль оценки в механизме развертывания научного текста. Пермь: Изд-во Перм. ун-та. 2005. – 360 с.

Публикации Вань Нин:

1. Экономика и реклама: лингвокультурологический аспект // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 4(24). Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2013. С. 98–103.

2. Универсальное и национальное в текстах русской и китайской автомобильной рекламы // Экология языка и коммуникативная практика. Материалы международной научной конференции. Сибирский федеральный университет. Институт филологии и языковой коммуникации. Красноярск, 2014. № 2. С. 240–254. [В соавторстве с Н.В.Данилевской].

Дмитриев А.В. (Санкт-Петербург, Россия)

ЛИНГВО-ГЕОГРАФИЯ КАК ОБЪЕКТ КОМПЛЕКСНЫХ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

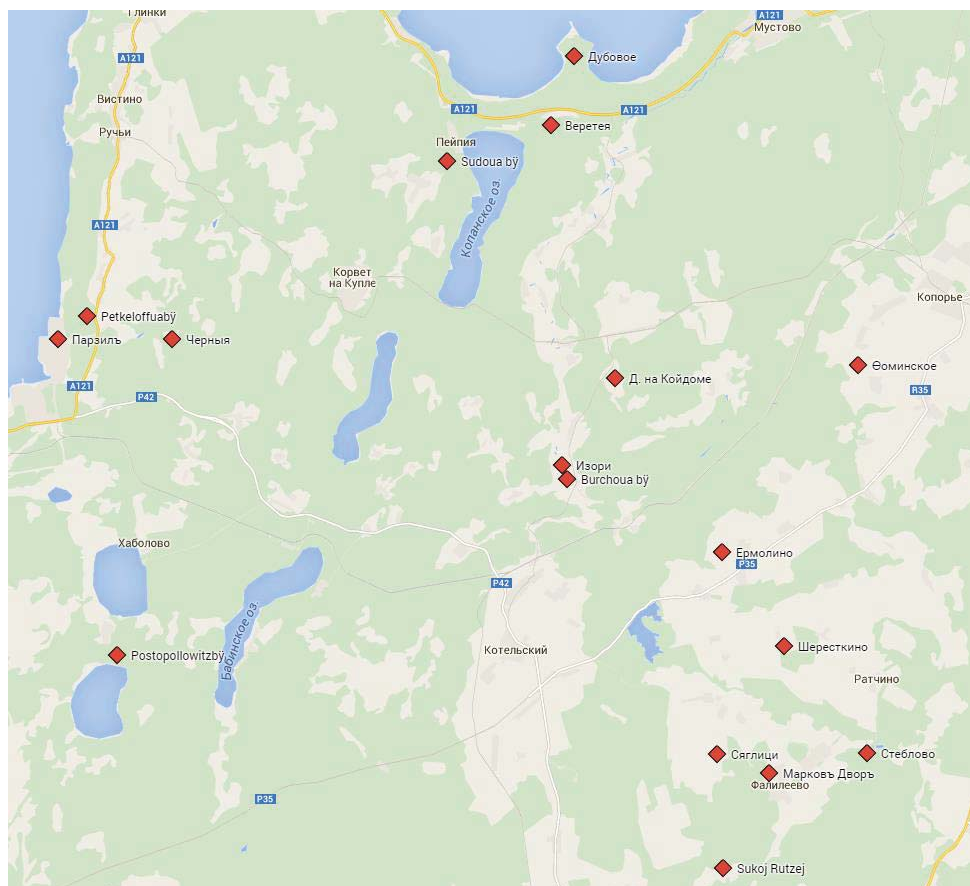
В докладе рассматриваются некоторые населенные пункты Западной Ингерманландии, которые зафиксированы в русской и шведской писцовой документации XVI–XVII веков, однако в поздних источниках XVIII–XXI веков уже отсутствуют: Веретя, Д. на Койдом, Дубовое, Ермолино, Изори, Марковъ

Дворъ, Парзиль, Стеблово, Сяглици, Өоминское, Черныя, Шересткино, Burchoua bÿ, Petkeloffuabÿ, Postopollowitzbÿ, Sudoua bÿ, Sukoï Rutzej.

Данные поселения в XVI веке входили в состав Никольского Толдожского, Егорьевского Ратчинского и Каргальского погостов. Эти погосты широко известны в исторической и топонимической литературе, особенно в связи с тем, что они были пограничными территориями между Московией и Ливонией со сложным этническим составом.

Актуальность исследования определяется тремя факторами:

Во-первых, в современной топонимической и историко-географической литературе об этих деревнях и селах ничего не известно, равно как и о других исчезнувших объектах неурбанизированной, или не-приневской, Ингерманландии (к примеру, Волосовский или Гатчинский районы). Как мы знаем, по топонимам допетровского Петербурга (приневской Ингерманландии) уже давно написан фундаментальный труд С. Кепсу «Петербург до Петербурга», где автор реконструировал топонимический облик местности, занятой впоследствии столицей Российской Империи. Мы же продолжаем развивать идеи, заложенные в свое время С. Кепсу. Во-вторых, эти деревни входят в древнюю комплексную топонимическую микрозону – Западную Ингерманландию, которой мы занимаемся с 2003 года, начиная со студенческих топонимических экспедиций. Эта микрозона сформировалась на стыке пяти языков и, как следствие, пяти топонимных пластов: русского, финского, водского, ижорского, эстонского. По сути дела, на остальной территории Ингерманландии нет больше таких поликодовых топонимических микрозон. В-третьих, в настоящее время мы готовим к выпуску первый том историко-топонимического словаря Ингерманландии. В этой связи данное исследование можно рассматривать как подготовительный материал для будущего словаря. Сложность работы с исчезнувшими объектами заключается в том, что многие из них зафиксированы только в текстах, что, как правило, делает невозможным локализовать их на географической карте и таким образом идентифицировать с конкретной местностью. Поэтому мы решили сконцентрировать наше внимание только на тех поселениях, которые нам удалось локализовать на географической карте.

Как результат топореконструкции, в докладе приводится карта с нанесенными на нее исчезнувшими объектами. На карте отражен ландшафт Кингисеппского района Ленинградской области.

Эти результаты могут быть использованы не только в научно-исследовательской деятельности лингвистами, историками, географами, археологами, но и в ходе учебно-образовательного процесса. Помимо готовящегося к выпуску первого тома историко-топонимического словаря Ингерманландии, мы планируем разработать спецкурс в рамках программы «Университета Искусств», поскольку программа предназначена для повышения культурного и гуманитарного уровня бакалавров СПбПУ. Приблизительное название спецкурса «Лингвогеографический метод в исторической топонимике».

Имиджевые публикации:

1. Административно-территориальное деление Ингерманландии и смежных с ней территорий в 1583-1590 годы в контексте новых данных топонимики // Scando-Slavica, 54, 2015 (**в печати**) (Scopus, РИНЦ).

2. Опыт комплексного исследования топонимов Западной Ингерманландии: историко-топонимический словарь // Linguistica Uralica, I, 2015, с. 57-63 (Scopus, РИНЦ).

3. К вопросу о лингво-топографических принципах составления российских карт в XVIII веке: критический обзор документов // Былые годы, 34 (4), 2014, с. 529-535 (Scopus, РИНЦ).

4. Ortsnamnregistret – электронная коллекция топонимов Швеции // Вопросы методики преподавания в ВУЗе, 3 (17), 2014, с. 346-356 (РИНЦ).

Дмитриева И.В. (Минск, Беларусь)

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА КАК ФАКТОР ЛИНГВОДИДАКТИКИ

Понятие языковой картины мира является одним из наиболее активно развивающихся и изменяющихся в современной лингвистике. Если изначально, например, представители московской семантической школы говорили о специфике языковой картины мира в сравнении с научной, то в дальнейшем уже само понятие языковой картины мира начинает раскладываться на частные составляющие и конкретизируется как минимум в двух, в определенной мере противопоставленных, разновидностях, т.н. наивная (обыденная, бытийная) языковая картина мира и научная языковая картина мира.

Способность сознания к чувственному восприятию и рациональной категоризации действительности проявляется как в наивной, так и в научной картине мира. Естественно, что главной для человека в бытийном плане является категоризация составных частей мира, которая происходит постоянно, стихийно, независимо и существует как обобщение опыта на уровне обыденного повседневного понятия. Категоризации подвергаются не только компоненты материального мира, но и сущности, не имеющие в нем своих денотатов. Научная категоризация пытается преодолеть стихийность наивного обобщения и типизации, привлекая в этот процесс базовые приемы рационального мышления – дедукцию и индукцию. Особо следует отметить проницаемость и изменчивость границ: являясь результатом целенаправленной познавательной деятельности человека, научная картина мира представляет совокупность научных знаний на данном этапе развития и постоянно эволюционирует, фрагменты научной картины мира встраиваются в обыденную картину.

Например, понятие *tense*, введенное в середине XIX века автором одного из первых научных описаний грамматики английского языка Г.Свитом для обозначения форм английского глагола, меняет свое содержательное наполнение, реализуемое в наивной и научной англоязычной картине мира. В первой, как показывает анализ дефиниций в современных словарях общеупотребительной лексики, сохраняется нерасчлененное использование данного термина для обозначения сущностно отличающихся характеристик действия/процесса, обозначаемого глаголом (время действия, характер действия, перспектива, предшествование), что является следствием синкретизма глагольной формы и того первоначального значения, которое было придано этому термину его автором. Серьезные академические университетские грамматики, представляя научную картину мира, основываются на категориальной природе форм глагола и связывают понятие *tense* с грамматическим способом представления универсальной

категории времени – *time*. Таким образом, можно отметить отсутствие прямого изоморфизма данных фрагментов научной и наивной языковых картин мира носителей английского языка. При этом общепонятное объективное время и грамматические формы глагола, связанные с ним, не смешиваются в языковом сознании носителя английского языка: в английской языковой картине мира *tense* и *time* являются разными и различимыми понятиями и представляют отдельные фрагменты этой картины.

Значимыми для лингводидактики являются не только результаты изучения национально-языковых картин мира, но и их сопоставительные контрастивные исследования. Так, два различающиеся в англоязычной картине мира понятия, *tense* и *time* в русскоязычной картине мира предстают формально нерасчлененными, т.е. соответствующий фрагмент русскоязычной картины мира имеет несколько иную конструктивную схему. В ней данный фрагмент предстает слитно: русское понятие *время*, соотносимое в сознании носителя языка, прежде всего, с объективным временем, поглощает и нейтрализует значения, присущие английскому *tense*, даже в той интерпретации, которую предлагают англоязычные словари общеупотребительной лексики. Конечно, *время* может получать свою дальнейшую конкретизацию за счет атрибутов «объективное», «грамматическое», «глагольное» и др., но необходимые пояснения, «грамматическое время» и «объективное время», чаще всего опускаются. Такая асимметрия данных фрагментов языковой картины мира носителей английского и русского языка делает особенно ответственным этап отбора интерпретационной составляющей любого учебного издания, т.е. «правил», и указывает на недостаточную эффективность дидактического соотношения «форма vs форма».

Обзор учебных изданий по практической грамматике выявляет сохраняющуюся тенденцию к традиционному «свитовскому» использованию понятия *tense*. Конечно, нельзя исключать из внимания фактор традиции и устойчивости многих представлений. Однако применительно к обсуждаемой проблеме приходится признать, что в большинстве своем аутентичные грамматики опираются на научные представления конца XIX века. С той поры лингвистическое знание существенно обогатилось и то, что составляло фрагмент научной языковой картины мира в XIX веке в настоящее время прочно вошло в широкое поле обыденной картины мира обычного носителя языка. Подтверждение тому находим в разнообразных словарных толкованиях понятия *tense*. Приходится отметить, что англоязычные издания в большинстве своем основываются не на научном, но на обыденном понимании *tense*. Такое положение дел ощутимо осложняет задачу отечественного преподавателя и/или автора учебного пособия, который, разрабатывая систему правил и упражнений по данной теме, пытается максимально использовать опыт носителей языка. Русскоязычные учебные издания следуют канону аутентичных изданий без учета того факта, что русское слово «время» значительно отличается охватом понятия от английского термина *tense*, а обыденное значение слова *tense* не отражает его терминологическое наполнение. Вне внимания специалистов по лингводидактике оказывается фактор асимметрии обсуждаемых фрагментов в языковых картинах мира.

Имиджевые публикации:

1. И.В. Дмитриева, Л.Ф. Дмитриева. Формализация категорий общения в художественных и научных англоязычных текстах // Коммуникация в поликультурном пространстве: языковые, культурологические и дидактические аспекты: материалы Международной научной конференции / под ред. И.А.Акоповой. – СПб.: Изд-вСПбГПУ, 2013. С.76-78.

2. И.В. Дмитриева. Функциональные стили и жанры с позиций категорий общения // Стил: международный журнал. – Белград: Международная ассоциация «Стил», 2006. Вып.5. С.63-76.

3. И.В. Дмитриева. В поисках доминанты предложения // Этапы становления композиционного синтаксиса: проблемы и задачи: сб. науч. ст. – Минск: МГЛУ, 2010. С. 7-21.

4. И.В. Дмитриева. Образ субъекта и объекта как маркер типа текста // La Table Ronde: сб. материалов. Вып. 2 Лингвистика дискурса и перспективы ее развития в парадигме современной славистики.– Минск, РИВШ, 2013. С.141-146.

Дмитриева Л.Ф. (Минск, Беларусь)

ЛИНГВО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Осуществляя важнейшую социальную, так называемую «преодолевающую» функцию, перевод актуализирует межкультурное общение людей. Письменный перевод, в частности, открывает людям широкий доступ к культурным достижениям других народов, способствует взаимодействию и взаимообогащению литератур и культур. В ряду разнообразных проблем, изучаемых современным языкознанием, выделяются проблемы исследования лингвистических аспектов межкультурной речевой деятельности, которую принято называть переводом или переводческой деятельностью. Включение в перечень дисциплин, подлежащих изучению на педагогическом факультете МГЛУ (Минск), курса теории и практики перевода призвано содействовать углублению и расширению филологической подготовки преподавателей иностранного языка.

Учитывая довольно скромный временной период, выделяемый учебным планом данной дисциплине, считаем важным прежде всего развивать у студентов умение определять, *видеть переводческую проблему*, заключенную в высказывании/ в тексте, и избирать соответствующие ей (переводческой проблеме) наборы лингво-переводческих преобразований. Особое внимание при этом следует обращать на развитие у студентов навыка передавать *информационные смыслы* переводимых высказываний/текстов, а не значение отдельных слов с исходного языка на переводящий язык. Овладение означенными умениями и навыками являет собой ответ на первичность вопроса «Что значит переводить?» в сравнении с вопросом «Как надо переводить?».

Подтверждением справедливости этих размышлений принимается изречение великого Михайло Ломоносова: «Надо быть не слов ловителем, но мыслей

искателем», которым он приветствовал первых юных слушателей академического курса открываемой им Российской Академии Наук, вознамерившихся посвятить себя научным познаниям объективной картины мира. Думается, что глубинные смыслы данного изречения заключают в себе целевые направления для будущих исследователей не только в области визуально-вербального восприятия наблюдаемой объективной действительности и научных идей, но в непременном осмыслении их поликодовых сущностей, их теоретико-практической значимости в многообразных сферах человеческого бытия.

В основе поликультурного пространства лингво-переводческого направления заложено понятие диалог культур, о чем свидетельствует определение, сформулированное профессором МГУ им. М. В. Ломоносова В.В.Мироновым: «Диалог культур – это познание иной культуры через свою, а своей через другую путем культурной интерпретации и адаптации этих культур друг к другу в условиях несовпадения большей части обеих. Главным средством этого выступает *язык*, знание которого является важнейшей предпосылкой понимания другой культуры. Зная иной язык, я необходимо *адаптирую* (перевожу) *смыслы* другой культуры. Сопоставляя же иную и свою культуры, я необходимым образом понимаю ценность и своеобразие собственной культуры» (Философия и метаморфозы культуры. М., 2005, с.150) .

Несколько ранее развивая эту мысль, Ю.М. Лотман отмечает существенную схему работы диалога культур: «Диалог культур как обмен порциями информации все время меняет положение культур по отношению друг к другу. Культура переходит от системы, прежде всего воспринимающей информацию, к системе, ее передающей» (Внутри мыслящих миров. М., 1996).

С.Г. Тер-Минасова кратко и ясно формулирует определения понятия язык и его неразрывную связь с культурой: «Язык как средство общения людей и сформированная с его помощью культура данного общества находятся в неразрывной связи и непрерывном взаимодействии, что и определяет их развитие» (Война и мир языков и культур. М., 2007).

Направляя мыслительную деятельность студента на установление переводческой проблемы при передаче высказывания/текста с исходного языка на переводящий язык, принимается во внимание пояснения А.И.Новикова о том, что содержание и смысл, являясь оба результатами понимания, представляют собой разные «ментальные образования», в основе которых лежат различные речемыслительные механизмы: «Содержание формируется как ментальное образование, моделирующее фрагмент действительности, о котором говорится в тексте, а смысл – это мысль об этой действительности, т.е. интерпретация того, что сообщается в тексте. Содержание базируется на денотативных (референтных) структурах, отражающих объективное «положение вещей» в мире. Смысл же базируется в определенной степени на уяснении «сути дела», запрограммированной автором в замысле текста, который при восприятии предстает как некоторый код, который следует расшифровать» (Содержание и смысл текста. Вестник Ярославского пед. ун-та. 2000. №3) .

Представляются достаточно продуктивными проводимые лингво-теоретические исследования переводческих проблем в русле изучения импли-

цитно-интерпретационного потенциала десемантизированного глагола в процессе передачи информационного смысла русскоязычного текста на английский язык; в русле изучения системы преобразований средств экспрессивности, стилистических актуализаций иронии в переводах художественных текстов; в русле изучения лингво-стилистических актуализаций средств вербализации образности, интенсификаторов качества и т.д. и т.п. Выполнение подобного рода исследований несомненно способствует развитию у студентов расширенных, интерпретационных прочтений имплицитных кодов, заложенных авторами в избранных текстах с позиций теоретических размышлений и осмыслений предпринимаемых переводческих решений.

Дьякова Е.Ю. (Воронеж, Россия)

ОСОБЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ВЕБ-САЙТА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ СОЗДАНИЯ НОВОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ВЕРСИИ ВЕБ-САЙТА ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)

Глобализация образования и активное участие российских вузов в Болонском процессе требует от российских высших учебных заведений принятия ряда мер для приведения своей деятельности в соответствие с мировыми образовательными стандартами. Одним из важных компонентов является наличие у вуза англоязычного сайта, отвечающего всем предъявляемым к таким информационным продуктам требованиям.

В современном образовательном контексте, важным показателем качества образования, предоставляемого определённым учебным заведением, является его участие и расположение в различных рейтингах. Как правило, международные рейтинговые агентства берут именно англоязычный сайт университета для оценки качества преподавательской и научной деятельности, осуществляемой данным учебным заведением. Веб-сайт университета оценивается как сложный информационный комплекс по целому ряду формально-содержательных критериев.

Создание англоязычной версии сайта представляется сложной многоплановой задачей, включающей в себя межкультурную адаптацию не только всего массива контента, содержащего в себе компоненты, принадлежащие разным знаковым структурам (вербальной, паравербальной, иконической), но и дизайна сайта с учётом особенностей культурного кода всех задействованных в создании данного поликодового текста семиотических систем.

Такой веб-сайт призван выполнять не только информационную функцию, наиболее адекватными средствами представляя всё многообразие учебно-научной деятельности университета инокультурным целевым аудиториям, но и функцию имиджевую, позволяя способствовать привлечению иностранных абитуриентов, а также иностранных партнёров для сотрудничества. Таким образом, создаваемый поликодовый гипертекст должен с необходимостью аккумулировать все предоставляемые новой информационно-технической средой

средства и способы эффективного воздействия на целевые аудитории рекламной коммуникации в сфере высшего образования при учёте культурной специфики функционирования кодов различных семиотических систем.

В данной связи особый интерес вызывает взаимодействие языкового и неязыкового кодов в создании позитивного имиджа российского университета в глазах иностранных целевых аудиторий. Важно отметить, что перед создателями англоязычной версии стоит задача не просто «перевести» контент русскоязычного сайта на английский язык, продублировать дизайн и автоматически перенести визуальный ряд. Необходимо написать абсолютно новые тексты в соответствии с нормами другой языковой культуры и потребностями эффективного функционирования в поликультурном пространстве, создать новую рубрикацию, соответствующую целям и задачам сайта, разработать новый дизайн, а также создать другой видеоряд, ориентируясь на инокультурные особенности визуального кода и его способность транслировать определённые ценности. Для решения такой комплексной задачи требуется работа целой группы специалистов: переводчиков, работников технической службы, веб-дизайнеров, фотографов, представителей пресс-службы, а также, и что очень важно, специалистов по межкультурной коммуникации.

Имиджевые публикации:

1. Е.Ю.Дьякова. Видеориторика в рекламном интернет-дискурсе // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2011 . № 2. С. 125-128.
2. Е.Ю. Дьякова Поликодовый текст в британском рекламном дискурсе сферы образования: дис... канд. филол. наук: 10.02.04. – Воронеж, 2011. – 219 с.
3. Е.Ю.Дьякова. Особенности гипертекстовой организации веб-сайта британского университета // Гипертекст как объект лингвистического исследования: материалы 2-й Международной научно-практической конференции. – Самара, 2011. С. 64-72.
4. Е.Ю.Дьякова. Веб-сайт – дигитальный жанр, формат коммуникации или гипертекст? // Гипертекст как объект лингвистического исследования: материалы 3-й Международной научно-практической конференции. – Самара, 2013. С. 50-61.

Жук Л.Г. (Санкт-Петербург, Россия)

ВОЗМОЖНОСТЬ ИНТЕГРАЦИИ ЗАРУБЕЖНЫХ МООК В ПРОЦЕСС ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Массовые открытые онлайн курсы (МООК) начали свое стремительное развитие, начиная с 2012 года, который был назван годом МООК. Различные образовательные проекты (платформы, провайдеры МООК) появились в разных странах мира: например, в США (edX, Coursera, Udacity, Canvas), Европе (FutureLearn, OpenupEd, MiriadaX) и Австралии (Open2Study, Class2Go). Ежегодно увеличивающееся количество студентов МООК, а также число универси-

тетов, предлагающих курсы данного типа по различным направлениям, свидетельствует о растущем интересе к данному способу получения знаний.

Такие особенности MOOK как: доступ к качественным курсам престижных университетов мира (например, Гарвард, Стэнфорд, Беркли), бесплатность, относительно небольшая длительность (в среднем 4-6 недель), наличие расписания, проверочных заданий и различных типов обратной связи (слушатель-преподаватель, слушатель-слушатель), позволяет, на наш взгляд, рассматривать возможность включения зарубежных MOOK в образовательный процесс российских вузов.

Проанализировав перечень предлагаемых MOOK и их содержание, мы пришли к выводу, что их условно можно разделить на две категории:

- собственно лингвистические, раскрывающие такие аспекты как: грамматика, письмо, чтение – например, “English Grammar and style” (edX), “Principles of Written English”(edX), “The Picture of Dorian Gray” by Wilde: BerkeleyX Book Club” (edX);

- профильные, посвященные проблемам экономики, физики, химии, медицины, педагогики, психологии и т.д. – например, “Exploring Quantum Physics” (Coursera), Teaching Adult Learners (Open2Study), “Becoming a Blended Learning Designer” (Canvas), “Introduction to Computer Science” (edX) и др.

С точки зрения значимости MOOK для субъектов образовательного процесса, то внедрение этих курсов представляется возможным двумя основными путями:

- как часть повышения квалификации преподавателя иностранного языка, его педагогического самообразования и профессионального развития;

- как часть внеаудиторной самостоятельной работы студентов, при условии, что их уровень иностранного языка позволяет им пройти обучение без поддержки преподавателя или при его единичных консультациях.

Однако тот факт, что большинство зарубежных MOOK (порядка 80%) проводятся на английском языке, рассматривается рядом ученых как их недостаток, который, по нашему мнению, может превратиться в достоинство и использоваться как дополнительное средство мотивации студентов, изучающих иностранный язык. Наличие большого количества разнообразных профильных MOOK предоставляет различные возможности для их внедрения в учебный процесс по подготовке бакалавров и магистров по различным направлениям. Получение сертификата о прохождении таких курсов может служить дополнительным стимулом для студентов при изучении иностранного языка, особенно если они планируют в будущем продолжить свое обучение за рубежом.

Отбор зарубежных MOOK при внедрении в учебный процесс в качестве спецкурсов по выбору или как одной из частей существующих учебных дисциплин должен производиться преподавателями с учетом специфики учебных предметов. Интеграция курсов может быть полной или частичной. При полной интеграции происходит включение всех модулей MOOK, а при частичной – одного или нескольких модулей, в зависимости от целей и задач учебного предмета.

Свободный доступ к качественному образовательному контенту на иностранном языке позволит преподавателям расширить свои знания, получить социальный опыт, а также опыт онлайн обучения. Несмотря на то, что вопрос официального признания сертификатов МООК еще остается открытым, представляется весьма рациональным использование того потенциала, который предоставляет существующая система открытого образования для изучения и обучения иностранному языку. Внедрение зарубежных МООК в учебный процесс отечественных вузов может дополнить университетское образование, предоставляя возможность студентам и преподавателям интегрироваться в мировое открытое образовательное пространство и повысить качество своего образования.

Имиджевые публикации:

1. Гуманитарная составляющая образовательной среды в техническом вузе/ М.А. Аكوпова [и др.]. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2011. – 138 с. (монография)
2. Жук Л.Г. Интернет-технологии как средство организации самостоятельной работы студентов технических вузов (на материале обучения иностранному языку): автореф. дис. ... канд. пед. наук: защищена 13.12.2006: утв. 20.04.2007 / Л. Г. Жук. – СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2006. – 20 с.

Землинская Т.Е., Ферсман Н.Г. (Санкт-Петербург, Россия)

СЕЛФИ КАК КУЛЬТУРНЫЙ КОД СОВРЕМЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОЙ СРЕДЫ

Понятие «коммуникативная среда» определяется в современных исследованиях как множество связей «автор — реципиент», действующие в комплексе с используемыми средствами передачи сообщений и условиями протекания коммуникативных процессов.

Современная информационно-коммуникационная среда характеризуется постоянным возникновением в ней абсолютно новых феноменов (смс-общение, блоги, различные социальные сети и др.), позволяющих практически каждому индивиду вступать в коммуникацию одновременно как с одним, так и со многими получателями информации.

Коммуникация представляет собой социально обусловленный процесс обмена информацией различного характера и содержания, процесс обмена мыслями, идеями, представлениями, эмоциональными переживаниями, направленного на достижение взаимопонимания и взаимодействия. Однако коммуникация суть не только передача информации – это еще и смысловой, самореферентный (самоотносимый) процесс.

В общих чертах процесс современной коммуникации можно представить следующим образом: отправитель, взаимодействуя с окружающим миром, получает информацию и кодирует ее с помощью различных, в том числе и современных знаков (языковых, символьных и др.). Закодированная информация посредством различных каналов доводится до адресата. Успешное декодирование

получателем информации и будет свидетельствовать о состоявшейся коммуникации.

Как отмечает О.А. Леонтович, понятие кода является одним из ключевых для теории коммуникации. Для процессов «шифрования» и «дешифрования» информации могут быть использованы как «внутренний код» (язык мысли), так и внешний код (существующий в вербальной и невербальной форме).

Культурный код – традиционно устойчивый способ передачи знаний о мире, а также навыков и умений в данной культурной эпохе. Культурными кодами можно считать архитектуру, дизайн интерьера, артефакты, графическую символику, художественные и другие формы воздействия, запахи, цвета, вкусовые предпочтения, влияние температуры, косметику, сигналы, любую символику и даже тишину.

Очевидным свидетельством появления и развития новой коммуникационной эры можно назвать такой феномен современной коммуникации, как селфи (*русс.разг.* «себяшка»).

Селфи (англ. “*selfie*” от “*self*” – сам, себя) – разновидность автопортрета, сделанного при помощи мобильных устройств со встроенной в них функцией фотоаппарата. Первое селфи было сделано неким Робертом Корнелиусом еще в 1939 году, а само понятие появилось на австралийском интернет-форуме ABC Online в 2002 г. Спустя всего 10 лет оно было объявлено «словом года» и вошло в Оксфордский он-лайн словарь современного английского языка.

Известно, что познание мира с самых древних времен всегда происходило в символической форме. Селфи, ставшее символом 2014 года, еще раз подтвердило это правило миллионами выложенных в социальных сетях картинок на любую, даже серьезную (политическую, медицинскую, экономическую и т.п.) тему.

Как уже отмечалось выше, для того, чтобы коммуникация могла состояться, необходимо, чтобы отправитель и получатель информации пользовались одним и тем же кодом или, по крайней мере, сходными кодами. Чем больше общих элементов содержат коды адресанта и адресата, тем больше вероятность взаимопонимания между ними. Говоря же о селфи, можно предположить универсальность данного культурного кода с универсальным для любой культуры языковым оформлением. Так, вербальную оболочку кода составляют: *релфи* (англ. *relfie* от *relationship selfie*) – автопортрет с любимым или близким человеком; *группфи* (от англ. *group selfie*) – групповой автопортрет; *селфишот* (от англ. *self* и *shot*) – снимок самого себя (синоним *селфи*). На невербальном уровне данный код понятен во всех культурах. Однако отметим, что отношение к разновидностям *селфи* может быть разным.

Вышеприведенные примеры свидетельствуют о том, что *селфи*, являясь неотъемлемой составной частью современной коммуникативной среды, - это один из самых распространенных сегодня способов общения, конструирования собственной идентичности и социальных отношений. Реальность, образованная при помощи ИТ-технологии и ее посредника (компьютера, мобильного телефона, фотоаппарата и т.п.), имеет свою особенность: как известно, именно посредник задаёт характер и содержание общения, а разнообразная коммуникация

- в рамках таких реальностей – строится и работает не по традиционным, уже принятым правилам. В дополнении к этой особенности, существует еще одна – не менее важная: у отправителя, равно как и получателя информации, есть возможность влиять на развитие сюжета – создавать и править собственную историю.

Трактуя культурный код как устойчивый способ передачи знаний о мире, фотография, наряду с архитектурой, живописью, танцами и пр., несомненно, представляет собой культурный код. Таким образом, *селфи* как разновидность фотоавтопортрета, по мнению авторов тезисов, можно считать самореферентным коммуникативным культурным кодом.

Иванова Е.А. (Санкт-Петербург, Россия)

СПЕЦИФИКА ВЫРАЖЕНИЯ ОТКАЗА В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ КОММУНИКАТИВНЫХ КУЛЬТУРАХ

Предметом данного исследования послужил речевой акт отказа в английской и русской коммуникативной культурах. Речевой акт отказа довольно распространен как в повседневном межличностном общении, так и в ситуации официального общения. Отказ предполагает отрицательную реакцию на какую-либо просьбу, предложение собеседника, поэтому отказ относится к потенциально «опасным» речевым актам – отказ может нарушить благоприятную психологическую обстановку, оказать негативный эффект на отношения между коммуникантами. Особенно важно грамотно выбирать речевые тактики в ситуации отказа в межкультурном взаимодействии, когда общение протекает в условиях частичного несовпадения коммуникативных традиций.

Речеповеденческие тактики составляют важную часть коммуникативной культуры носителей того или иного языка. Эти линии поведения, направленные на достижение определенной коммуникативной цели, усваиваются человеком в процессе социализации, постоянно окружают его в коммуникативной среде родного языка, хранят и передают информацию о культуре речевого общения народа. Во многих случаях речеповеденческие тактики реализуются с помощью клишированных или полуклишированных изречений (Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.). Поэтому тактики общения обладают национально-культурной спецификой. При изучении иностранного языка овладение тактиками речевого общения на иностранном языке входит в состав иноязычной коммуникативной компетенции (в качестве социокультурного, стратегического компонента).

На выбор речеповеденческой тактики оказывают влияние несколько факторов: ситуация общения, взаимоотношения между участниками общения, наличие или отсутствие третьих лиц, установка на дальнейшее сотрудничество или конфронтацию. Отказ – сложный речевой акт, поскольку может быть неприятен для собеседника. Говорящий, при установке на дальнейшую кооперацию, старается сгладить, приглушить отрицательный ответ. Исследователь О.С. Симонова выделяет 3 вида речевых актов отказа: прямой отказ, косвенный отказ и имплицитный отказ. При косвенном отказе используются ссылки на раз-

личные причины для мотивировки отклонения просьбы. ИмPLICITные отказы отличаются тем, что интенция в них не выражается непосредственно, а понятна только исходя из контекста. При имPLICITном отказе возможны тактики смены темы беседы, уклончивый ответ, переадресация и др.

В 2014 году было проведено исследование, имеющее целью выявить, какими тактиками будут пользоваться носители английского языка и русские, изучающие английский язык, в ситуациях, требующих отрицательную реакцию на слова собеседника. Было смоделировано 14 ситуаций общения, 7 из которых предполагали официальные отношения между говорящими, а остальные 7 – неформальные отношения. В ситуациях учитывалась также разная степень психологической сложности отказа, различный возраст и социальный статус участников общения. В исследовании приняли участие 6 носителей английского языка (англичане и американцы) и 20 русских студентов Института прикладной лингвистики СПбПУ 2 и 4 курсов, изучающих английский язык.

В результате исследования были выявлены некоторые сходные и различные черты в речевом поведении англоязычных участников опроса и изучающих иностранный язык. Наиболее употребительной речевой тактикой среди англоязычных была ссылка на субъективные причины (32 %), тактика ссылки на объективные причины также популярна (24 %), на третьем месте имPLICITная тактика встречного предложения (21 %). Данные тактики ориентированы на то, чтобы сгладить отрицательный эффект от отказа. Ссылаясь на субъективные причины, говорящий создает атмосферу доверительности, встречное предложение позволяет выразить личную заинтересованность в просьбе и предложить иные пути решения. Часто участники опроса предлагали комбинацию из нескольких тактик – использование междометия, чтобы выиграть время на обдумывание, ссылка на те или иные причины, встречное предложение, сожаление о невозможности выполнить просьбу, что позволяло усилить эффект доброжелательности, положительного настроя. Заслуживает внимания тот факт, что тактика прямого отказа задействована англоязычными испытуемыми довольно редко (11 %) – реакция на назойливое предложение купить товар. В некоторых случаях в качестве ответа предлагались риторический вопрос, ироническое высказывание и уклончивый ответ.

Ответы русских студентов, изучающих английский язык, несколько отличались от ответов предыдущей группы. Так, самая востребованная тактика в данном случае – ссылка на объективные причины (25 %), то есть на те обстоятельства, которые не зависят от воли и желания говорящего, затрагивают интересы других людей. Вторая по популярности тактика – прямой отказ (19 %). Также русскоязычные участники использовали тактику ссылки на субъективные причины (10 %), иронические высказывания (12 %). В данной группе использовались также тактики переубеждения (8 %) и переадресации просьбы (8 %), не задействованные в ответах англоязычных. Прямой отказ использовали в ситуации общения с близкими людьми, друзьями. Такие различия свидетельствуют об интерференции родной коммуникативной культуры второй группы опрошенных. В русском общении допускается большая прямота, большая степень коммуникативного давления на собеседника, чем среди англичан. Русские сту-

денты также мало прибегали к комбинированию тактик отказа: в основном использовали 1 или 2 тактики, что может говорить о недостаточном уровне сформированности стратегической иноязычной компетенции.

Имиджевые публикации:

1. Иванова Е.А. Приходите в гости! Изучение русского коммуникативного поведения в иностранной аудитории (учебное пособие). – СПб.: «Сударыня», 2005.

2. Иванова Е.А. Коммуникативное поведение в обучении русскому языку как иностранному // Слово есть дело. Юбилейный сборник научных трудов в честь проф. И.П. Лысаковой. Т. II. – СПб.: «Сударыня», 2010. С. 81 – 88.

3. Иванова Е.А. Специфика общения с незнакомыми людьми в английской и русской коммуникативных культурах // Вопросы методики преподавания в вузе. Вып. 2 (16). Сб. статей. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2013. С. 205 - 211.

Иванова П.О. (Санкт-Петербург, Россия)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ И СТУДЕНТА В СИСТЕМЕ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ LMS MOODLE

В современном образовательном пространстве учебный процесс вуза характеризуется не только непосредственным личным взаимодействием студента и преподавателя на аудиторных занятиях, но и поддерживается различными платформами дистанционного обучения. Эта новая особенность требует изменений в организации образовательного процесса, обновления технологий вузовского обучения, изменения форм взаимодействия студентов и преподавателей, построения новой службы сопровождения образовательной деятельности. Соответственно меняется и структура образовательного процесса. Современный вуз представляет собой сложную систему взаимодействия между всеми участниками образовательного процесса. Поскольку средой обмена информацией и знаниями в современном образовательном процессе является интернет, то традиционный подход к обучению теряет свою актуальность и происходит перестроение всех участников процесса.

Дистанционное обучение – это процесс взаимодействия, технологией руководства образовательной деятельностью, образовательной технологий, средством и способом организации учебного процесса, формой образования. Говоря доступным языком – это система дистанционного образования, руководящее организацией системой на расстоянии, для которой требуется четкая система взаимодействия участников. Для дистанционного обучения разрабатывается особая система взаимодействия и контроля. Благодаря современным технологиям становится популярным создание интернет-проектов и презентаций, которое позволяет преподавателю отслеживать выполнение задания каждым студентом. Контроль в системе дистанционного обучения может осуществлять непосредственно преподаватель (при личном контакте со студентом или опосредованно в сетевом курсе).

Рассмотрим и проанализируем способы взаимодействия преподавателей и студентов в системе дистанционного обучения Moodle. Первый и основной способ – это элемент *Форум*. На форуме студенты и преподаватели обмениваются тематической информацией по предмету, студенты могут задавать вопросы преподавателю и получать от него задания. *Чат* – это элемент для общения онлайн через веб-интерфейс. Все участники, которые находятся в данный момент в сети, могут обмениваться сообщениями и принимать участие в групповом обсуждении. Этот элемент достаточно важен, так как дает возможность получать информацию непосредственно в режиме онлайн.

Одно из основных качеств взаимодействия в системе Moodle – это система контроля за выполнением заданий. У каждого задания существует свой метод контроля. Например, выполнив интерактивный тест или любое другое интерактивное задание, результаты каждого студента отправляются в систему и преподаватель имеет возможность проследить все результаты, предоставленные ему студентами. Студент прикрепляет файл в формате Word с выполненной задачей или заданием к своему отчету, и преподаватель, зайдя на курс, сразу же видит присланные ему файлы. Но, к сожалению, не все преподаватели имеют возможность и навыки использования Moodle, поэтому часто кураторам курсов приходится собирать информацию и докладывать преподавателю группы в устной форме. В настоящее время среда Moodle предоставляет следующие способы контроля: асинхронный контроль (т.е. студенты выполняют задание и затем через какое-то время преподаватель его оценивает), он-лайн контроль (посредством элемента Форум). В системе Moodle преподаватель видит, насколько делаю успехи его студенты, чему следует уделять больше внимания на аудиторных занятиях. Так как английский язык является сугубо практической дисциплиной, то контроль необходим на каждом занятии, но, поскольку, не всегда это возможно осуществить из-за повышенного объема материала, то такой контроль в среде Moodle крайне необходим. По собственному опыту преподавателей, которые с успехом пользуются этой средой, стало гораздо проще проверять знания и умения студентов, не теряя времени на аудиторном занятии.

Ответственными за курсы на каждой кафедре проводится мониторинг контроля и взаимодействия студентов и преподавателей, чтобы выявить наиболее острые проблемы. И, как показывает отслеживание ситуации, самая частая проблема – это несвоевременное взаимодействие преподавателя и студентов, что затягивает процесс. Поэтому всем преподавателям следует пройти курсы повышения квалификации по теме дистанционного обучения для оперативного реагирования на все повышающиеся требования современного образовательного процесса.

Имиджевые публикации:

Иванова П.О. Преимущества LMS Moodle в сравнении с другими системами обучения E-learning // Вопросы методики преподавания в вузе. – 2014. №3(17). С. 219-223.

ПОЛИКОДОВОСТЬ В КОНФЛИКТНОМ РЕЧЕВОМ ОБЩЕНИИ

По словам Робин Лакоф, язык – это сила, создающая изменения и поэтому следует этой силы опасаться, и обращаться с ней очень осторожно, примерно как с огнем. *Language is change-creating force and therefore to be feared and used if at all, with great care, not unlike fire*”. О силе слова и его воздействии на умы и настроения людей, начиная от обычной беседы и спора и заканчивая политическими процессами, кампаниями и выступлениями с трибуны. Например, Томас Джефферсон в XVIII веке писал философу Томасу Пейну: «Продолжайте своим пером делать то, что в другие времена делалось мечом».

Однако, в современную эпоху поколения визуалов, «клипового» сознания, комиксов и огромного количества наглядных рекламных материалов, зрительный видеоряд и креолизованные тексты выходят на первый план, создавая конфликтные ситуации и порождая конфликтное речевое общение. Теоретическую базу данного исследования различных креолизованных текстов и конфликтной вербализации ряда их элементов составляет теория Л.С.Выготского о внутренней речи, теория когнитивного диссонанса Лео Фестингера, теория аргументации голландской и Санкт-Петербургской школы, работы по вербальным и невербальным компонентам текста В.В.Богданова, по поликодовости В.Е.Чернявской, Л.С.Большаковой, Т.Г.Орловой, креолизованности Е.Е. Анисимовой. Конфликтное речевое общение рассматривается в рамках направления исследования, разрабатываемого автором настоящей работы.

Конфликтное речевое общение, которое довольно интенсивно изучается в или несколько последних десятилетий представляет собой интенсивное взаимодействие коммуникантов, имеющих противоположные взгляды и/ или разнонаправленные цели в диалоге. Представляется, что причины возникновения и развития конфликта связаны с когнитивным диссонансом, который возникает как реакция на различия в когнитивных средах коммуникантов. Под когнитивной средой подразумевается все, что окружает коммуникантов, что они осознают как свое окружение, а также их собственные убеждения, система ценностей, мысли, мнения.

Поликодовый текст по мнению большинства исследователей -это текст, «в котором сообщение закодировано семиотически разнородными средствами — вербальным и невербальным компонентами, объединение которых представляет собой определенную структуру, характеризующуюся проявлением взаимозависимости составляющих, как в содержательном, так и в формальном аспектах». По всей вероятности поликодовым можно считать любой текст, потому что даже если сосредоточиться на сугубо вербальном тексте, мы столкнемся с интертекстом, вариативностью пресуппозиций, аллюзиями, импликацией и т.д. По всей вероятности можно сказать, что поликодовость любого рода логичным образом может становиться причиной конфликта и способствовать его эскалации.

Недавние события, связанные со взрывом в редакции газеты «Шарли», осуждением Соломона Рушди, скандал вокруг постановки «Тангейзера» в Новосибирском театре Оперы и балета, письмами в редакцию по поводу различных примеров использования невербальной информации, регулярно возникающей полемикой в прессе и многими другими фактами, объясняются поликодовостью человеческого общения в целом и конфликта в частности и показывают необходимость анализа взаимодействия и взаимовлияния кодов. Иногда, как в случае с газетой «Шарли», привели к насильственным действиям. Одна из горьких проблем современного общества состоит в том, что даже насилие становится определенным кодом. Это – язык террористов, которые проводя теракты, берут на себя ответственность, утверждая, таким образом, свою политическую программу.

В данной работе мы сосредоточимся на креолизованных текстах карикатур и политических плакатов и проанализируем порождение вербального конфликтного дискурса, в частности на примере анализа реакции на карикатуру в социальных сетях. Анализируемые карикатуры были отобраны из различных источников – плакаты, газеты и журналы, в основном политической направленности, которые вызвали полемику. Причины такого воздействия карикатур можно свести к следующему: они связаны с болезненными, животрепещущими проблемами современного общества; при этом принимается и четко выражена одна точка зрения; сатирический эффект основывается на ценностях, которые одной частью общества пропагандируются, а другой отвергаются, можно вывести несколько импликаций, часто совершенно противоположных; воздействие на эмоции, часто вызывающее нерациональную реакцию. Данные причины связаны с определенным вербальным оформлением высказываний, являющихся реакцией на карикатуру.

Имиджевые публикации:

1. Использование политической карикатуры для развития навыков устной речи. // Сборник материалов конференции Балтийского Федерального университета им. И. Канта. – Калининград, 2009. С. 11-14.
2. Конфликтный диалог: логика развития и структурные элементы // Вестник Русской Христианской Академии. Том 13. Выпуск 4. 2012. – СПб.: Издательство РХГА. С. 233-240
3. Знаки и значение противопоставленности в конфликтном речевом общении // Актуальные проблемы современной науки: Научная сессия «XIV Невские чтения». – СПб. Невский институт языка и культуры. 2012. С. 52-57.
4. Аргументативный дискурс и конфликтное взаимодействие (медицинский контекст) // Studia Linguistica. Язык. Текст. Дискурс. – СПб.: Политехника-сервис, 2013. С. 286-292.

СПОСОБЫ ВВОДА АНГЛИЦИЗМОВ В ГАЗЕТНЫЕ ТЕКСТЫ РАЗЛИЧНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ И

СТРАТЕГИИ АВТОРА

Процессы взаимодействия культур, глобализации мирового информационного потока, социально-экономические и политические преобразования в российском социуме актуализировали статус английского языка в мировом масштабе. Современные газетные тексты включают большое количество англицизмов, которые выполняют различные функции. Например: «Самые распространенные вакансии для школьников: промоутер (надо будет раздавать рекламные листовки, буклеты на улице или, например, сим-карты операторов связи), расклейщик объявлений и курьер» («Комсомольская правда», 22.07.2009); «Мы сознательно допускаем то, что другие производят наши бренды» («РБК Daily», 03.11.2005); «Работодателям нужны менеджеры по продажам» («Комсомольская правда», 25.05.2010); «Вакансии. Стандартный набор – кассир, официант, промоутер, мерчендайзер. Зарабатывают студенты в среднем 110 рублей в час» («Труд-7», 30.07.2010) и др.

Довольно часто англицизмы способствуют реализации экспрессивной функции, участвуют в раскрытии авторских интенций. Например: «Промоутер на сене» («Советский спорт», 26.10.2006); «Мадонна в Москве: «шоу» началось задолго до концерта» («Комсомольская правда», 28.08.2006); «В зале появились два персонажа: «промоутер», говорящий на ломаном английском, и высоченный «боксер» в черном халате и уродливой маске, изображающий Валуева. – Извините, что опоздали, но у нас возникли проблемы в аэропорту: таможенники хотели меня арестовать за провоз динозавра, - сказал «промоутер», указывая на «Валуева» («Советский спорт», 14.10.2009) и др.

На страницах газетных текстов авторы публикаций нередко прибегают к различным манипулятивным стратегиям и тактикам. Англицизмы в современном газетном тексте нередко участвуют в раскрытии коммуникативной стратегии «создание круга чужих», которая может быть реализована с помощью тактики дистанцирования. В раскрытии данной стратегии и тактики могут принимать участие различные языковые приемы. Довольно часто имеет место включение в препозицию к англицизмам оборота «*так называемый*», «*какие-то*». Например: «Если правительство не сможет вдруг платить по счетам своих поставщиков и инвесторов, то это означает *так называемый* технический дефолт» («РБК Daily», 06.04.2011); «До представителей спецслужб доносится что-то невнятно-шпионское. *Какие-то* «фьючерсные контакты», «аутсорсинг» и «хеджирование»...» («Комсомольская правда», 13.05.2005) и др.

Включение в препозицию к англицизмам оборотов «*есть масса словечек*», «*нормальному человеку неизвестны*» способствует раскрытию тактики дистанцирования, актуализируя концепты «свое/чужое». Например: «Есть масса словечек, которые нормальному человеку неизвестны: кавер-версия, трип-хоп, промоутер, - я их объясняю как надо» («Комсомольская правда», 03.02.2010).

Как правило, любое появление англицизмов в текстах оппозиционной направленности связано не с пропагандой элементов «западной культуры», а с особой манипулятивной «миссией» англицизма, которая помогает лучше донести до читателя авторскую позицию по какому-либо актуальному вопросу (явлению) современного российского социума. Нередко авторы статей в яркой эмоциональной форме выступают с резкой критикой «американообесия», засорения русского языка иностранными словами. Так, автор статьи «Не трогайте русский язык без перчаток...» эмоционально отмечает: «...основная опасность для русского языка - замена русских понятных слов английскими. Один «аутсорсинг» чего стоит! Если солдат должен учиться стрелять, то копать траншею будет узбек. Вот и весь аутсорсинг! Как говорят, использование сторонних усилий. Засорение русского языка иностранными, чужими словами ведёт к скорой деградации. Кто будет произносить слова типа «менеджер», «бизнес», «консалтинг» и т.д., тех штрафовать, а на вырученные деньги делать им учебники русского языка и заставлять учить, пока они будут работать в ЛТП, если не избавятся от этих слов! Разогнали всех продавцов, «набрали» менеджеров. Менеджер торгового зала! Это звучит гордо» («Советская Россия», №133, 2010).

В реализации языковой личности автора в данном газетном тексте участвуют различные языковые элементы: 1) дистанцирующие слова в препозиции к англицизмам «типа», «такой»; 2) пейоративные слова и обороты «ведёт к скорой деградации», «умертвят его», направленные против «американообесия»; 3) помещение англицизма в клишированное выражение: «Менеджер торгового зала! Это звучит гордо» («Человек - это звучит гордо» М.Горький «На дне»).

Авторы публикаций на страницах оппозиционной прессы нередко прибегают к различным манипулятивным приёмам, сущность которых трудноуловимое (скрытое, тайное) воздействие вербальных единиц на сознание реципиента. Среди вербальных единиц, участвующих в процессе воздействия, следует выделить англицизмы. Например: «Соловьёв бультерьером рвёт глотки на своём дог-шоу всем критикам Горбачёва, мочась попутно в очередной раз «для злобы» на ботинок Сталина» («Завтра», №10, 2011); «Людмила Прокофьевна Калугина - офисная мымра с подорванными нервами, неудачами на любовном фронте, в строгих очках и мужском костюме на каблуках» («Завтра», №13, 2011) и др.

Детализированный анализ функционального статуса англицизмов в русском языке, их «роли» в реализации различных тактик и стратегий помогает проникнуть в «ткань» текста, раскрыть языковую личность автора. Исследование данной проблемы затрагивает вечный вопрос о мере использования иноязычных слов в русском литературном языке, помогает отразить состояние русского языка сегодня, актуальные языковые процессы информационного поля СМИ.

Имиджевые публикации:

1. Языковая личность автора и коммуникативно-функциональный статус англицизма в современном газетном заголовке // Русская речь, 2011, № 4.

2. Иноязычные слова в романе А.С.Пушкина «Евгений Онегин» и языковая личность автора // Русская словесность, №4, 2012.

3. Коммуникативные тактики англицизмов в современном художественном тексте (на материале произведений Б.Акунина и С.Лукьяненко) // Science, Technology and Higher Education: materials of the international research and practice conference. Vol.1, December 11-12, 2012 / publishing office Accent Graphics communications -Westwood - Canada, 2012.

4. Русский язык и культура речи. Учебное пособие. – М.: Академцентр, 2010.

Калинова Е.В. (Архангельск, Россия)

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНОЧНОГО КОМПОНЕНТА В ИСТОРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В основе исторической науки лежит интерпретация фактов историком и вербализация проведенного анализа. Интерпретация – один из основных методов, используемых в исторической науке, который заключается в субъективной репрезентации мира. Интерпретация, с одной стороны, основывается на существующих общечеловеческих представлениях о мире, а, с другой стороне, на личном опыте историка, его установках и предпочтениях. Это означает, что интерпретация является оценочной, т. к. она выражает отношение историка к реальности, а также представляет объективную реальность так, как ее видит историк.

Под оценкой мы понимаем один из видов модальностей, которые накладываются на дескриптивное содержание языкового компонента, иными словами – приписывание положительных или отрицательных свойств объекту речи. Безусловно, оценка заключена в семантике слов. Например, высказывание *чувство страха возросло* однозначно воспринимается нами как отрицательное, в связи с отрицательной семантикой слова *страх*. При этом высказывание *чувство страха проходило* воспринимается нами как положительное, несмотря на отрицательную семантику входящей в его состав лексической единицы. Это означает невозможность сведения оценочного компонента исключительно к семантике слов, входящих в высказывание: также следует принимать во внимание сочетание оценочных слов и предикатов, иными словами, рассматривать высказывание в целом.

Е.М. Вольф предлагает представить оценочную модальность в виде формулы $A \text{ г } B$, где A – это субъект оценки, который может быть представлен как эксплицитно, так и имплицитно, B – объект оценки, а $г$ – оценочное отношение, представленное оценочным предикатом, связывающим между собой субъект и объект оценки в рамках высказывания. При этом в тексте $г$ может быть представлено различными способами: а) словами, содержащими в своей семантике оценочный компонент (*плохой, хороший, одобрять, презирать* и т. п.), б) семантикой высказывания в целом. В структуру оценочного компонента также,

обычно, имплицитно, входят стереотипы и шкала оценок, которые являются общими для автора и адресата и облегчают понимание интенции говорящего.

Содержащаяся в высказывании оценка может быть выражена эксплицитно или имплицитно. Имплицитная оценка может быть декодирована исключительно в контексте. Эксплицитная оценка может быть выражена различными способами, к которым относятся оценочные модусы или модальные операторы различных типов. Нами было проанализировано 50 отрывков из исторических монографий на английском языке, посвященных постсоветскому пространству, а именно Чеченскому конфликту 1994-1996 гг. объемом от 600 до 1000 знаков. Проведенный анализ позволил выделить следующие типы модальных операторов, встречающихся в текстах:

1. оценочные предикаты (например, *There is nothing surprising, that...*) встречаются в 2 % проанализированных текстов;
2. аппроксиматоры – слова и выражения, отражающие степень соответствия характеристик объекта шкале оценки, которой придерживается говорящий (например, *ordinary Russians judged the cost too great*) – были обнаружены в 8 % проанализированных текстов;
3. наречия, модальные слова и частицы (например, *this was most obviously demonstrated; the differences were fairly clear*) являются наряду с оценочными лексическими единицами одним из наиболее распространенных типов модальных операторов и встречаются в 24 % проанализированных текстов;
4. оценочная лексика (например, *bandit gangs, troubling paradox, shameful failures for the Russian army*) представляет собой наиболее распространенный способ выражения эксплицитной оценки в тексте и встречается в 30 % проанализированных отрывков.

Наряду с оценочными модусами для выражения эксплицитной оценки могут использоваться аксиологические предикаты, к которым относятся предикаты мнения (*to think, to guess, to suppose, to believe, etc.*), их свернутые аналоги: *in my view, in my opinion, etc.*, а также глаголы группы “*to seem*”. В 5 % проанализированных текстов используются аксиологические предикаты – например, *This seems to us ...; I cannot ignore that ...; I do not think that the “mysterious Russian soul has changed significantly”*.

Следует также отметить, что ряд текстов, подвергшихся анализу, не содержит средств, выражающих эксплицитную оценку. Этот факт позволяет сделать несколько противоречивых выводов: с одной стороны, следует помнить, что оценка в тексте может быть также выражена имплицитно и декодирована только в контексте, при условии, что реципиенту известны стереотипы и понятна шкала оценки, используемая автором текста, а с другой стороны, это подтверждает принадлежность рассматриваемых исторических текстов к научному стилю, одним из основных критериев которого является объективность изложения фактов.

Имиджевые публикации:

1. Калинова Е. В. Средства конструирования социальной идентичности (на материале англоязычных СМИ) // Научно-технические ведомости Санкт-

Каменская Ю.В. (Саратов, Россия)

КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ ДИАЛЕКТНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

В современной лингвистике активно разрабатывается направление, в рамках которого язык – это не только орудие коммуникации, но и культурный код определенного социума. Национальная лингвокультура характеризуется многообразием существующих в ней культурных кодов, актуализирующихся в зависимости от варианта национального языка. Своеобразно актуализируются культурные коды в диалекте.

Современный диалектный дискурс допускает использование разных культурных кодов. Мы в нашей работе стремимся показать актуализацию противопоставленных культурных кодов, обозначенных нами как *традиционный*, *советский* и *религиозный*. Наше исследование проводится на материале диалектных текстов двух среднерусских говоров – говора села Белогорное и говора села Земляные хутора Саратовской области.

Традиционный код в диалектной лингвокультуре рассматривается многими современными исследователями как основной, и он действительно хорошо представлен в диалектных текстах. Например, при вербализации категории времени проявлением традиционного кода может быть обрядовое, циклическое время традиционного крестьянского календаря: *«так// на **Покров** ей/ она/ это... пен.../ на пенсию уйдет/ ни... пятьдесят/ пятьдесят пять лет ей/ наступит/ и вот она//»*. В этом фрагменте при описании событий, происходящих в жизни информанта, в роли временного маркера выступает номинация важнейшей даты традиционного календаря. Актуализатором традиционного кода часто выступает наречие «раньше» и его производные: *«а обязательно// кошка/ говорят/ заходишь вот там в дом/ чтоб первым долгом кошка была/ в дому/ вот// что за примета не знаю// **раньше**ное всё// а всё **раньше**ное/ всё это сбывается//»*.

Актуальным в речи современных диалектоносителей, по нашим наблюдениям, является советский код, то есть номинация реалий, концептуализация и категоризация мира посредством концептов советского дискурса: *«- я был / **натист**/ в то время/ только ещ малы трактора пошли //*

- Кто Вы были?

натист / это трактор такой/ на «НАТе»/ я работал/ натист»

Номинации «колхоз», «председатель», «райком», имена советских политических деятелей и т.д. структурируют социальную сферу не только в прошлом, но и в настоящем: *«сейчас вроде не колхозы / их переименовали токо / а они как были так и остались»*.

Религиозный код используется, как правило, в речи верующих диалектоносителей. Например, концептуализация праздничной сферы в рамках религиозного кода предполагает строгое разграничение христианских праздников и

праздников светских. Христианские праздники в сознании верующих диалектоносителей обладают принципиально другими концептуальными признаками, противопоставляющими их обычным, «мирским» праздникам. Это такие признаки, как «торжественность» (противопоставленная веселью, радости), «соблюдение обязательных церковных ритуалов», «молитва», «отсутствие застолья как обязательного компонента праздничного действия»: *«мы в любой праздник не радуемся/ мы читаем с умилением// [...] мы не радуемся// и в честь праздника мы не выпиваем/ ничего/ мы такие торжества не делаем// это погрешно//»*.

В том случае, когда религиозный код используется в речи диалектоносителя, далекого от церковной культуры, нередко наблюдаются нарушения: *«7 числа вот будет праздник Ивана Купала// Молиться будут Петру и Павлу// Святым// Святому Петру и Павлу»*. Здесь информант смешивает и относит к дате 7 июля два больших церковных праздника – крещение Иоанна Предтечи, празднуемый действительно 7 июля и день поминания святых Петра и Павла, празднуемый 12 июля. Кроме того, церковный праздник Крещение Иоанна Предтечи в речи информанта предстает в народном, языческом варианте – день Ивана Купалы, хотя речь в рассказе идет именно о церковных праздниках.

Актуализация исследуемых нами культурных кодов может происходить как изолированно, так и во взаимодействии. Часто наблюдается одновременное использование традиционного и религиозного кодов, но могут быть и более неожиданные варианты. Интересно, что в нашем материале нередко сочетаются в одном контексте религиозный и советский коды:

«- Но он ведь был миссионером? он как, при церкви служил или как? как он научился, миссионером-то стал?»

- ну его выбрали/ как вот пред... этих... секретарей/ этих... ну райкомовцев местных/ так и его выбрали/ и он стал руководить//»

Переключение культурных кодов в диалектном тексте зачастую не имеет специальных вербальных маркеров. Появление таких маркеров обусловлено, как правило, особой коммуникативной ситуацией – взаимодействием носителей диалектной культуры с представителями других культур, например, с носителями литературного языка. Маркерами в таком случае будут различные вводные конструкции, конструкции со значением пояснения, обращения к коллективной памяти и т.д. Разнообразие существующих в диалектном дискурсе культурных кодов свидетельствует о сложности и жизнеспособности диалектной культуры как самостоятельного феномена и как важнейшей составляющей национальной культуры.

Имиджевые публикации:

1. Каменская Ю.В. Концептуализация социальной сферы в диалектной картине мира //Личность-Язык-Культура: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (Саратов, СГУ им. Н.Г. Чернышевского, 23–25 ноября 2011 г). – Саратов, 2011. С.19-24.

2. Каменская Ю.В. Концептуализация феномена «праздник» в современной диалектной картине мира // «Славянские языки и культуры в современном мире»: II Международный научный симпозиум (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 21-24 марта 2012 г.): Труды и материалы. – М.: Издательство Московского университета, 2012. С. 84-85.

3. Каменская Ю.В. Концептуализация фрагмента социальной сферы в диалектной картине мира // Русский язык: исторические судьбы и современность: V Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, 18–21 марта 2014 г.): Труды и материалы / Составители М. Л. Ремнёва, А. А. Поликарпов, О. В. Кукушкина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. С. 551-553.

4. Каменская Ю.В. Номинация как средство актуализации социальной сферы в диалектной картине мира // Славянская диалектная лексикография: Материалы конференции/ Институт лингвистических исследований РАН. – СПб, 2014. С. 63-68.

Кашеваров А.Н. (Санкт-Петербург, Россия)

РУССКОЕ ЦЕРКОВНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ И РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ЕДИНСТВА РУССКОГО МИРА)

Революционные события в России, поражение Белых армий и окончание гражданской войны вызвали исход огромных масс русских людей – мирных беженцев и остатков разбитых войск - за пределы России. Подавляющее большинство их были люди православного вероисповедания. Вместе с паствой за рубеж ушли и многие священнослужители. Все это явилось предпосылкой для возникновения русского церковного зарубежья, которое постепенно оформилось в особые юрисдикции, отдельные от Московского Патриархата. Русское церковное зарубежье явилось духовной основой и одновременно важнейшей составной и неотъемлемой частью русского мира. Изучение вклада церковного зарубежья в сохранение «русскости», русского культурного наследия, а также осмысление путей восстановления единства русского мира является одной из основных потребностей времени.

В 1920 – начале 1930-х гг. русское церковное зарубежье раскололось на три ветви с разным отношением к духовному смыслу случившегося с Россией катаклизма: 1) приходы, оставшиеся в подчинении лояльной коммунистическому режиму церковной власти митрополита Сергия в Москве (ныне это приходы Московской Патриархии в США и Канаде); 2) ассимилирующиеся юрисдикции, переходившие от «русскости» к подлаживанию под нормы демократического Запада – «евлогийанская» (ныне это Западноевропейская архиепископия русской традиции Константинопольского Патриархата, руководство которой стремится превратить ее по существу во Французскую Православную Церковь) и американская (получила от Московской Патриархии в 1970 г. статус автокефальной – независимой – Православной Церкви в Америке); 3) Русскую Право-

славную Церковь за границей (далее – РПЦЗ), стремившуюся сохранить «русскость» и в перспективе восстановить «историческую российскую православную государственность». Одна из основных задач РПЦЗ заключалась в сохранении связей эмиграции с русской культурой и языком, с традиционным укладом оставленной родины, воспитании эмигрантской молодежи в любви и уважении к «исторической России».

Поскольку образование и отделение РПЦЗ от РПЦ Московского Патриархата было вызвано событиями гражданской войны и установлением в России богоборческой власти, в 1990-х гг., когда власть и общество в России изменились, возникли реальные предпосылки для объединения двух частей Русской Церкви. Однако решение этой задачи связано было с преодолением целого ряда препятствий, вызванных как объективными, так и субъективными причинами. Долгие годы камнем преткновения между РПЦЗ и Московской Патриархией являлась декларация митрополита Сергия (Страгородского) о лояльности советской власти от 29 (16) июля 1927 г., которая дала основание Зарубежной Церкви выйти из юрисдикции Патриархии и прекратить с ней общение. Фактически РПЦЗ обрела все атрибуты автокефальной Церкви, с которыми трудно расставаться. Тенденция к поиску путей преодоления разногласий и перспектив объединения двух частей Русской Церкви была поддержана руководством Российской Федерации, прежде всего президентом В.В. Путиным. 17 мая 2007 в Москве в Храме Христа Спасителя состоялось подписание «Акта о каноническом общении и восстановлении единства в Поместной Русской Православной Церкви», в котором признавалась самостоятельность РПЦЗ в делах пастырских, административных, хозяйственных, имущественных и гражданских, а также предусматривался «пятилетний переходный период для полного урегулирования положения бывших приходов Русской Зарубежной Церкви на канонической территории Московского патриархата посредством их вхождения в юрисдикции местных правящих архиереев».

Однако подписание этого документа не означает, что в процессе собирания «русского мира» - российского православного зарубежья - поставлена точка. Во-первых, не стоит забывать о русских эмигрантах, перешедших в юрисдикцию Вселенского (Константинопольского) Патриархата – основного оппонента РПЦ в православном мире. В этом вопросе нужен особый подход, особый метод. Во-вторых, время, прошедшее с момента подписания Акта о каноническом общении, показало, что объединение частей русского мира не только длительный, но и весьма сложный и подчас противоречивый процесс, ведущий к разным последствиям. Так, в отличие от священноначалия Московской Патриархии, руководство Русской Зарубежной Церкви и ныне, как и в годы второй мировой войны, продолжает положительно оценивать «власовское» движение, а самого генерала Власова – по сути, настоящим героем прошедшей войны.

Имиджевые публикации:

1. Государство и церковь: Из истории взаимоотношений Советской власти и Русской православной Церкви. 1917 – 1945 гг. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1995;
2. Печать Русской Православной Церкви в XX веке. СПб.: Изд-во Роза мира, 2004.

3. Православная Российская Церковь и Советское государство (1917 – 1922). М.: Изд-во Крутицкого патриаршего подворья, 2005;
4. Советская власть и судьбы мощей православных святых. СПб.: Изд-во Наука, 2013

Клепикова Т.А. (Санкт-Петербург, Россия)

МЕТАРЕПРЕЗЕНТАЦИОННЫЙ МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ КОНСТРУКЦИЙ ОЦЕНОЧНОЙ СЕМАНТИКИ

Настоящая статья посвящена вопросу о когнитивно-дискурсивных механизмах формирования оценочных конструкций в английском и русском языках. Оценочные конструкции возникают в результате конвенционализации определенных структурных образований в языке как неразложимых семантически, но композитных синтаксически единиц, в семантике которых доминирует оценочность. Как известно, речевая деятельность представляет собой диалектическое единство континуальности и дискретности. Естественная в силу природы языка размытость лингвистических объектов, нечеткость динамики лингвистических объектов сопровождаются созданием в процессе речевой деятельности определенных стереотипных конструкций, повторяющихся элементов и моделей (гештальты, синтаксические формулы и под.). В современной грамматике конструкций грамматические конструкции трактуются как в некоторой степени схожие со словами (т.е. «воспроизводимые»), а свойства конструкции анализируются как производное от сложного взаимодействия между лексиконом, синтаксисом, морфологией формы, семантикой лексемы и прагматикой. Согласно когнитивной грамматике конструкций (Cognitive Construction Grammar) все конструкции, включая морфемы или слова, идиомы, частично лексически наполненные или полностью абстрактные фразовые образцы, усваиваются на основе ввода вместе с основными когнитивными механизмами. При этом весь объем знаний о языке есть набор усваиваемых «образцов» формы и функции (pairings of form and meaning). Под конструкцией, согласно А. Голдбергу, понимается такое соотношение определенной формы и определенного значения, когда некоторые аспекты формы или значения (употребления) не могут быть предсказаны на основе компонентного состава или исходя из уже известных в языке конструкций. Иными словами, в отношении формы конструкция является некоторой формулой, состоящей из упорядоченного набора незаполненных слотов. При этом некоторые элементы являются облигаторными для конструкции, а другие – нет. Таким образом, возникает некоторая «новая» дискретность и «новая» континуальность, основанные на узусе.

Приведем в качестве примера каузативные конструкции, семантика каузативов которых формируется не за счет семантики каузативного глагола, а за счет семантики прототипической каузативной конструкции/ Например, прототипическими каузативными конструкциями будут *Mary had/ made/got/forced/ John (to) return the money.* Непрототипическими, но в той же степени каузативными будут конструкции в предложениях: *He sneezed his tooth right across town / She*

smiled herself an upgrade / We laughed our conversation to an end / She gazed me out of the club / They beeped him out / The audience howled the candidate down at the town meeting. Проекция семантики каузации происходит на основе реализации типичной каузативной схемы «субъект совершает некоторое действие с объектом, в результате которого каузируется иное состояние объекта (перемещение объекта в пространстве)».

Классические исследования оценки сводятся к анализу лексических и фразеологических единиц, коннотаций и под. Однако в некоторых случаях лексически передаваемая оценка проецируется и на форму (орфографическую, словообразовательную, морфологическую, синтаксическую). Например, многие современные орфографические «варианты» в русском языке мотивируются негативной оценочностью (*красавчег, аффтор жжот* и под.). В синонимическом ряду *конец, абзац* актуализация негативной семантики в определенных контекстах может быть мотивирована денотативным значением, однако сегодня любой неологизм с такого рода окончанием –ец и произнесенный с соответствующей интонацией может трактоваться как элемент данного синонимического ряда (напр., *трындец* и под.). При замене лексической единицы в устойчивом выражении свойственная исходному выражению оценочная семантика продолжает проявляться (напр., *Да будь она ...здорова! Son of a Bush*; полный провал → полный Пекин). Существующая в языках техника эвфемизации негативной семантики конструкции снимает неприемлемость выражения, однако негативная оценочность сохраняется (напр., *идите... в сад!*). Проекция исходной оценки не варианты структуры с иным лексическим наполнением свойственна и прецедентным явлениям. Например, в названии магазина «Кафель вашему дому» положительная оценка заимствована из исходного выражения «Мир вашему дому». Источником формирования негативной оценочности конструкции может быть и переосмысление дейктических выражений (*этот твой..., эта Ваша..., эти Ваши...*), причем для реализации негативной оценочности обязательна модель *указательное местоимение + притяжательное местоимение*.

Окказиональная проекция оценки – с лексики на конструкцию – не является единственным источником формирования оценочных конструкций. Так, например, английская конструкций *much of a [nn*] to [v*]* в двух версиях (a) *too much ...* и (b) *not much ...* закрепились в языке как конструкции, собственная семантика которых является оценочной: *But from all appearances, she never got much of a chance to get ready / Singletons were simply too much of a risk to take on as clients / It seems to me that this is too much of a coincidence to be random chance* (COCA). Другими примерами оценочных конструкций в английском являются такие модели, как *What's X doing Y?* (*What's that fly doing in my soup?*) и *Him, a doctor?!* Возможным претендентом на место в этом списке является и вопросительные структуры с пропуском глагола связи: *My ideas obsolete?*

Возникновение оценочных конструкций можно квалифицировать как процесс лингвистического метарепрезентирования, появление лингвистических метарепрезентаций как когнитивно-семиологических образований особого рода, имеющих своего рода «предшественников», интерпретация которых требует

в той или иной степени «отсылки» к исходной репрезентации. Конструкции с оценочной семантикой – как окказиональные, так и узуальные – является серьезным камнем преткновения в межкультурной коммуникации. Если коннотативная оценочность лексемы еще может быть зафиксирована в словаре, то представить себе словарь оценочных конструкций сегодня сложно, хотя это становится актуальной задачей – как теоретической, так и практической.

Имиджевые публикации:

1. Клепикова, Т.А. Когнитивная грамматика метарепрезентирования: механизмы, процессы и результаты // Когнитивные исследования языка. Вып. XVIII: Язык, познание, культура: методология когнитивных исследований: Материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике. 22-24 мая 2014 г. – М.: Ин-т языкознания РАН, Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина; Челябинск: Изд-во Челяб.гос. ун-та, 2014. С. 522 – 525.

2. Клепикова, Т.А., Ключина З.В. Исследование терминологических коллокаций с позиций когнитивной грамматики конструкций и корпусной лингвистики // Вестник Тамбовского гос.университета. 2012. № 12 (116). С. 284 – 289.

3. Клепикова, Т.А. Метарепрезентационные конструкции в английской устной речи: Funny that! // Когнитивные исследования языка. Вып. XV: Факторы и механизмы языковой когниции. Материалы Круглого стола в Институте языкознания РАН. – М.: Ин-т языкознания РАН, Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. С. 303 – 312.

4. Клепикова, Т.А. Язык как метарепрезентационная система // Известия Смоленского государственного университета: Ежеквартальный журнал. № 1(9), 2010. С. 87 – 120.

Ковалева М.И. (Новосибирск, Россия)

РАЗВИТИЕ НАВЫКОВ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

В современном мире в связи с увеличением культурных обменов и взаимосвязей между разными странами возрастает роль иностранного языка не только в профессиональной деятельности, но и в повседневной жизни студентов российских вузов. Современные молодые люди хотят не только знать иностранный язык, но и использовать его в реальном общении с носителями языка из других стран. В этой связи актуальной и востребованной является задача развития навыков межкультурной коммуникации при обучении иностранным языкам в вузе.

Следует отметить, что проблемы формирования и развития навыков межкультурной коммуникации в той или иной степени отражены в работах таких учёных как Е.М. Верещагина, Г.В. Селевко, И.А. Зимней, В.Г. Костомарова, И.Ю. Марковиной, Л.П. Павловой, П.А. Стрельниковой, С.Г. Тер-Минасовой, С.А. Химичевой, А.В. Шацкой и др. И практики, и учёные отмечают, что главной задачей обучения иностранному языку в современном мире является обу-

чение языку как полноценному средству общения. С первых занятий на иностранных языках необходимо развивать практические умения и навыки межкультурной коммуникации.

В этой связи можно выделить некоторые особенности развития навыков межкультурной коммуникации при обучении иностранным языкам в неязыковом вузе.

Начнём с того, что в связи с небольшим количеством часов на изучение иностранного языка в неязыковом вузе преподаватели, как правило, предпочитают учить студентов правильно читать, знать грамматические правила и заучивать топики на иностранном языке. Безусловно, владение фонетическими, лексическими и грамматическими навыками – необходимое, но недостаточное условие успешной коммуникации. Сегодня существует потребность в заучивании не просто отдельных слов, а словосочетаний и современных выражений из реальной жизни соответствующих языков; хорошее знание лексико-фразеологической сочетаемости слов и их многозначности; а также знание культуры и традиций разных стран.

Как известно, процесс обучения иностранному языку представляет собой процесс совместной деятельности студента и преподавателя. Конечной целью обучения иностранным языкам является свободное ориентирование в иноязычной среде. Именно поэтому на кафедре иностранных языков Сибирского института – филиала РАНХиГС на занятиях применяются интерактивные методы обучения, такие как беседы, дискуссии, ролевые игры, вебинары, мозговые штурмы и др. Привлечение носителей языка к проведению постоянных занятий является важным условием развития межкультурной коммуникации.

Актуальной является задача формирования навыков межкультурной коммуникации студентов не только во время занятий, но и во внеучебное время тем самым помогая студентам самоутвердиться, самореализоваться и самосовершенствоваться. Среди интересных внеаудиторных мероприятий, способствующих формированию навыков межкультурной коммуникации, можно выделить следующие: встречи с носителями языка и разговорные языковые клубы, являющиеся определённым методом «погружения в языковую среду»; праздники и конкурсы на иностранных языках, организованные не только преподавателями вуза, но и самими студентами; ежегодный международный Форум на иностранных языках, состоящий из Олимпиады и международной студенческой конференции и др. В процессе проведения данных мероприятий создаётся обстановка реального общения, усиливаются положительные эмоции и повышается мотивация студентов к изучению иностранного языка, благоприятно влияя на развитие межкультурной коммуникации студентов.

Безусловно, в связи с динамичным развитием языка возникла острая необходимость повышения квалификации преподавателей иностранного языка, особенно в области межкультурной коммуникации и современных информационных компьютерных технологий. Традиция проводить курсы ПК только силами российских учёных и практиков на основе традиционных методов обучения устарела и требует кардинального пересмотра. При этом тематика таких курсов

должна постоянно обновляться и быть гибкой в соответствии с требованиями времени и текущей ситуации в мире.

Таким образом, можно констатировать, что развитие навыков межкультурной коммуникации является основной задачей при обучении иностранным языкам в современном неязыковом вузе. Применение инновационных методов обучения и постоянное повышение квалификации преподавателей иностранных языков позволят успешно решать данную задачу в процессе подготовки современных выпускников российских вузов.

Имиджевые публикации:

1. Ковалёва М.И. Patriotism and Citizenship as Values of Civil Society's Formation in Modern Russia // Middlesex University Occasional Papers in Education and Lifelong Learning. Volume 2, Number 1, 2008. PP. 64-75.

2. Ковалёва М.И. Poly-Ethnicity and a System of Education in Russia with special reference to the Siberian Federal District // SA-eDUC JOURNAL Volume 6, Number 2, November 2009. Pp. 172- 179.

3. Ковалёва М.И. Training State and Municipal Employees for the Poly-Cultural Society // Social Work in Multicultural Society. International Symposium on Education and Interethnic Relations. Conference Proceeding. 30-31 May, 2011. – Izhevsk: Udmurt State University, 2011. P. 137-138.

4. Ковалёва М.И. Гражданское воспитание как фактор социализации личности в современном обществе России и США // Философия образования. №6 (39), 2011. С. 226-233.

Коваленко М.П. (Пермь, Россия)

ЛЕКСИКОН-ТЕЗАУРУС КАК ВНЕШНЯЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ ОСНОВА ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ АУДИТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Целью-результатом подготовки компетентного переводчика в рамках современной образовательной концепции являются сформированные и развитые до профессионально-достаточного уровня компетенции, основополагающей из которых является аудитивная компетенция переводчика, она определяет оперативность и результативность всего процесса устного последовательного перевода.

Под переводческой аудитивной компетенцией понимается сложная многоуровневая, лингвокогнитивная характеристика, определяющая способность переводчика посредством осуществления аудитивной иноязычной речевой деятельности решать общие профессиональные задачи. Важно отметить, что формирование данной компетенции возможно лишь в условиях переводческого аудирования, имеющего профессионально-ориентированный, рецептивно-репродуктивный характер. Переводческое аудирование при этом следует рассматривать как вид устной рецептивной речевой деятельности на исходном языке, направленный на формирование программы последующего текста-высказывания перевода и сопровождаемый письмом фиксации.

Анализ содержания переводческой аудитивной компетенции позволяет выделить следующие её компоненты:

- языковая компетенция, предусматривающая владение переводчиком языковыми средствами, нормами и правилами их использования в речевых высказываниях разного типа;

- текстообразующая компетенция как способность переводчика воспринимать и понимать различного рода тексты как целые связные речевые единства на основе знаний структурной организации текста на всех его уровнях;

- интегративная компетенция включает специальные знания переводчика в отдельной области знаний, сформированность профессионального лексикона-тезауруса и способность переводчика понимать профессионально-ориентированные тексты;

- социокультурная компетенция подразумевает фоновые знания переводчика, понимание концептуальной картины мира другого социума, необходимые для понимания звучащего текста;

- коммуникативная компетенция предполагает знание правил и норм речевого общения в определённых коммуникативных ситуациях;

- профессионально-деятельностная компетенция связана с наличием переводческих умений, владением стратегиями и технологиями различных видов переводческого аудирования;

- и, наконец, личностная компетенция, включающая эрудицию переводчика, его познавательную мотивацию, логическое мышление и способность к интерференции, способность сосредотачивать и переключать внимание, развитую оперативную память, способность к самообучению и желание успешной самореализации.

Перечисленные выше компоненты переводческой аудитивной компетенции необходимо учитывать в учебном процессе, путём создания необходимой внешней информационной основы как функционально-смыслового, информационного комплекса, в котором сосредоточена и организована вся информация об объективных и субъективных условиях выполнения переводческого аудирования от цели-задачи к цели-результату.

Информационная основа переводческого аудирования выполняет функцию языковой опоры, обозначать предметный план звучащего текста, а также несёт информацию о компонентах коммуникативной ситуации.

Особый интерес в рамках настоящей проблемы представляют вербальные и смешанные типы информационной основы, а именно логико-семантические структуры темы (ЛССТ), словарно-понятийные статьи (СПС). Обе структуры составляют основные части лексикона-тезауруса переводчика. ЛССТ представляет собой гипотетическую структуру связей, отношений между основными явлениями и предметами реальной действительности, представленными в виде ведущих понятий и их связей». В основе её построения положены характеристики классификации, задача которой состоит в раскрытии объёма понятий путём перечисления всех понятий, выступающих по отношению к нему видовым и составляющих его части или элементы. При восприятии и понимании звуча-

щего текста ЛССТ становится информационной основой для понимания и надежным внутренним ориентиром для осмысления и понимания сообщения.

В основе словарно-понятийной статьи (СПС) находится принцип систематизации лексики вокруг ведущих ключевых слов (ВКС), когда вокруг одного ключевого слова-понятия распределяется вся лексика, содержательно характеризующая это понятие и представляющая собой его неявное определение. Основным назначением СПС является эксплицитное представление семантических отношений, существующих между лексическими единицами, как на парадигматическом, так и на синтагматическом уровнях.

При обучении переводческому аудированию следует отметить следующие преимущества работы с ЛССТ и СПС: осмысленность восприятия, сформированность у обучающегося системы ассоциативных связей; формирование психологического значения слова, понимание его предметно-понятийной соотносительности, восприятие слова как понятия; целостность и системность информации, хранимой в долговременной памяти; открытость систем, возможность их пополнения.

Таким образом, успешность и эффективность формирования переводческой аудитивной компетенции зависит от интеграции в учебный процесс дидактически организованного лексикона-тезауруса, использование которого предполагает путь от внешнего целостного представления минимума структурированного, графически представленного лексического материала через комплекс упражнений в переводческом аудировании медийного макродискурса к формированию внутреннего лексикона переводчика.

Имиджевые публикации:

1. Коваленко М.П. Информационная основа речевой деятельности в формировании лексических навыков аудирования иноязычного монологического высказывания: Автореф. дис. ... канд. пед., наук. Екатеринбург, 2003. 25с.

2. Коваленко М.П. К вопросу о стратегиях восприятия речи на слух с использованием информационной основы речевой деятельности аудирования // Проблемы теории, практики и дидактики перевода. Серия «Язык. Культура. Коммуникация»: сб. науч. тр. – Н. Новгород: Нижегород. гос. лингв. ун-т им. Добролюбова, 2011. Т.1, Вып.14.

3. Коваленко М.П. Дидактическая организация видеодискурса для формирования переводческой аудитивной компетенции // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – Пермь, 2014, № 9. С.43-49.

Козлова М.М. (Санкт-Петербург, Россия)

СПЕЦИФИКА ТРАНСЛЯЦИИ ЯЗЫКОВОГО И КУЛЬТУРНОГО КОДА ПРИ ПЕРЕВОДЕ СЛЕНГА В РОМАНЕ Э. БЁРДЖЕССА «ЗАВОДНОЙ АПЕЛЬСИН»

Бестселлер Э. Бёрджесса «Заводной апельсин» («Clockwork orange»), написанный в 1962 г. стал доступен в разных переводах массовому читателю России в начале 1990-х. Его тема – граница свободы личности и безопасности общест-

ва, незащитности отдельного человека перед насилием, в том числе и государственным. Это трудное произведение для осмысления идеи, авторской позиции в освещении темы свободы и насилия, а также для перевода. Произведение повествует о криминальной молодежной среде и написано молодежным сленгом с использованием ругательств. Переводить сленг с иностранного языка – самая трудная задача для переводчиков. Но с произведением Э. Бёрджесса «Заводной апельсин» ситуация еще более запутанная. Сленг (язык «надцатых») был создан автором путем слияния двух важнейших языков мира – англо-американского и русского. Он транскрибирует русские в основе слова латинскими буквами. В конце романа он даже предложил словарь сленга. Е. Синельщиков заменил английские сленговые выражения и на подростковый язык русской молодежи 1960-х – конца 1980-х гг. Фактически он использовал зеркальный прием. Ведь в сленге русских подростков тех времен преобладали слова **английского происхождения** в обрусевшем варианте. Английский молодежный язык был переведен на русский молодежный сленг, в котором использовался английский язык. Перевод В. Бошняка использовал условный прием, выделив русскоязычные жаргонные слова латиницей

Сравнительный анализ переводов Е. Синельщикова и В. Бошняка романа Бёрджесса «Заводной апельсин» показывает обоснованность выбора способов передачи на русском языке молодежного сленга: английский транскрибирован кириллицей у Е. Синельщикова и русский сленг вкраплен латиницей у В. Бошняка. Это сохраняет достоинства оригинала. Легче читается перевод Е. Синельщикова. Отсутствие заключительной главы в переводе Синельщикова искажает замысел автора.

Козырев В. А., Черняк В.Д. (Санкт-Петербург, Россия)

УЧЕБНЫЕ СЛОВАРИ В СОВРЕМЕННОМ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Одной из наиболее важных задач лексикографии по праву считается словарное описание языка с целью его изучения. Создание учебных словарей – одно из наиболее активно развивающихся в последние два десятилетия направлений словарного дела, чутко реагирующее на запросы социума, на актуализацию фактора адресата. По словам Ю.Д. Апресяна, словари, выступая в роли ключа ко всей словесной культуре народа, выполняют важнейшую функцию продвижения этой культуры в мире. Учебные словари по ориентированности на потенциального адресата делятся, прежде всего, на адресованные носителю языка, с одной стороны, и изучающему русский язык иностранцу – с другой. Предметом внимания в докладе являются словари русского языка для его носителей.

Эффективность учебных словарей определяет их антропоцентрическая направленность. Основной принцип практической лексикографии – «максимум информации на минимуме места – без ущерба для интересов читателя» (В.П. Берков) – делает словарь универсальным инструментом познавательной деятельности.

Идеи антропоцентрической лексикографии вдохновляют лучшие из учебных словарей: обращение к ним позволяет получить объективное представление об организации лексикона человека, о совокупности знаний, хранящихся в его памяти, интерпретировать лексическую систему, преломив ее через призму восприятия человека, соотносить теоретические разыскания в области изучения словарного состава с конкретными коммуникативными запросами пользователей словарной продукции. Учебные словари различных типов направлены на формирование различных аспектов лексикографической компетенции. Так, интерпретационно-деятельностный аспект лексикографической компетенции связан, во-первых, с возможностью использования словарей для интерпретации явлений окружающего мира, а с другой – для целенаправленного лексического выбора. Герменевтический аспект лексикографической компетенции связан с познавательной деятельностью носителя языка, с использованием словарей для ответа на возникающие вопросы о действительности, о человеке и его месте в мире. Коммуникативно-прагматический аспект связан, прежде всего, поиском ответов на конкретные вопросы, возникающие в процессе коммуникации (вопросы орфографии, орфоэпии и т.п.). Нельзя не заметить, что мощные и разнонаправленные динамические процессы в современной речи, «стрессовые условия языкового разрыва поколений и многоязычия» (М.А. Кронгауз) вызвали к жизни большое количество разнообразных (и различных по авторитетности) ортологических словарей, в том числе учебных.

Словарь выполняет роль своего рода адаптивного инструмента. Частые конфликты между узусом и нормой, особенно заметные в средствах массовой информации, игровая стихия современной речи предполагают особую значимость эталона, своеобразного речевого ориентира, роль которого, в первую очередь, выполняют учебные ортологические словари, необходимые для оперативного решения целого ряда практических проблем, возникающих в процессе коммуникации. Дидактическая функция словаря проявляется в том, что ответы лексикографа (носителя коллективного знания) воспринимаются как более или менее обязательные предписания для читателя словаря (В.Г. Гак).

В условиях изменения круга чтения, обеднения словарного запаса учащихся большое значение имеет описание трудной для восприятия лексики, в частности редких и забытых слов, часто встречающихся в текстах русской литературы. Примечательны в этой связи слова И. И. Срезневского, адресованные вдумчивому читателю: «Равнодушие к полному, отчетливому уразумению того, что читаем или слышим, с желанием понять, равнодушие, ленивое и невежественное, одно не понуждается в словаре; напротив того, образованность не постыдится никогда брать в руки словарь и останавливаться на объяснении слов, неизвестных или не совсем понятных».

Обращение к учебным словарям требует особого внимания и к проблемам словарной лексикологии, предполагающей практикоориентированное и в то же время не противоречащее достижениям современной науки описание базовых лингвистических понятий. В этой связи особое место занимает концептуальное обоснование словарей активного типа (Ю.Д. Апресян, В.В. Морковкин, Г.Н.

Скляревская и др.). При всем различии подходов к их созданию определяющей является ориентация на продуктивную речевую деятельность.

Учебные словари различны по типам. Из 3200 словарей русского языка, описанных и классифицированных нами, около 500 относятся к учебным. Почти все выделяемые сегодня типы словарей реализованы и в виде учебных изданий.

За последние 15 лет сформировались новые типы словарей, обогатился и усовершенствовался метаязык словарных описаний, разработаны новые принципы диалога «словарь – читатель» с учетом многообразных целевых установок адресатов словарной продукции. В то же время на книжных прилавках и библиотечных полках появилось множество словарей с броскими названиями: «большой», «новый», «универсальный», «современный», «комплексный». Часто эти эпитеты сопровождают старые, лишь несколько обновленные издания. В значительной степени эта ситуация, обусловленная коммерциализацией словарного дела, связана и с учебной лексикографией. Отчетливо выявляется не только антропоцентрическая направленность многих словарных изданий, но и «предрасположенность», своеобразное «разбухание» отдельных типов словарей, мотивированное различными социокультурными факторами. Всё это требует особого внимания педагогов к выбору рекомендуемых для учебного процесса изданий.

Имиджевые публикации:

1. Козырев В.А., Черняк В.Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший: монография. – СПб.: Изд. РГПУ им. А.И.Герцена. – 571 с.

2. Козырев В.А., Черняк В.Д. Русские словари от А до Я. СПб.: САГА, 2014. – 180 с.

2. Козырев В.А., Черняк В.Д. Современные ориентации отечественной лексикографии // Вопросы лексикографии. 2014. № 1 (5). С. 5–15.

3. Козырев В.А., Черняк В.Д. Словари как объект и инструмент языковой рефлексии // Вестник Челябинского государственного университета: Филология. Искусствоведение. 2013. № 1. С. 63-65.

Лившиц Р.Л. (Комсомольск-на-Амуре, Россия)

ПРИЗНАКИ ГРАФОМАНИИ В НАУКЕ

Не следует числить графоманию только по ведомству художественной литературы. Графомания – явление, свойственное всякому виду культурного творчества. Сущность графомании – не в неодолимом влечении творить при отсутствии необходимой квалификации и способностей, а в несоответствии претензий творца реальному результату его деятельности. Так, графоманские вирши производят впечатление жалкое и одновременно комичное именно по той причине, что в них нет гармонии буквы и духа, стиля и настроения, ритма и рифмы, образа и его воплощения в слове, – гармонии, которая присуща настоящим стихам. Серые, невыразительные постройки, монотонные и однообразные, нелепые и уродливые – таковы результаты творчества графомана от ар-

хитектуры. Тяжеловесные монстры вроде тех, коими осчастливил Москву всем известный классик, — наглядный пример графомании в скульптуре.

Графомания существует не только в искусстве, но и в науке. Было бы крайне странно, если бы дело обстояло иначе. Для создания подлинного произведения искусства требуется не только соответствующая подготовка, но и талант. Искусство есть способ эстетически возвыситься над обыденностью, представить жизнь в системе художественных образов. Чтобы добиться такого эффекта, нужна соответствующая общекультурная и специальная подготовка. Но этого мало. Необходим еще талант, т.е. субъективная способность увидеть вещи в неожиданном свете. В науке дело обстоит аналогичным образом. Научное творчество заключается в снятии покровов видимости с сущности вещей. Художник возвышается над повседневностью эстетически, ученый — гносеологически. Чтобы постигать сущность вещей, требуется глубокое знание законов и умение производить соответствующие мыслительные операции (вычисление, анализ статистических данных, систематизация и обобщение точек зрения). Однако квалификация сама по себе не позволяет достичь эффекта новизны, Максимум, что дает квалификация, — способность развивать высказанные кем-то идеи. Недостаток таланта (или его полное отсутствие) компенсируется графоманом посредством имитации внешних атрибутов творчества. Так, графоманский текст содержит, как и положено в научных работах, ссылки и отсылки, графики, таблицы, математический аппарат и т.п. При первом поверхностном знакомстве он может произвести впечатление действительно научного труда.

В элементарных случаях расхождение видимости и сущности обнаруживается на уровне грамматики. Если автор не владеет навыком грамотного письма, то можно со стопроцентной вероятностью утверждать, что он графоман. Человек, не способный писать без стилистических, пунктуационных, лексических и тем более орфографических ошибок, не обладает необходимой общекультурной подготовкой для любого творчества, в том числе и научного. Это означает, что определенная часть рукописей статей и/или монографий может быть забракована еще на стадии подготовки к печати. Однако тексты, изобилующие элементарными ошибками, продолжают публиковаться, и дело здесь заключается главным образом в материальном интересе инстанции, публикующей подобный брак.

В более сложных случаях графомания выражается в отступлении от выработанных многовековой практикой норм научного мышления. Это относится, в первую очередь, к бритве Оккама. Графоман от науки не понимает сути научного подхода к анализу природных и социальных систем; точно так же как графоман от литературы не понимает существа стихотворчества. И потому графоман в науке прибегает к сложным и искусственным объяснениям там, где вполне достаточно простых и естественных. Типичным примером графомании в социальных науках могут служить конспирологические построения. Во всех событиях реальной истории графоман от исторической науки видит результат происков враждебных сил — масонов, мировой закулисы, манипуляторов сознанием и т.п. Конспирологическая идея лежит и в основе фоменковщины, которую, на наш взгляд, также следует расценивать как проявление графомании в

науке. «Новая хронология», как известно, базируется на постулате о существовании целого сонма фальсификаторов, задавшихся целью удревнить историю. Графомания такого типа рано или поздно покидает почву рационализма, начинает апеллировать к факторам мистического порядка.

К графомании этого вида примыкают работы, выполненные с позиций «мультипарадигмального» подхода или «теории факторов», т.е., проще говоря, сознательно исповедующие эклектику. Наука включает в себя описание разных сторон объекта, но она не сводится к такому описанию. Оно – начало, а не конец исследования. Цель научного познания – проникновение в сущность изучаемых явлений. Отказ от движения мысли от явления к сущности есть отказ от базовых принципов научного познания и, следовательно, подмена научности наукообразием.

Существует и получает в настоящее время все большее распространение такой вид графомании, как «постмодернистский дискурс». Автор, не обладающий умением или не желающий в силу каких-то причин излагать трудные для понимания вещи просто и понятно, занимается тем, что придает банальным истинам (или крайне спорным утверждениям) чрезвычайно сложный и запутанный вид. В итоге у читателя формируется синдром постижения неизъяснимой глубины. Языковые средства, с помощью которых такой автор напускает туману, – вычурная лексика, переусложненный синтаксис, странные сближения и противопоставления и т.п. Здесь научное исследование подменяется словесной игрой, не имеющей ничего общего с исканием истины, здесь видимость коренным образом расходится с сущностью.

Итак, можно указать на следующие признаки графомании тексте, претендующем на научность: 1) общая безграмотность, 2) отступление от базовых принципов научного мышления или прямое их игнорирование, 3) нарочитая переусложненность.

Следует, однако, помнить о том, что постановка окончательного диагноза требует учета контекста и всех конкретных обстоятельств, имеющих отношение к делу.

Имиджевые публикации:

1. Лившиц Р.Л. Оптимальный тупик, или Как не следует писать научные труды. М.: «ВЛАДОС», 2009. – 256 с.

2. Лившиц Р.Л. Демаркация науки и идеологии в социально-гуманитарном познании // Гуманитарные и социальные науки на Дальнем Востоке. 2009. № 3. С. 64-74.

3. Лившиц Р.Л., Любичкая Т.А. Научный журнал как фактор становления коммуникативной среды в российском обществоведении на Дальнем Востоке // Этносоциум и межнациональная культура. 2010. Т.25. С.152-157.

4. Лившиц Р.Л. Кто ясно мыслит? Научный текст как предмет гносеологического анализа // Когнитивная целостность человека. Мат. междунар. научн.-практ. конф. 24-26 сентября 2012 г. – Комсомольск-на-Амуре: 2012. С. 72-78.

К ВОПРОСУ О ПОЛИКОДОВОСТИ ТОПОНИМОВ

Научные труды, посвященные топонимам, занимают значительное место в мировой библиотеке лингвистических исследований и в количественном плане имеют явное преимущество над работами, объектами изучения которых становились и становятся другие ономастические единицы. Популярность изучения географических названий, очевидно, обусловлена их многоаспектностью, так как каждый ученый «смотрит на топонимы своими глазами, обращает внимание на различные их особенности и делает выводы совершенно разного характера». Подтверждением многогранности топонимической лексики выступает многообразие дефиниций термина «топоним», одновременно трактуемый сквозь призму географии, истории, этнографии, культурологии и лингвистики.

Множество дискуссий посвящено вопросу о семантике топонимов. В современной ономастике традиционным решением означенного вопроса считается структурный анализ топонимов. Являясь точкой соприкосновения лингвистического и экстралингвистического планов, топонимические единицы «образуют сложный комплекс, в котором сведения о слове переплетаются со сведениями об именуемом объекте». Таким образом, с позиции структурного анализа в значении топонимов рассматривают мотивы именования, этимологию названий, а также географические, исторические, социокультурные характеристики обозначенных объектов. Вниманием при этом акцентируется на онтологическом аспекте географических названий.

Однако работы по изучению топонимической лексики последних десятилетий доказывают, что при решении вопроса о значении топонимов должен быть учтен не только онтологический, но и ментальный (когнитивный) аспект. Исследование топонимической системы вне человека невозможно, т.к. связь между топонимами и географическими объектами опосредована человеческим сознанием. Вслед за Н.Д. Голевым, мы считаем, что исследование топонимического материала в ментальной парадигме даёт возможность выявить «фактическое современное восприятие топонима конкретного языкового коллектива, функционирование названия в сознании личности». Очевидно, что рассмотрение топонимов с позиции антропоцентризма в свете когнитивистики открывает новые перспективы в определении их семантики, т.к. как когнитивная семантика объединяет в себя семантическую и прагматическую информацию.

На наш взгляд, полное представление о семантике топонимических единиц возможно получить лишь при сочетании онтологического и когнитивного подходов. По мнению Н.Д. Голева, такое сочетание проецирует новую точку отсчета в изучении сущности топонимического материала и создает «необычайно широкое для лингвистического исследования интерпретационное поле. Требуемая в данном случае концептуальная интерпретация предполагает преодоление расстояния от характеристики объекта действительности, запечатлеваемой языковыми единицами, до характеристики установок, интенций субъекта-носителя языка, обусловивших именно такое восприятие объекта».

В нашей работе с помощью онтологического и когнитивного подходов мы исследуем семантику немецких географических названий. Опираясь на теорию значения М.В.Никитина, разработанную применительно к именам нарицательным, структуру семантики топонима представим как единство двух частей: содержательного ядра – интенционала и периферии семантических признаков – импликационала. При анализе онтологического и ментального аспектов в структуре значения рассматриваемых топонимов обнаруживаются отдельные семантические узлы. Становится очевидным, что интенционал значения топонимов содержит информацию онтологического плана, импликационал – ментального.

Для подтверждения наших теоретических выводов о семантике топонимов, мы рассмотрели механизмы формирования значения ряда немецких топонимических единиц. Для этого мы обратились к анализу семантики топонимов в различных дискурсах немецкоязычной лингвокультуры. Нам удалось установить наиболее актуальные единицы значения топонимов для каждого вида дискурса. Особенности формирования и функционирования значения топонимов в сознании представителей немецкой лингвокультуры были выявлены на материале немецкой художественной литературы о путешествиях.

Таким образом, анализ семантики географических наименований показывает, что топонимы отражают в себе самые разные сферы человеческой деятельности, жизни народа и каждого отдельного человека. В структуре семантики каждого топонима присутствует информация, общая для мирового сообщества, для отдельной нации, для людей, проживающих на отдельно взятой территории, для отдельно взятой группы людей, вступающих в межличностное общение, а также сугубо личная информация, которую человек получает из своего индивидуального опыта взаимодействия с именованным топонимом географическим объектом. Исходя из этого, нам видится логичным представить каждый топоним как единичную поликодовую структуру, функционирующую в сознании человека.

Имиджевые публикации:

1. Чикаткова (Лоцманова) Ю.А. Когнитивное пространство образов персонажей сквозь призму их наименований (на материале немецкой литературы) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук Т. 11, №4 (5). – Самара, 2009. С. 1327- 1333.
2. Чикаткова (Лоцманова) Ю.А. Антропоним «Hans» в немецкой литературе XX века // Ежегодник Российского союза германистов. Т.7. – М.: Языки славянской культуры, 2010.
3. Кострова О.А., Чикаткова (Лоцманова) Ю.А. Парадигма когнитивного значения имен собственных, восходящих к немецкому эпосу // Иностранные языки в высшей школе. Выпуск 1(12) – Рязань: Изд-во Рязанского гос. ун-та им. С.А. Есенина, 2010. С. 83-91.
4. Кострова О.А., Чикаткова (Лоцманова) Ю.А. Дискурс о терроризме как предмет проектной деятельности на немецком языке // Иностранные языки в школе, 2012, № 7. С. 53-57.

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ

В докладе заявленная проблема, будет рассматриваться в двух основных плоскостях. Во-первых, если еще недавно проблемы традиционной культуры и межнациональных взаимоотношений преимущественно носили региональный характер, то сейчас со всей очевидностью - глобальный. Сегодняшний интерес к этно-региональным феноменам является реакцией на глобальные социокультурные процессы и вызван динамикой исторических перемен, усложнением и неоднородностью взаимосвязей и т.д. В связи с этим особую актуальность приобретает исследование особенностей развития традиционных этнических культур и осмысление их судеб, места и роли в условиях современных модернизационных процессов.

Во-вторых, интерес современных исследователей к процессам культурной трансформации в постсоветском контексте, на наш взгляд, вызван переходом от изучения политических и экономических процессов российского общества, к процессам формирования и развития демократических институтов и рыночных отношений. Эти процессы как правило сопровождаются разгосударствлением, децентрализацией, деидеологизацией, а также возникновением новых институтов, форм и культурных практик, направленных на формирование этнорегиональной идентичности. Речь пойдет о традиционной культуре и культурных практиках народов северо-востока России, самого большого региона в Российской Федерации.

Первый вопрос предполагает выяснение - какова культурная специфика Арктики в сравнении с другими регионами России? Кроме того, в свете последних дискуссий о циркумполярной цивилизации или арктической цивилизации возникает вопрос и о цивилизационной принадлежности этносов, населяющих Арктику. Эта проблема чрезвычайно важна, в связи с конфликтом между глобализационными процессами и существованием традиционной культуры. Должны быть найдены возможности для разрешения этого конфликта.

В докладе анализируются две основные научные позиции в отношении возможности существования арктической цивилизации. Такая постановка вопроса, на наш взгляд, связана с проблемой типологии традиционных культур, к которым в отечественной научной традиции применяли либо формационный подход, либо цивилизационный. А осмысление взаимоотношений между сохранившимися традиционными культурами и современными цивилизационными процессами зависит от научной позиции исследователя. Мы не ставим своей задачей пересказывать извечную дискуссию о соотношении культуры и цивилизации. Ограничимся лишь некоторыми позициями, проясняющими вопрос реального положения культур индигенных народов в условиях неизбежной модернизации по западноевропейскому образцу.

Вторая часть доклада будет посвящена опыту конструирования «новой» регионально-этнической идентичности, на примере той же арктической культуры и цивилизации. Исследования проблем этничности последних лет выявили,

что регионализм может существовать в пассивной форме. Он может проявляться в привычках, обычаях, типах менталитета, культурных особенностях и т.п. Этот вид регионализма определяется общей идентичностью, менталитетом, культурой, историей, географией.

«Культурные практики» можно определить, как в широком, так и в узком смысле. В широком смысле под культурными практиками можно понимать специфическое существование социума в некотором пространственном континууме. Разнообразие таких культурных практик связано со спецификой освоения культурного пространства региона (культурное пространство как мир воплощения ценностей). Под культурными практиками в узком смысле, мы понимаем специфические формы коммуникации или совместной деятельности по формированию (конструированию) регионально-этнической идентичности.

В качестве новых культурных практик, направленных на формирование новых регионально-этнических идентичностей в докладе рассматривается деятельность таких институтов как научные центры, музеи, библиотеки, которые проводят исследования и конференции по проблемам идентичности, национального самосознания и сохранения культуры, а также мероприятия и события культурной жизни региона, которые выполняют интеграционную, и в некотором смысле мировоззренческую функции.

В докладе отмечается, что в формировании постсоветских идентичностей необходимо учитывать два момента. Во-первых, происходит стирание отличий советской модернизации, которые были связаны с разным положением города и деревни в государстве. Это важно для понимания различий в степени приписываемых этнических критериев. В городах оно было существенно другим, нежели в деревне. Во-вторых, «форсированное возникновение «национальных элит» (в советский период – Т.Л.) в отдельных республиках благоприятствовало латентной этнократии, которая проявилась сегодня во властном слое постсоветских государств» (Воронков В., Освальд И. Введение. Постсоветские этничности// Конструирование этничности. Этнические общины Санкт-Петербурга/ Под ред. Воронкова В., Освальд И. – СПб., 1998. С. 9-10). Этнократия, в свою очередь активно участвует в конструировании этнорегиональной идентичности.

Большая свобода, предложенная регионам Б.Н. Ельциным, давала возможность вносить в понятия свое государство и суверенитет любое наполнение, поскольку в период существования советского государства и советского народа ничего подобного не предполагалось. Поэтому время Перестройки и несколько позже – это период активного и продуктивного мифотворчества или изобретения традиций, позволяющих актуализировать этно-региональную идентичность. Например, центральной из новых традиций, ставшей одновременно и главной политической мифологемой, выступает легитимизация этнического права на территорию. Кроме того, к числу изобретенных традиций в национальных регионах России относится миф об исконности как одна из характеристик хронотопа.

ТЕКСТОСПЕЦИФИЧНОЕ КОДИРОВАНИЕ СИТУАЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА

Результаты осмысления мира человеком передаются языком. С помощью языковых единиц кодируется совокупность представлений определенного национально-культурного сообщества о действительности на конкретном этапе развития данного сообщества, что составляет языковую картину мира (ЯКМ) этого народа. При этом в зависимости от типа познавательного процесса, научного и ненаучного (внеаучного, обыденного), участвующего в формировании картины мира, ЯКМ делится на научно-языковую картину мира и наивно-языковую картину мира. Отличие научного знания от обыденного заключается в характере и степени существенности отражаемых признаков объектов и явлений, а также в различных способах освоения реального мира.

Способом отражения ЯКМ выступает текст. Каждый текст представляет собой уникальное сочетание, взаимодействие различных языковых средств. Языковая система предоставляет огромные возможности выбора единиц языка, в форме которых кодируются составляющие определенного фрагмента действительности (ситуации). При этом отбор языковых средств и их соединение в тексте стимулируется разнообразными факторами текстообразования, которые содействуют преобразованию разрозненных языковых средств в связное целое, иными словами, текстообразующие факторы обуславливают связность текста, скрепляют его, способствуют правильному отбору и сочетанию языковых средств в тексте. Одним из таких факторов можно рассматривать ЯКМ. В зависимости от того, какие представления, научные или обыденные, получают языковое воплощение в тексте, и происходит определение специфики структурирования текста, распределение и презентация информации, а также выбор и комбинирование лексических, словообразовательных, синтаксических и др. средств языка и речевых структур.

Данный этап исследования посвящен выявлению того, какие типичные языковые средства (знаки), используемые для кодирования ситуации качественного изменения, диктуются научной и наивной картинами мира. В качестве материала для анализа послужили выборки из художественных романов британских и американских авторов XX века, естественнонаучных статей электронной энциклопедии “Encarta”.

Итак, научному и обыденному пониманию процессов качественного изменения свойственна определенная специфика языковой репрезентации. Наиболее ярко она проявляется, прежде всего, в области функционирования предикатов изменения в научных и художественных текстах. Для репрезентации научной картины мира о процессах качественного изменения широко используются глаголы типа *condense*, *crystallize*, *evaporate*, *liquefy*, *oxidize*, которые свойственны непосредственно научным текстам по естествознанию, поскольку используются исключительно в научно-терминологическом значении для языкового представления качественных изменений объектов, участвующих в физических, химических или биологических процессах. В свою очередь, при языковом отра-

жении наивной картины мира глаголы качественного изменения используются в общеупотребительном значении: они описывают изменения любых сущностей. Кроме того, при вербализации обыденных знаний данные глаголы способны образовывать контекстуальное переносное значение.

Анализ языкового материала также позволил выявить отличительные черты языкового отражения разных картин мира об изменении в сфере номинации составляющих некоего фрагмента действительности и их актуализации в предложении. Так, в плане именования обязательных и факультативных участников ситуации качественного изменения, гораздо большее разнообразие было обнаружено при анализе языкового материала из художественных произведений, поскольку в научных текстах семантические классы слов, с помощью которых кодируется субъект, объект и результат изменения, четко регламентированы естественнонаучной сферой. Далее объективное отражение действительности, к которому стремится научное сознание в языковом воплощении ситуации качественного изменения, достигается посредством эксплицитного представления в поверхностной структуре предложения различных составляющих некоего фрагмента реальности, включая кодирование в форме языковых знаков промежуточных стадий, результатов эволюции живых организмов, преобразования одной формы энергии в другую или одного химического соединения в другое. Что касается социально-бытовых, житейских представлений об изменении, то они влекут за собой отсутствие последовательной, закономерной, детальной актуализации в предложении составляющих данной ситуации.

Кроме того, обращая внимание на дополнительные характеристики способа протекания процессов качественного изменения, нами было выявлено, что при языковом отражении научной картины мира широко используются разнообразные сирконстанты, конкретизирующие ход развития процесса изменения и функционирующие в предложении как обстоятельства со значением степени интенсивности, скорости, частотности, темпоральности, условия, пространственной локализации и т.д.

Изучение спектра действия процессов превращения на уровне научных и обыденных знаний позволило обнаружить, что в научном понимании процессы превращения связаны с полными преобразованиями различных форм энергии, живых организмов, химических веществ и т.п. В результате житейского, общо-бытового понимания качественного изменения в языковом материале из художественных текстов спектр действия процессов превращения распространяется и на трансформации, происходящие под воздействием высших ирреальных сил. В целом на уровне обыденных знаний отсутствует четкая граница между двумя типами изменения – параметральным изменением и превращением – поскольку четко выраженные параметральные изменения могут в предложениях данного типа текстов вербализовываться по модели ситуации превращения.

Таким образом, языковая картина мира выступает фактором, который определяет типичные языковые средства кодирования ситуации изменения.

НАУЧНАЯ ПЕРИОДИКА В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Значимым этапом любого научного исследования является опубликование статьи в научном рецензируемом журнале. Изданная статья — один из основных инструментов научной коммуникации.

Перед современным автором остро стоит проблема выбора подходящего журнала для опубликования полученных им результатов научных исследований. Опубликовать их можно: 1) в журнале своего университета; 2) не своего, но отечественного университета; 3) в зарубежном журнале.

В конце XX — начале XXI вв. появилось большое количество новых научных журналов разного достоинства и научного уровня публикуемого материала. Развернувшаяся в этот период кампания по рейтингованию научных учреждений, университетов и издаваемых ими научных журналов подхлестнула интерес к опубликованию статей в журналах, индексируемых в специализированных библиометрических базах научного цитирования (в России, — РИНЦ, зарубежных, — Web of Science, Scopus и др.)

В постперестроечный период сложившиеся за годы Советской власти научные связи подверглись тяжелым испытаниям и многие из них распались.

Само занятие научной деятельностью и тем более опубликование её результатов было под вопросом.

Последние два десятилетия качественно изменили рынок научной периодики. Качественные изменения коснулись не только технических возможностей процесса редактирования и общего администрирования журнала, но и требований к языку публикаций.

Особенности современной научной коммуникации определяются сложившейся ситуацией языкового неравенства — доминированием английского языка как средства международного научного общения.

Отечественные университетские научные журналы фиксируют, сохраняют и транслируют не только опубликованную в них информацию, но и **особенности научной речи, стиля изложения**, историко-культурные и этические традиции научных школ. Для российских исследователей психологически проще опубликовать статьи в отечественных журналах. Однако показатели цитирования этих журналов не высоки. Возникает необходимость опубликования во внешних журналах: ближнего и дальнего зарубежья.

Понимая технические особенности и «трудности перевода» с большим внутренним сопротивлением идет процесс интеграции во всемирное научное публикационное пространство. Отчасти поэтому быстрее и психологически легче идет процесс освоения постсоветского публикационного пространства, где помнят и применяют объединявший нас многие годы русский язык.

К положительным достижениям эпохи первого Президента России можно отнести **создание российско-славянских университетов**. В настоящий момент российско-национальные славянские университеты действуют в **Армении** (Российско-Армянский (Славянский) университет), **Киргизии** (Кыргызско-

Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина), **Таджикистане** (Таджикско-Российский (Славянский) университет), **Белоруссии** (Белорусско-Российский университет).

Из издаваемых этими университетами научных журналов самым успешным стал журнал Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина «**Вестник КРСУ**», который утвержден Президиумом ВАК России для публикаций основных результатов кандидатских и докторских диссертаций, и имеет в РИНЦ импакт-фактор, отличный от нулевого.

Отдельного внимания заслуживает другой положительный опыт КРСУ, где кроме «Вестника КРСУ» издается журнал «Русское слово в Кыргызстане». Аналогичные журналы («Русский язык и литература в Азербайджане»; «Русский язык в Армении») издаются в Азербайджане («Бакинский славянский университет»), в Армении. Важно отметить, что они издаются на трех языках (*родном, русском и английском*).

Завершая, хотелось бы отметить, что процессы межкультурной коммуникации на страницах научной периодики постсоветского пространства неоднородны и не однозначны. Линия водораздела проходит почти посередине (почти 50 на 50) в вопросе использования родного языка с записью текста на кириллице или на латинице. Однако наметилась устойчивая тенденция к опубликованию научных статей на трех языках (*родном, русском и английском*), что значительно расширяет аудиторию как авторов, так и читателей.

Разнообразие языковых форм межкультурной научной коммуникации оживляет процессы идентификации национальных научных элит, научных школ, наполняет сердца национальной гордостью за их достижения. Применение какого-то одного языка (не важно, только русский язык, только английский, только арабский или только китайский) отрывает национальные элиты от своего народа и делает эти народы заложниками будущих социальных катастроф, вплоть до полного исчезновения сначала языков этих народов, а затем и самих народов.

Имиджевые публикации:

1. Манцорова И.В. Научная публикация как отражение гражданской позиции молодого ученого: проблемы и противоречия // Формиране на гражданина и професионалиста в условията на университетското образование//сборник с научни статии 13 Междунар. науч. конф. 2-6 сент. 2013 г., България, Китев. – Втора книга-Том 1 / под ред. проф. Емили Рангеловой. – Издательство «ЕКС-ПРЕС» – Габрово, 2013: Асоциация на професорите от славянските страни (АПСС), 2013. – 438 с.
2. Манцорова И.В. Сборник «Вопросы методики преподавания в вузе» на международной конференции Ассоциации профессоров славянских стран // Вопросы методики преподавания в вузе. 2013. № 2 (16). С. 288-291.
3. Манцорова И.В. Отечественная университетская периодика в развивающемся диалоге научных школ // Научная периодика: проблемы и решения. 2014, № 5 (23). С. 40-45.

ЯЗЫКОВАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ ОБЩИХ ТЕМ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

В настоящее время в мировом сообществе наблюдается значительное количество военно-политических, межнациональных и межэтнических конфликтов, которые активно освещаются средствами массовой информации. Для современных лингво-коммуникативных исследований актуальными признаются вопросы о том, как создается, хранится, используется и воздействует на адресата информация в дискурсе СМИ. В этой связи релевантным представляется выявление языковых особенностей экспликации общих тем военно-политического конфликта в англоязычных СМИ.

В ходе лингвосемантического анализа публицистических текстов, рассматривающих военно-политический конфликт в Косово, было выявлено девять общих тем. К ним относятся: «независимость», «противоречия в отношении независимости», «военные действия», «этнические меньшинства», «прогноз масштабно-общественной проблемы (МОП)», «разрешение МОП», «Россия», «Евросоюз» и «международное сообщество». При выделении данных тем за основу было взято определение лингвистической категории «тема» Т.В. Матвеевой, специфика темы журналистского текста, рассмотренная Г.В. Лазутиной, которая углубленно занимается проблематикой творческой деятельности журналиста и принцип семантического единства.

Материалом для анализа послужили 45 проблемно-аналитических статей, освещающих военно-политический конфликт в Косово, представленные в англоязычных СМИ.

В процессе выявления общих тем были получены языковые маркеры той или иной темы, а также культурно-идеологическая составляющая исследуемых текстов. Представим некоторые выше обозначенные результаты исследования.

Языковая репрезентация каждой общей темы имеет свою определенную специфику в зависимости от идеологической политики той или иной страны: США, Великобритании и Канады. Так, тема «независимость» в СМИ США представлена меньшим количеством и разнообразием лексических единиц, чем в текстах СМИ Великобритании и Канады. Например, в СМИ США наблюдается только три группы словосочетаний с абстрактным существительным *independence*: «*de facto independence*», «*unilateral independence*» и «*supervised independence*». В то время как в СМИ Великобритании и Канады данная тема репрезентируется пятью группами словосочетаний. В СМИ Великобритании это – «*the precedent of independence*», «*unilateral independence*», «*full independence*», «*limited independence*» и «*broad autonomy*». Причем, группы «*full independence*», «*limited independence*» и «*broad autonomy*» включают в себя различные смысловые модификации лексических единиц. Например, в группе «*broad autonomy*» встречаются такие словосочетания, как: *enhanced autonomy*, *innovations in autonomy*, *contemporary understandings of autonomy*. В СМИ Канады – это «*total independence*», «*unilateral independence*», «*quasi-independence*», «*the most limited and self-constraining independence*», «*supervised independence*». В группу «*super-*

vised independence» входят такие смысловые модификации лексических единиц, как *independence*, *supervised by the international community*, *supervised independence formula*, *sovereignty contingent on the presence of foreign monitors and soldiers*.

Таким образом, в СМИ США независимость Косово представлена как односторонняя, контролируемая и может быть принята нелегально, по факту. В СМИ Великобритании она – односторонняя, полная/ограниченная, автономия с расширенными возможностями, является прецедентом. В СМИ Канады независимость Косово – односторонняя, сомнительная, ограниченная, контролируемая и нуждающаяся в помощи.

Языковая репрезентация темы «противоречия в отношении независимости» также имеет свою специфику. Данная тема эксплицируется с помощью четырех групп лексических единиц, представляющих ее различные аспекты: «противоречия» (*disagreements, tensions, unity, discussions*), «принятие независимости» (*to recognize, to support, to favor, to approve*), «возражения против независимости» (*to oppose, to prevent, not to agree, to reject, to veto*) и «нейтральная позиция» (*abstention, to doubt to recognize*). К частным характеристикам описываемой темы относятся: (твердая) поддержка Сербии Россией (актуализация в СМИ Великобритании и Канады посредством контекстуальных синонимов *the backing of Vladimir Putin's Russia, strong support from Vladimir Putin's Russia*); отсутствие всеобщей поддержки (актуализация в СМИ Великобритании с помощью контекстуального синонима *support for Kosovo is far from universal*); большое недовольство в отношении независимости из-за вероятности неприятностей (актуализация в СМИ Канады в контекстуальных синонимах *to be deeply unhappy about Kosovo independence, to be uneasy about Kosovo independence*, которые выражают реакцию стран с этническими меньшинствами). Принимая во внимание количественный критерий и разнообразие языковых маркеров аспекта «возражения против независимости», видно, что сторон, не желающих принимать независимость больше, чем тех, кто ее поддерживает. Согласно частным характеристикам данной темы идеологическая политика Канады и Великобритании акцентирует внимание на поддержку Сербии и стран с этническими меньшинствами, демонстрируя, таким образом, причины не принимать независимость Косово.

Итак, в ходе исследования языковой репрезентации выше представленных общих тем были выявлены некоторые особенности культурно-идеологической составляющей текстов англоязычных СМИ. Было определено, что идеологическая политика США направлена на бескомпромиссное принятие независимости Косово, при котором согласие других стран не обязательно, она может быть установлена в одностороннем порядке. Великобритания колеблется в вопросе принятия независимости, поскольку эта страна входит в Евросоюз, где есть страны с проблемами этнических меньшинств. Для Канады независимость сербской провинции представляется формальной, а не настоящей, которая должна быть принята из-за давления США.

Имиджевые публикации:

1. Назина, Г.А. О некоторых подходах к исследованию темы текста // Вестн. Минск. гос. лингв. ун-та. Сер. 1, Филология. 2008. №2 (33). С. 26–33.
2. Назина, Г.А. Композиционная организация проблемно-аналитической статьи // Вестн. Минск. гос. лингв. ун-та. Сер. 1, Филология. 2008. № 5 (36) С. 159–166.
3. Назина, Г.А. Экспликация военно-политического конфликта в англоязычных СМИ // Коммуникация в поликодовом пространстве: языковые, культурологические и дидактические аспекты: материалы международной научной конференции / под ред. М.А. Акоповой. – СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2013. С. 121 – 123.
4. Назина, Г.А. Лингвосемантический анализ публицистического текста англоязычных СМИ // Соловьевские чтения-2014: материалы 1-ой международной научной конференции / МГЛУ. – Минск, 2015. в печати.

Наумов В.В. (Санкт-Петербург, Россия)

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: БЛАГИЕ НАМЕРЕНИЯ ПО ДОРОГЕ В АД

Исходной посылкой доклада можно считать следующие позиции: а) не всякие изменения социума обуславливают развитие языка; б) далеко не всякая попытка воздействия на язык извне приносит желаемый результат. Отсюда вопрос, на который пытаются ответить авторы большинства социолингвистических исследований: существует ли прямая зависимость состояния языка от состояния социума?

Языку в процессе формирования национального самосознания принадлежит ведущая роль. Это один из немногих бесспорных постулатов социолингвистики. В полиэтническом государстве возможны два варианта развития событий: 1. Язык титульной нации становится рычагом объединения народов, населяющих полиэтническое государство. 2. С помощью языка государством (сознательно или бессознательно) реализуется дезинтегративная функция, разобщающая носителей разных языковых кодов и стимулирующая лингвокультурологическую напряженность, которая, в свою очередь, приводит к социальной и конфессиональной неприязни в межэтнических отношениях.

Таким образом, язык оказывается тем средством, с помощью которого государство воздействует на общество. Но, значит ли это, что государство вправе распоряжаться этим средством по своему усмотрению?

Советский Союз всегда считался территорией добровольно-вынужденного билингвизма. Доминирование русского языка было обусловлено не столько его государственным статусом, хотя и это имело значение, сколько коммуникативной мощностью, накопленной за годы советской власти и коммунистической идеологии. С помощью русского языка государству было проще реализовать центростремительный характер отношений Москвы – столицы России и СССР, с союзными республиками. Представители титульных наций республик постепенно утрачивали связи с родными языками и переключались на единый языковой код, призванный обслуживать «новую историческую общность» - совет-

ский народ. Следует, однако, заметить, что после октябрьского переворота в течение 15 лет народы СССР имели возможность использовать национальный язык и развивать национальную культуру. Языковая картина нашей бывшей Родины кардинально изменилась после известного постановления Совнаркома СССР (от 13.03.1938 г.) об обязательном изучении русского языка в национальных школах.

С 1938 по 1980-е гг. имеет место интенсивное поступательное развитие русско-национального двуязычия. СССР постепенно стал огромным по территории и коммуникативной мощи полигоном доминирования русского языка. Национальные языки в остаточном виде сохранились только в странах Балтии, азиатских и кавказских республиках. Помимо взвешенной и целенаправленной позиции государства, для которого всегда была (есть и будет) оптимальной и удобной монолингвальная ситуация, ибо посредством одного языкового кода легче и дешевле управлять страной, немаловажным фактором превосходства русского языка в СССР стала возможность регулируемой и поощряемой государством миграции русскоязычного населения в национальные республики и автономные территориальные образования. Представители русского этноса привносили лингвоментальные характеристики титульной нации, постепенно ассимилируя и нейтрализуя в себе явления национальной культуры. Хорошо это или плохо, но русский язык воспринимался всеми без исключения гражданами СССР как обязательный инструмент социальной адаптации индивида.

С распадом Советского Союза языковые процессы начинают движение вспять. Ставшие независимыми и самостоятельными союзные республики пытаются восстановить status quo и в языковом строительстве. Большинство из стран постсоветского пространства поставило перед собой а priori неосуществимую задачу – обретение языковой гомогенности в максимально краткие сроки. Более всего в стремлении к реализации этой порочной своим дилетантизмом идеи удивляет: а) дремучая невежественность государственных институтов, принимавших (и принимающих) такие решения; б) преступное бездействие лингвистической общественности тех стран, в которых пытались реализовать расхожую формулу: «Если нельзя, но очень хочется, то можно...». Языковая политика в СССР при всей её неизбежной и необходимой в условиях коммунистической идеологии жесткости, привела к глубокому дисбалансу русского и других национальных языков.

Отношения государства и языка осложнены социальными последствиями различной степени тяжести. Процесс становления любого национального языка обусловлены действием внешних и внутренних факторов. Под первыми имеются в виду те силы, которые формируют собственно этнос, его социальные, демографические, политические и культурные характеристики. Внутренний механизм языкового развития определяется функциональным потенциалом языковой системы, ее взаимодействием с нормой и узусом. Нельзя сбрасывать со счетов и количественные параметры языкового коллектива, которые во многом способствуют укреплению коммуникативной силы языка и насыщению языковой системы многообразием языковых форм. Жизнь показывает, что к внешним факторам развития языка государство относится с большим или меньшим пие-

тетом, однако этого часто бывает недостаточно для достижения поставленных задач.

Никитенко О.А. (Санкт-Петербург, Россия)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОГРАММ- КОНКОРДАНСЕРОВ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) в настоящее время применяются как важное средство формирования профессиональной информационной компетенции обучающихся и находят отражение в Федеральных государственных образовательных стандартах (ФГОС) всех направлений вузовской подготовки. Умение пользоваться современными информационными технологиями заявлено при формировании компетенций как результатов обучения. Решение задач профессиональной деятельности студентов неязыковых факультетов может и должно осуществляться с широким привлечением информационных технологий как для профильных, так и непрофильных дисциплин, что указано во всех ФГОС.

На наш взгляд, обучение иностранному языку на основе современных информационных технологий способствует формированию таких компетенций, как лингвокомпьютерная, которая подразумевает, в частности, готовность студентов применить свои знания, умения и навыки по освоению и применению информационных технологий к самостоятельному совершенствованию своих знаний по иностранному языку в течение всей жизни; а также коммуникативная, поскольку большинство заданий, выполняемых с использованием Интернет-ресурсов, сопровождаются рядом упражнений дискуссионного характера, выполнение которых может осуществляться в рамках контроля выполнения самостоятельной работы на занятии.

В связи с необходимостью использования ИКТ в процессе обучения, а также на основе содержания ФГОС третьего поколения при участии автора были разработаны УМК «Английский язык. Учебное пособие для магистрантов гуманитарного профиля» и «Английский язык. Практический курс для магистрантов технического профиля». Одним из наиболее распространенных заданий с использованием ИКТ в данных УМК являются упражнения с применением инновационных программ-конкордансеров. В процессе выполнения данных заданий студентам предлагается работа с Британским Национальным Корпусом, содержащим бесчисленное множество примеров предложений с искомым словом или словосочетанием. Приведем пример формата и выполнения заданий с использованием конкорданса.

Prepare a list of sentences (up to 15) for translation from the British National Corpus with the use of the following words from the text: *endorse, emission, cooling effect* and use one of them for making up your own concordance. Use the site <http://info.ox.ac.uk/bnc> and an example of this task in the appendix 10.

В процессе выполнения данного задания студентам предлагается посетить официальный сайт Британского Национального Корпуса (БНК) и, используя лексику, приведенную в учебном пособии, выбрать предложения для перевода и затем составить собственный конкорданс.

Еще одним вариантом работы с конкордансами может служить задание, которое заключается в посещении студентами определенных Интернет-ресурсов и, используя профессиональную лексику, составлении собственного конкорданса по специальности. Данное задание направлено на составление профессионально-ориентированного глоссария, и его выполнение также подразумевает работу с компьютером. В процессе работы над данным заданием студенты посещают сайт БНК и вводят в поисковую систему данного сайта небольшой по объему текст по специальности. В результате подобной работы студенты получают список лексических единиц, которые наиболее часто употребляются в данном отрывке. Например,

Prepare a Glossary on Management on the basis of these texts and possible Internet extensions on the same subject. Recommendations on the use of Concordance programs for a group project are given in Appendix 12.

Цель выполнения подобных заданий заключается в общем ознакомлении с программами-конкордансерами, умении их применять в учебных и профессиональных ситуациях, знакомстве студентов с различными вариантами употребления словосочетаний в определенных контекстах, а также в составлении глоссария по специальности. При первичном выполнении заданий подобного типа преподавателю рекомендуется продемонстрировать этапы его выполнения в процессе аудиторного занятия на большом экране и обсудить последовательность его выполнения. В процессе выполнения заданий с использованием инновационных программ-конкордансеров наблюдается синтез следующих компонентов:

- поискового, заключающегося в нахождении сайта <http://info.ox.ac.uk/bnc>, введении нужных слов и выражений в поисковое окно и копировании полученных через минуту 50 или менее предложений в отдельный файл;
- аналитического, т.е. внимательного изучения контекстуального окружения слова для семантизации формируемых с ним коллокаций и исключения наиболее сложных из них из дальнейшего рассмотрения;
- предпереводческого, представляющего собой анализ предложений для определения степени их сложности и соответствия задаче составления искусственного конкорданса, как элемента возможного глоссария;
- переводческого, предполагающего самостоятельную подготовку перевода наиболее интересных предложений;
- лексикографического, включающего в себя составление глоссария с наиболее частотными выражениями и его распечатка при подготовке к занятию;
- коммуникативного, предполагающего обсуждение перевода или глоссария при парной подготовке в аудиторной работе.

Таким образом, овладение основами работы с программами-конкордансерами способствует приобретению навыков использования данной

программы в профессиональной и научной деятельности, а также развитию познавательных способностей студентов.

Имиджевые публикации:

1. Никитенко О.А. Интегративная основа обучения иностранному языку магистрантов технических направлений: ресурс подкастов в аудировании // Науч.-техн. ведомости СПбГПУ. Гуманитар. и обществ. науки. 2011. № 3. С. 89-95.
2. Никитенко О.А. Трехуровневая интегративная основа обучения иностранному языку в современном вузе [Электронный ресурс] / О.А. Никитенко, Н.В. Попова // Письма в Эмиссия. Оффлайн (The Emissia. Offline Letters): электрон. науч. изд. (науч.-пед. интернет-журн.) / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. – СПб., 2012. Июль, ART 1824. – URL: <http://www.emissia.org/offline/2012/1824.htm> (дата обращения: 29.07.2012).
3. Никитенко О.А. Учебный грантовый проект как разновидность проектной деятельности в обучении иностранному языку магистрантов технического профиля [Электронный ресурс] // Письма в Эмиссия. Оффлайн (The Emissia. Offline Letters): электрон. науч. изд. (науч.-пед. интернет-журн.) / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. – СПб., 2012. – Сент., ART 1859. – URL: <http://www.emissia.org/offline/2012/1859.htm> (дата обращения: 02.11.2012).

Никифорова Т.В. (Санкт-Петербург, Россия)

КЛАССИФИКАЦИЯ МЕТАКОММУНИКАТИВНЫХ КОМПОНЕНТОВ ТЕКСТА КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ЖАНРОВ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА

В истории русского языка XVIII века особое место занимают переводы, в том числе с немецкого. А среди переводов – функциональные жанры (Грамматики), которые играли роль важного нормативного источника. Для сравнительного анализа перевода и его источника (Немецкая грамматика И.К. Готшеда и ее русский перевод, сделанный И.М. Гречем) продуктивно обращение к анализу метакоммуникативных уровней и компонентов текста.

Как известно, метакоммуникация не только дополняет и уточняет содержание сообщения, но и отражает социальные отношения. Подобным образом в переводе метакоммуникация может отражать взаимоотношения культур, оттого сравнительный анализ метакоммуникативных компонентов оригинала и переводного текста может предоставить богатый материал для исследования диалога культур. Понятие метакоммуникации обладает потенциалом междисциплинарности, что указывают на возможность теоретических обобщений при решении задач анализа конкретного текста.

Существует немало подходов к трактовке понятия метакоммуникация, они не противоречат друг другу, а, наоборот, дополняют, дают возможность взглянуть на проблему метакоммуникации под разными углами.

Метакоммуникативные компоненты в тексте целесообразно классифицировать по функциональной направленности и по объему высказывания и его месту в тексте.

По функциональной направленности, обычно, различают три разновидности метакommunikации – направленной на поддержание связи между участниками коммуникации; направленной на объяснение лексического кода языка; направленной через сообщение о языке на внелингвистическую реальность.

Анализ первого типа метакommunikации восходит к работам Б. Малиновского, который обращает внимание на «фатическое общение», то есть обмен репликами и словами, функции которых заключаются не в обмене значимой информацией, а в поддержании ощущения причастности к единой социальной общности. Это ритуальные, нормативные высказывания, например, фразы приветствия/прощания, вопросы о здоровье, комментарии о погоде. Сюда же относятся и реплики, выполняющие функцию проверки канала связи, например, переспросы, уточнения, а также высказывания, свидетельствующие о том, что общение достигло адресата (Э. Гофман).

Выделение второго типа метакommunikативных компонентов текста восходит к работам Р. Якобсона, который считал метакommunikацией сообщение о коде, прежде всего, подтверждающие эквивалентность высказываний, разъяснения, растолкования. С помощью различных высказываний собеседники уточняют, одним и тем же кодом они пользуются или нет.

Н.Д. Голев, А.В. Шанина описывает третий тип метакommunikативных компонентов как сообщения относительно языка, которые имеют оценочную или эмоциональную позицию относительно внелингвистической реальности, являясь частью политических или иных дискуссий.

При анализе письменного текста (перевода и его источника) важно иметь ввиду, что метакommunikативные высказывания различаются по объему и по месту в тексте. К разновидностям малого объема, инкорпорированного в основной текст, относятся короткие фразы, части фраз (обращения). Другая разновидность – внутритекстовые и послетекстовые примечания – носят относительно самостоятельный характер. Более обширный тип метакommunikативных включений – это предисловия и послесловия. Еще одна разновидность – рецензии, комментарии, критические статьи – представляют собой новые формы текстов, порожденных метакommunikативной задачей. С этой точки зрения целесообразно выделять метакommunikативные маркеры, высказывания, тексты. Немаловажно, что функциональные жанры, такие как «Грамматика», сами являются формой метакommunikации.

Метакommunikативный уровень анализируемых «Грамматик» богат и разнообразен, включает единицы разных уровней (в докладе будут приведены конкретные примеры). Сравнение метакommunikативных компонентов оригинала и перевода позволяет делать выводы как лингвистического, так и внелингвистического (социокультурного) порядка.

ПРОГРЕССИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ В ИНОЯЗЫЧНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Дистанционное обучение – давно и хорошо известная форма получения знаний, формирования умений и навыков. Она широко использовалась как в советское время, так и в российской системе образования для обучения школьников, студентов, при создании обучающих курсов и при переподготовке специалистов. В последние годы заметно усилился интерес к дистанционному обучению с использованием современных информационно-коммуникационных технологий (Information Communication Technologies - ICT). На сегодняшний день самой распространенной платформой дистанционного обучения, по крайней мере, в вузах, является система Moodle (система управления курсами (виртуальная обучающая среда)), характеризующаяся большим количеством пользователей и разработчиков. В частности, Moodle используется и при обучении иностранным языкам. Однако в связи быстрым развитием ICT, стремительным ростом информационной компетенции у всех возрастных категорий обучающихся в мире быстро становятся популярными различные on-line курсы, использующие другие платформы. Они являются доступными по цене (зачастую бесплатными), ориентированными на современные широко распространенные мобильные устройства (смартфоны, планшеты), позволяют изучать то, что необходимо, в удобном месте и в удобное время. Они также соответствуют общей тенденции к интеграции с международным образовательным пространством и трансгранично распространенному понятию «обучение в течение всей жизни» (lifelong learning), т.е. непрерывному образованию. Такие курсы удобны для изучения интересных областей знаний, а также для обучения людей, имеющих относительно короткие, свободные для обучения периоды.

Скорость распространения и усвоения ICT в мире значительно превышает прогресс в сфере образования. Рынок открытых образовательных ресурсов (Open Educational Resources) достаточно долгое время находился в стадии зарождения. Несмотря на то, что первые площадки появились еще в 90-е годы, а первый значимый проект массовых академических курсов - в 2002 году (Massachusetts Institute of Technology – MIT, OpenCourseWare), настоящий взлет рынка случился уже в 2012г, когда были запущены три крупнейшие онлайн-платформы поддержки стремительно распространяющихся массивов открытых онлайн курсов (Coursera, EdX и Udacity). Появление таких курсов впервые в мировой истории создает реальную альтернативу традиционной системе высшего образования. Собственные онлайн-платформы запустили в Австралии, Германии, Бразилии. Великобритания ответила на вызов созданием альянса Futurelearn из 12 ведущих британских ВУЗов. По оценкам специалистов, мировой рынок электронного обучения постоянно растет, география его представительства: Европа – 41,6%, Азия – 28,4% Северная Америка – 22,4%, Южная Америка – 3,3%. Очередной шаг на рынок OER сделала компания Google. Она выступила в партнерстве с проектом edX, спонсируемым

американскими Harvard University и MIT. Интернет-гигант намерен помочь edX с созданием программного обеспечения для платформы Open edX (в основу положена собственная разработка Google — Course Builder), которая позволит любому желающему с легкостью создавать все новые и новые массовые он-лайн курсы (massive open online courses – MOOC).

В технологическую гонку инноваций в образовании включилась и Россия. Компания J'son & Partners Consulting изучила российский рынок интернет-образования, выделив самые популярные проекты, бизнес-модели и способы монетизации. В отчете сообщается, что 7,2 миллионов россиян хотя бы раз проходили обучение он-лайн. Большая часть из них занимается изучением английского языка; также популярны площадки, готовящие к ЕГЭ и дающие навыки программирования. В отличие от Запада, в России превалирует платная модель: за курс люди готовы заплатить от нескольких тысяч до десятков тысяч рублей. На рынке существует и ряд бесплатных проектов, но их число невелико.

23 декабря 2014 года в ходе совещания в Минобрнауки России по инициативе представителей ведущих образовательных организаций высшего образования принято решение о создании Совета по открытому онлайн-образованию, куда вошли ректоры МГУ, ВШЭ, МФТИ, МИСиС, СПбГУ, СПбПУ, ИТМО, УрФУ, представители Рособрнадзора и Минобрнауки России. Председателем Совета избран министр Минобрнауки России Дмитрий Ливанов.

Санкт-Петербургский политехнический университет вошел в данную группу. Основными задачами рабочей группы является формирование общероссийского открытого портала он-лайн курсов. Данная платформа призвана обеспечить для студентов всех университетов равными возможностями освоения профессиональных дисциплин. Создается прототип сетевого университета, где будут представлены обучающие курсы от лучших специалистов ведущих российских университетов.

Университеты видят в он-лайн технологиях обучения большие возможности повышения качества подготовки специалистов. Изучение дисциплин он-лайн увеличивают насыщенность и информативность курса, позволяет не только получать новые знания, но совершенствовать свои навыки в области ИС технологий. Университеты также используют возможности дистанционного обучения при реализации программ студенческой мобильности и реализуют свою миссию по непрерывному обучению различных слоев населения, решают задачи по разработке международных сетевых программ, по предоставлению образовательных услуг на новые международные рынки. Возможность слушать лекции всемирно известных ученых он-лайн и «пропуск» в виртуальный мир для любителей общения в социальных сетях являются дополнительными мотивирующими факторами изучения иностранного языка для широких слоев населения.

Имиджевые публикации:

1. Никонова Е.Н. Университетское международное сотрудничество: процесс

интернационализации в мире и на региональном уровне (монография) / Л.А. Коршунов, О.И. Хомутов, Н.М. Никонов, Е.Н. Никонова. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2009. – 240 с.

2. Никонова Е.Н. Современный подход к обучению иностранным языкам с точки зрения зарубежной мобильности. (статья) // Вопросы методики преподавания в вузе, Спб., Изд-во СПбГПУ, 2013. – Вып. 2 (16). - С.44-47.

3. Аكوпова М.А., Кабанова Н.А. Информационно-методическая компетентность преподавателя иностранного языка вуза // Научно-технические ведомости СПбГПУ. – Спб., 2013. № 183 (1). С. 377-385

4. Кабанова Н.А. Формирование информационно-методической компетентности преподавателя иностранного языка вуза в системе повышения квалификации // Научно-технические ведомости СПбГПУ. – Спб., 2013. № 179 (1). С. 73 – 77.

Омелькина О.В. (Самара, Россия)

**СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ГЕНДЕРНОГО
АСПЕКТА В СТРУКТУРЕ ВНУТРЕННЕЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ
РОМАНА S. CRAMER „SMS FÜR DICH“)**

Опираясь на теорию М. М. Бахтина и его последователей о диалогичности текста, его многоголосицы, можно утверждать, что интертекстуальность, понимаемая как наличие в тексте элементов (частей) других текстов, присуща любому тексту. Интертекстуальность художественного текста выражается, на наш взгляд, во взаимопроникновении, смешении дискурсов автора и героя.

Полифоничность художественного текста обусловлена, на наш взгляд, наличием в его пространстве множества точек зрения – автора, персонажа, получателя. В свою очередь, персонажный дискурс представляется нам наиболее полифоничным, поскольку именно он является результатом взаимодействия нескольких точек зрения.

Персонаж художественного текста как текстовый семантический субъект может быть рассмотрен как самостоятельная, лексически эксплицируемая содержательная тема текста (М. М. Бахтин, Дж. Смит, А. Реформатский). Л. Я. Гинзбург характеризует понятие «персонаж» как «серию последовательных появлений или упоминаний одного лица; изображение его слов, действий, внешних черт, внутренних состояний, повествование о связанных с ним событиях, авторский анализ».

По мнению Ю.Н. Караулова, для исследования языковой личности каждый из субъектов художественного текста (автор, персонаж, читатель) может рассматриваться как модель реальной языковой личности. В рамках исследования языковой личности проблема изучения персонажа художественного произведения как некой модели языковой личности представляется нам чрезвычайно актуальной.

Объектом исследования в нашей работе является одна из составляющих персонажного дискурса – внутренняя речь (далее ВР).

ВР рассматривается в литературоведении как художественный прием, призванный воспроизвести внутренний мир персонажа. Для авторов, являющихся мастерами психологической прозы, ВР является важным средством раскрытия духовного мира героя. В частности, ВР помогает автору изобразить истинную сущность человека, причем не при помощи прямого описания, а опосредованно, при помощи изображения его внутреннего мира, духовных переживаний, психических процессов и их динамики.

В словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой ВР определяется как «непроизносимая, незвучащая, немая речь, обращенная к ее субъекту (к самому себе); процесс, обратный образованию «внешней», или собственно речи».

В рамках лингвистического подхода ВР можно определить как непроизносимую, немую речь, обращенную субъектом к самому себе или к предполагаемому собеседнику, протекающую преимущественно в ментальном мире человека и характеризующуюся лексическим, синтаксическим и функциональным своеобразием.

Предметом исследования выступили гендерные особенности в структуре ВР персонажа-героини и персонажа-героя.

Гендерные исследования - новое направление российской гуманитарной науки, которое, как отмечает А.В.Кирилина, находится сейчас в процессе становления. В центре его внимания находятся культурные и социальные факторы, определяющие отношение общества к мужчинам и женщинам, поведение индивидов в связи с принадлежностью к тому или иному полу, стереотипные представления о мужских и женских качествах - все то, что переводит проблематику пола из области биологии в сферу социальной жизни и культуры.

Имеющиеся научные данные позволяют говорить об особенностях морфологической организации мозга у мужчин и женщин, что обуславливает существенные различия между тем, как говорят мужчины и женщины. Особенности речевого стиля мужчин и женщин проявляются в речевом поведении и речи.

Данные о различиях в протекании мыслительных процессов у мужчин и женщин позволяют предположить наличие особенностей и в их внутреннеречевой деятельности.

Можно предположить, что выявление гендерных различий на материале художественного текста, а именно внутри структуры персонажного дискурса позволяет рассмотреть реализацию гендера с новой точки зрения: не только как параметр, отражающий гендерную идентичность автора, но и как параметр, являющийся структурообразующим элементом художественного произведения.

Исследования художественного изображения ВР мужчин и женщин в рамках лингвистической гендорологии возможно вести на разных уровнях. В нашей работе мы остановились на анализе синтаксических средств в структуре ВР персонажа-героини и персонажа-героя в романе S. Cramer «SMS für dich», полагая, что синтаксис является сильным психолингвистическим средством, контролирующим порядок, в котором поступают впечатления, и передающим отношения, стоящие за цепочками слов.

В работе анализируется соотношение простых и сложных предложений в структуре ВР персонажа-женщины и персонажа-мужчины, наличие восклицательных и вопросительных предложений, синтаксические стилистические конструкции, частотность употребления того или иного вида сложноподчиненного предложения.

Представленные результаты исследования позволяют, на наш взгляд, выявить существенные гендерные различия в реализации женской и мужской языковых личностей в данном романе.

Имиджевые публикации:

1. Имя личное как средство компрессии информации в несобственно-прямой речи // Научные чтения в Самарском филиале Университета РАО. – Самара: Изд-во СНИЦ РАН, 2002. Выпуск 2-3. С. 333-339.
2. Несобственно-прямая речь в аспекте компрессии информации // Теория и практика германских и романских языков: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. – Ульяновск: УлГПУ им. И. Н. Ульянова, 2002. С.159-161.
3. Прагматический потенциал имени личного в несобственно-прямой речи // Язык. Человек. Культура: Материалы международной научно-практической конференции 22-24 октября 2002 г. – Смоленск: Изд-во СГПУ, 2002. С. 240-243.
4. Темпоральное уплотнение в несобственно-прямой речи // Язык в пространстве и времени: Тезисы и материалы международной научной конференции 29-30 октября 2002 г. – Самара: Изд-во СГПУ, 2002. Часть I. С. 168-176.

Офицерова Н.В. (Санкт-Петербург, Россия)

ОБЪЕКТ – ЗАВОДСКОЕ СООБЩЕСТВО (К ВОПРОСУ О ВЛАСТНОМ ДИСКУРСЕ В 1920-Е ГГ.)¹

1920-е гг. стали периодом некоторой либерализации экономических отношений в Советской России, однако ожидаемая населением политическая либерализация так и не произошла. 1920-е гг. стали временем апробации не только новых средств и методов политического контроля, но и приспособления властного дискурса к новым обстоятельствам.

Под заводским сообществом понимается не просто совокупность людей, занятых на данном предприятии (рабочих, мастеров, инженеров, администрации), но и многообразные связи и взаимоотношения между ними. Заводское сообщество было основным объектом властного воздействия, осуществляемого как с помощью языка, так и неязыковых средств: невербальные коммуникации, маркирование повседневности, организация рабочего и городского пространства и т.д.

Властный дискурс 1920-х гг. был обращен не только и не столько к рационально-волевым компонентам мышления, сколько к эмоционально-личностным

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект 15-01-00383а «Советский индустриальный политический проект: подготовка и начало реализации».

особенностям той или иной аудитории. В работе предпринята попытка обобщить одностороннее воздействие власти на заводское сообщество при помощи дискурсивных средств.

Целью властного дискурса было формирование нового типа человека – «человека советского», убежденного в высшей справедливости власти, преданного и верного ей, готового на все во имя «светлого будущего».

Основными вербальными средствами становились языковые методы агитации и пропаганды, которую на предприятиях проводили общественно-политические организации: партийные комитеты осуществляли общее руководство и надзор за проведением политических мероприятий («политический» характер в советский период носили буквально все повседневные действия и ритуалы, будь то поход в кино или выход на «субботник», семейная ссора или посещение кружка); профсоюзные комитеты, непосредственно проводившие отчетливо патерналистскую политику по отношению к собственным членам и, через включение в систему добровольческих обществ, транслирующие официальную идеологию; комсомольские комитеты, организующие молодежь в кампанейскую систему борьбы с «пережитками прошлого»: религией, церковью, бюрократией, стяжательством и т.д.

Основной идеей властного дискурса было подчеркивание дихотомии «тогда-сейчас», «свой-чужие», при помощи которых советский человек – рабочий, мастер, инженер мог осознать себя и «новую реальность». При изучении любых выступлений партийно-государственных деятелей перед народом, существенной частью которого было заводское сообщество предприятий, обращает на себя внимание патетика и пафос их высказываний, постоянная апелляция к борьбе, которую рабочий класс ведет с дореволюционных времен. Важным элементом властного дискурса был поиск врага. В 1920-е гг. в повседневный обиход вошли клишированные формулировки, обобщающие врага внешнего – буржуазию, империализм и их «пособников», и врага внутреннего – «контрреволюционные» или «антисоветские» элементы, к которым причислялись все противники власти, число которых все увеличивалось («бывшие», члены небольшевистских партий, оппозиционеры, «дикие», «попутчики», «вредители»). Борьба с врагами власти (а призыв к ней был постоянным) объявлялась делом сознательного советского человека и авангардом здесь становился рабочий класс.

Властный дискурс также транслировался посредством организации городского и фабричного пространства. Организация городского пространства с особой силой прослеживается во время массовых шествий, особенно демонстраций. Маркеры власти: красный цвет (флаги, эмблемы, ленты), плакаты с лозунгами, флаги, организованные по военному образцу колонны и сами военные парады, движение демонстрантов по памятным местам революционной борьбы, особым образом украшенные улицы, придавали советскому городу звучание «города будущего». Важную роль играла и маркировка пространства предприятия: «доски почета» и «позора», «красные уголки» с газетами и журналами, стенгазеты и лозунги, появление столовых на производстве, постоянное при-

существование профсоюзных деятелей усиливали патерналистский дискурс власти, постоянную и неизменную заботу о рабочих промышленности.

Дискурс власти звучал постоянно. Многочисленные собрания по любым поводам практически всегда превращались в обсуждение политики и становились политическими событиями, дополняя политинформацию и «читки» в обеденный перерыв; даты красного календаря отмечались если не масштабными демонстрациями, то митингами, шествиями, собраниями, лекциями, просмотром документальных фильмов, транслирующими большевистское видение событий. Власть стремилась к организации городского досуга по новому образцу: посещение партшкол и политических кружков, различные празднования в домах культуры (инсценировки, конкурсы, угощения и организованные танцы), зарождающиеся парки культуры, концерты, встречи с известными деятелями культуры, науки и «новыми героями»: летчиками, путешественниками и т.д.

Властный дискурс проникал и в личную жизнь представителей заводского сообщества: неявное формулирование принципов «новой этики», появление правил поведения для коммунистов и комсомольцев, лозунг освобождения женщины, общественное воспитание детей и включение их в пространство фабрики через детские сады, пионерские организации, фабрично-заводские школы. Указанные способы властного дискурса в 1920-е гг. служили реализации советского индустриального политического проекта.

Заводское сообщество было главным объектом воздействия властного дискурса, главными особенностями которого были сверхидеологичность, политизированность всех явлений и событий общественной жизни, лозунги борьбы и освобождения, героизация лидеров и обвинение несогласных, декларируемый патернализм.

Имиджевые публикации:

1. Офицера Н.В. ГПУ/ОГПУ в системе политического контроля в промышленном сообществе Петрограда/Ленинграда в 1920-е гг. // Вестник СПбГУ. Серия 2: «История». 2008. № 4. С. 83-91.

2. Офицера Н.В. Информационные документы о взаимоотношениях власти и заводского сообщества в 1920-х гг.: проблемы и их решения // НТВ СПбГУ. Гуманитарные и общественные науки. 2010. Т. 2. № 111. С. 155-160.

3. Офицера Н.В. Апатия как жизненная стратегия городского населения на выборах второй половины 1920-х гг. // Власть. 2014. № 5. С. 145-148.

Панченко Н.В. (Санкт-Петербург, Россия)

СМЕШЕНИЕ ДИСКУРСОВ КАК ФАКТОР ТЕКСТООБРАЗОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ)

Идея кодовой неоднородности текстов вообще, а современных текстов особенно, высказанная Ю.М. Лотманом, Б.А. Успенским и другими представителями московско-тартуской семиотической школы, нашла свои многочисленные воплощения в современных текстопорождающих и текстообразовательных

концепциях (Ю.А. Сорокин и Е.Ф. Тарасов; Е.Е. Анисимова; А.Г. Сонин; И.В. Силантьев; В.Е. Чернявская и др.).

Современные тексты (художественные, медиальные, эссеистические) демонстрируют нам разнообразие форм смешения дискурсов.

Различные дискурсы не только последовательно и линейно развертываются (что было вполне характерно и для классической литературы посредством чередования и мены композиционно-речевых структур), но и сталкиваются, налагаются друг на друга, образуя конвергентные композиционные единицы. Явление, которое получило название у Е.В. Падучевой «свободного косвенного дискурса», у И.В. Силантьева – «смешения дискурсов», у Е.В. Чернявской – «полидискурсивности», становится фактором текстообразования и композиционного построения современных художественных текстов, создавая элокутивные варианты композиции.

Суть «свободного косвенного дискурса» заключается в явлении смешения монологических дискурсов, что проявляется в трех базовых разновидностях: 1) смешение дискурсов различных субъектов – гендерных дискурсов, возрастных дискурсов, разнособъектных дискурсов (традиционно этот тип реализуется в несобственно-прямой речи, например, в рассказах Т. Толстой «Любишь, не любишь», Л. Улицкой «Они жили долго...» и др.; 2) смешение институциональных и 3) тематических дискурсов, – последние два превращают речь повествователя в метаречь, что представлено, например, в рассказе Е. Гришковца «Спокойствие», в его сборнике рассказов «Следы на мне» и др. или в рассказах В. Пелевина «Психическая атака (Сонет)», «Time out» и др. Рассказ Т. Толстой «Река Оккервиль» демонстрирует смешение разных текстов русской литературы; «Сирень» – смешение текстов разной природы о сирени: от стихов и картин художников до инструкции по разведению сирени; в рассказе «Белые стены» представлено смешение различных исторических дискурсов: от дискурса дореволюционной России до дискурса современных рекламных текстов.

Первый вариант смешения дискурсов предполагает структурное и содержательное неразличение субъектов речи, восприятия, идеологии и пространственно-временного расположения, что приобретает глобальные масштабы и становится способом речевой организации текста. Это можно продемонстрировать, обратившись, например, к анализу рассказа Т. Толстой «Любишь, не любишь». Смешение дискурсов взрослого повествователя и детского, подача чужого (взрослого) дискурса через дискурс детский приводит к травестированию чужого дискурса. В другом рассказе Т. Толстой «Стена» дискурс хозяйки и дискурс прислуги смешиваются до полного растворения самих субъектов друг в друге. Подобное смешение приводит к замещению одного субъекта другим: *«Но на самом деле это давно уже ее квартира. Она жарит, гладит, пылесосит, моет окна и выбивает ковры. Она знает, где что лежит. У нее есть мои ключи, и она входит с дождя в моей одежде: в омерзительной акриловой кофточке, в затвердевшей в чемоданной могиле юбке, в надоевшем мне еще в прошлом сезоне пальто без сносу: карикатура на меня, такая, какой бы я стала, если бы мне от природы достались ловкие руки, крепкая спина, непритязательный вкус и малолитражный мозг. Она оживленно рассказывает, как сосе-*

ди спьяну сломали им забор и как чужие куры теперь будут топтать ее грядки <...> А на улице магнитная буря, и голова ну так трещит, так трещит! А еще пере-давали, что солнце взорвется, и от этого такая была жара летом, и в огороде все хорошо росло: все соседи закатали перцы <...> Сломав стену, я не просто уничтожила границу двух зон – я нарушила культурный и классовый баланс, я разорвала невидимые круги, очерчивающие мир хозяйки и мир прислуги, охраняющие их друг от друга». Сознание расщепляется и одновременно сливается в одно, порождая полифонию голосов и умножение речевых субъектов, расплывчатость и неоднозначность эгоцентрических элементов создает свободное смешение дискурсов хозяйки и прислуги.

Использование метаречевого дискурса характерно для текстов В. Пелевина. Метажанровый комментарий образует изотопию композиционного построения в рассказе В. Пелевина «Time out». Он смешивается с дискурсами самих анекдотов различной тематики (о новых русских, о Ленине, о Вовочке, о попадании в рай / ад и др.), с дискурсом рассказывания анекдота (первое / не первое рассказывание), дискурсом историко-филологического исследования (поиск источника анекдота, структура текста анекдота, эмпирический материал), в конце концов, перед читателем разворачивается анекдот-гирлянда. Сам развернутый анекдот-гирлянда встраивается в общий комментирующий дискурс, образованный, кроме дискурса анекдота, еще и такими институциональными дискурсами, как научный, религиозный, философский, технический, филологический.

Напряжение, которое создается 1) из-за соседства несовместимых дискурсов можно назвать «оксюморным» смешением (Т. Толстая «Сирень», В. Пелевин «Time out» и др.), 2) из-за быстрого переключения субъектных дискурсов внутри одной синтаксической структуры – синтаксическим смешением (Т. Толстая «Стена», Л. Улицкая «Генеле-сумочница» и др.); 3) из-за соприсутствия сразу двух субъектных голосов – субъектным смешением (Т. Толстая «Стена», Л. Улицкая «Они жили долго...» и др.).

Имиджевые публикации:

1. Панченко Н.В. От единиц текста к единицам композиции // Филология и человек. 2007. № 1. С. 45–56.

2. Панченко Н.В. Состав единиц композиции текста (на материале русской прозы конца XX – начала XXI века) // Сибирский филологический журнал. 2007. № 4. С. 131–143.

3. Панченко Н.В. «Власть референции» в процессе композиционного построения художественного текста (на материале современной художественной прозы) // Филология и человек. 2008. № 1. С. 85–97.

4. Панченко Н.В. Пространство композиционного построения текста рассказов В.М. Шукшина // Филология и человек. 2009. С. 36–45.

**САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТА СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ
СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ С ИНТЕРНЕТ СЛОВАРЯМИ КАК ФАКТОР
УСПЕШНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

Эффективность обучения иноязычной коммуникации во многом зависит от уровня использования современных технологий и, в том числе, от внедрения в учебный процесс все расширяющихся ресурсов интернет. Обширность языковой системы и ее стремление к некоторому изменению во времени наглядно отражена в материалах интернет и, таким образом, именно интернет ресурсы по разным профессиональным направлениям могут служить адекватным материалом для формирования иноязычной коммуникации. Действительно, в случае языка для специальных целей, изменение использования лексических единиц и адекватное описание новых понятий зависит от появления новых научных реалий и внедрения новых технологий и, соответственно, ведет к появлению новых значений слов и новых взаимоотношений между словами, что достаточно хорошо отражено в научных и технических интернет-журналах и сайтах.

Одновременно, обучение языку специальности требует постоянного расширения возможных вариантов упражнений и заданий на формирование иноязычной профессиональной коммуникации. Одним из подходов может служить самостоятельная работа студентов, основанная на поиске статей по домашнему чтению, отражающих современные научные процессы и технологии и выявлению в них ключевых и частотных слов и их сочетаний позволяющих передать основное содержание текста. Задания такого рода соответствуют современным требованиям к знанию языка для специальных целей и определяются необходимостью формирования навыков иноязычной профессиональной коммуникации, которые включают не просто пассивное знание вокабуляра специальности, но и умение адекватно использовать иноязычные слова для передачи смысла высказывания. С этой точки зрения чтение аутентичных учебных материалов с выделением не только слов, но и словосочетаний из двух и более слов позволяет соотнести значение слова с контекстом, а последующие упражнения на подстановку этих сочетаний в предложения и небольшие тексты позволят еще раз акцентировать внимание на возможности использования лексических единиц.

Следующей ступенью может быть использование постоянно обновляемых интернет словарей которые, не только отражают динамику изменения языка но и предоставляют возможные варианты использования лексики. Расширение вокабуляра, направленное на развитие коммуникативных возможностей также может быть основано на поиске синонимов, антонимов и производных слов в интернет словарях. Студентами осуществлялась внеаудиторная работа на базе моно-лингвистического словаря, например, Oxford Learner's Dictionary online, который содержит примеры употребления слов из аутентичных текстов и предоставляет обширный ряд идиом, фразовых глаголов и демонстрируют ключевые знания о слове – значение, произношение синонимы, сочетаемость, грамматические свойства и контекстуальные примеры употребления. Аналогичные

сведения предоставляет словарь Мультитран он-лайн, охватывающий около 900 предметных областей и 8.000.000 терминов. Merriam-Webster он-лайн предоставляет обширный диапазон специальной лексики по научным тематикам и техническим направлениям и, в том числе, по информационным технологиям. Словари основаны на частотном принципе, что позволяет определить адекватность употребления лексики и определить подбор слов при формировании словаря специальности.

Вместе с тем, если говорить о том, что представляет собой знание слова в современном контексте, очевидно, необходимо существенное расширение области лексических упражнений и заданий. На основании анализа материала интернет словарей нами были определены возможные варианты работы по введению лексики с их помощью:

- выделение слов в тексте и поиск примеров их возможного использования в различных контекстах по словарям
- подстановка слов в предложения соответствующие примерам употребления слов, представленных в монолингвистических словарях
- замена слов в текстах небольшого объема их синонимами
- определение сочетаемости слов на основании примеров из словарей
- подбор в словаре синонимов, антонимов, идиом, фразовых глаголов.

В результате работы с интернет словарями учащиеся начинают понимать, что система языка это сложное единство множества элементов, находящихся в определенной взаимосвязи друг с другом и что компоненты языковой системы не существуют изолированно и их использование в речи определяются достаточно устойчивыми отношениями. Более того, опрос студентов показал что работа с интернет ресурсами повышает их интерес к изучению языка, а результаты тестирования продемонстрировали адекватное использование вводимой лексики.

Имиджевые публикации:

1. Использование семантических полей в формировании иноязычной лексической профессиональной компетенции у студентов неязыковых вузов. Вопросы методики преподавания в ВУЗЕ, 3(17). – СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2014. С. 314-318.
2. Формирование профессиональной лексической компетенции у студентов неязыковых специальностей на базе Интернет-словарей Вопросы методики преподавания в ВУЗЕ Teaching METHODOLOGY in Higher Education,1(15), СПб, 2012.
3. Факторы формирования лексической компетенции. Материалы XXXVIII международной филологической конференции. – СПб.: Издательство СПбГУ, 2009.
4. Значение словаря как учебного материала при формировании лексической компетенции. Материалы XXXVI международной филологической конференции. СПбГУ, 2008.

**«ЦЕЛЬ – ИНТЕНЦИЯ – СТРАТЕГИЯ – ТАКТИКИ – ПРИЕМЫ» КАК
СХЕМА ПОСТРОЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

Современный этап развития общества связан с расширением взаимосвязей между этносами и культурами, Трансформации политической, экономической и социальной сфер выявили новые тенденции в понимании таких явлений, как языковая компетентность, межкультурная личность и культурный плюрализм. В силу сложившихся социально-экономических, социокультурных факторов, процессов глобализации, международной интеграции на фоне признания ценности языкового разнообразия, изучение особенностей межкультурной коммуникации приобретает особую популярность.

Будучи способом существования личности в обществе, коммуникация отражает, с одной стороны, все свойства социума, а с другой – все свойства вступающего в общение субъекта. Объем коммуникации в обществе прямо пропорционален размерам социума и видам деятельности, осуществляемой его членами, а модели ее реализации зависят от развития науки и техники. Коммуникативные исследования, как правило, не открывают Америку, а в ряде случаев лишь дают научные наименования тому, что существовало всегда, и заставляют нас по-новому взглянуть на многие известные нам феномены. PR-тексты и реклама существовали во времена Римской империи, Чингиз-хана и крестоносцев, правда, никому не приходило в голову давать им терминологические наименования или выявлять тактики воздействия на адресата. Коммуникативное взаимодействие представителей разных культур было характерно и для Древнего Египта, и Древней Греции, и других регионов как в более ранний период, так и более поздний. Но тогда межкультурная коммуникация не подвергалась анализу, и считалось, что для общения с «чужаком» нужно только знать его язык.

Компоненты каждой коммуникативной модели содержат указание на исторический период, культурную принадлежность и ситуативный контекст. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что любые коммуникативные ситуации в моно- или поликультурной среды, отстоящие от нас на тысячи лет и километров, данные в непосредственном наблюдении или извлеченные из фильмов или телепередач, глубинно имеют гораздо больше сходства, чем различий и могут анализироваться и описываться по единой схеме, которая предполагает, в первую очередь, установление коммуникативной *цели* и коммуникативной *интенции*. Эти термины часто используются в качестве синонимических, что вносит некоторую путаницу в описание коммуникативных сценариев. Очевидно, логично рассматривать коммуникативную цель как непосредственный или отдаленный результат коммуникативного акта, сообщения или коммуникативного эпизода в целом. Формулировка цели призвана отвечать на вопрос *что* (что я хочу получить, что я хочу увидеть, что я хочу узнать и т.д.). Коммуникативная интенция в известной степени открывает (или скрывает) мотивы и так или иначе отвечает на вопросы *почему*, *зачем*. Коммуникативная интенция выступает в качестве регулятора коммуникативного поведения индивида и воплощается в постановке задачи. Скажем, цель коммуникации – найти новых

деловых партнеров в Японии, интенция – завоевать симпатии японской стороны, для чего применяется некоторая коммуникативная *стратегия* (отвечаем на вопрос *как*), т.е. определенный план действий (естественно, в данном случае коммуникативных), при помощи которого удачно или неудачно реализуется коммуникативная интенция. В качестве стратегии выбирается установление дружеских отношений, поскольку известно, что японские партнеры предпочитают вести дела с теми, кого они хорошо знают, кому могут доверять. Стратегия воплощается в жизнь через некоторые нематериальные ресурсы, коммуникативные *тактики*, среди которых важна тактика установления контакта через рекомендацию третьего лица, т.к. возможность быть представленным японскому партнеру общим знакомым ценится больше, чем партнер «из ниоткуда». Эта тактика, в свою очередь реализуется через ряд коммуникативных *приемов*, например просьбу представить вас японскому партнеру, с которой вы обратитесь к общему знакомому.

Если цель коммуникативного эпизода – найти новых деловых партнеров в Германии, а интенция – завоевать симпатии немецких партнеров, то этапы *цель* и *интенция* схожи по содержанию с предыдущей ситуацией. Однако, в качестве стратегии, скорее всего, будет избрана стратегия самопрезентации, а тактикой – апелляция к фактам и статистическим данным, поскольку немцы ценят точность формулировок и объективность. В качестве приема может выступить письмо с предложением о сотрудничестве, в котором в краткой форме рассказывается о конкретных достижениях компании с ссылками на количественные данные.

Таким образом, цепочка *цель – интенция – стратегия – тактики – приемы* является технологической платформой, на которой строится содержание коммуникативного действия, моделируемое культурным контекстом.

Имиджевые публикации:

1. Поплавская Т.В. Теория и практика коммуникативного менеджмента: вопросы и задания : практикум для магистрантов / Т.В. Поплавская, Т.И. Свистун. – Минск: МГЛУ, 2014. – 64 с.
2. Дискурсивные практики в Беларуси: межкультурный аспект: монография / К.А. Белова [и др.] ; под общ. ред. Т.В. Поплавской. – Минск: МГЛУ, 2014. – 212 с.
3. Poplavskaia, T.V. The interrelation between types and functions abbreviations perform in the Internet-discourse / T.V. Poplavskaia, T.I. Svistun // Respectus philologicus. 2010. № 17(22). Pp. 186-194.
4. Свистун, Т.И. Лингвистический статус интернет-коммуникации / Т.И. Свистун // Мова і культура / Київ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка ; вид. д-м Дм. Бурого ; редкол. : Дм. Бурого (гол. ред.) [та інш.]. – Київ, 2013. Вип. 16. Т. V (167). С. 251-259.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ГОРОДА КАК ПРОСТРАНСТВО ПОЛИКОДОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Целью тезисов выступает анализ роли глобальных городов в системе поликодовых коммуникаций. Методика исследования базируется на системном междисциплинарном подходе.

Глобальный город (англ. Global city, используются также термин мировой город (англ. world city) или альфа-город (англ. alpha city) – это город, считающийся важным элементом мировой экономической системы. Понятие «Глобальный город» (Global City) подразумевает город, оказывающий глобальное влияние по ряду основных предметно обусловленных направлений:

1. Город выступает в качестве движущей силы роста для своей страны и региона, своеобразными регионами – воротами в глобальный мир.
2. Город выступает в качестве важного элемента региональной и мировой экономической сетевой структуры.
3. Город оказывает значительное влияние не только на регионы своего местоположения, но на макрорегионы планеты, на цивилизацию в целом, так как современный концепт западной цивилизации был основан на базе городской сети средневековья.
4. В современном мире города выступают в качестве региональных коммуникационных центров, центров престижного потребления и взаимодействия элит глобального, регионального и локального (территориального) уровня.
5. Современные глобальные города являются центрами воспроизводства знаний и обучения новых специалистов благодаря развитой и высокомобильной образовательной среде.

Среди основных категорий глобального города, по нашему мнению, следует выделить следующие элементы для междисциплинарного анализа:

1. Уровень деловой активности – во многом завязан как на коммуникационное взаимодействие элит, так и на возможности формировать группы интересов и группы давлений на основе отраслевых и региональных интересов. Количество отраслевых и экономических конференций, которые проходят в городе, напрямую влияют на уровень требований, предъявляемых к подготовке и знаниям региональных элит и вопросы регионального и глобального лидерства.
2. Человеческий капитал - количество университетов города, входящих в число ведущих ВУЗов мира; число иностранных студентов, обучающихся в ВУЗах; количество международных школ начального и среднего уровня; доля населения с высшим образованием; доля населения иностранного происхождения.
3. Информационный обмен - количество корреспондентских пунктов СМИ глобального значения, базирующихся в данном городе; объем международных новостей в ведущих местных СМИ; информационная и коммуникационная инфраструктура.
4. Культурный уровень - количество принимаемых городом иностранных туристов; музейных и выставочных площадок а также других культурных учреждений мирового уровня; участие в международном олимпийском движении, про-

ведение специальных мероприятий в области спорта и специальных событий в сфере культуры и искусств.

5. Политический вес - число иностранных посольств, консульств, представительств международных организаций; количество международных конференций, проводимых в городе; количество политологических институтов мирового значения; оценка участия города в международной политической сфере через различные интеграционные механизмы.

Важная миссия глобальных городов в том, что они являются базой не только для краткосрочных официальных, деловых, научных, представительских и иных контактов элит самого разного рода, но и основой для обучения представителей элитарных групп национального уровня и базой для интеграционных процессов.

Все глобальные города располагают десятками вузов и замкнуты в единую систему университетских центров, все в большей мере комплектующих многотысячную студенческую аудиторию из представителей разных стран мира, которая отличается как высокой мобильностью, так и возможностями по реализации проектов как функционального, так и дисфункционального характера.

Выводы: Глобальные города обладают особой геокультурной ролью в современном мире. Являясь частью глобальной коммуникационной сети, глобальные города выступают как центры или проводники «зон культурного престижа» ведущих экономических, политических, культурных акторов. В них стремятся представители стран третьего мира в поисках лучшей жизни и представители первого мира с целью получения прибыли, образования и признания. Глобальные города становятся ориентирами для потребления, качества жизни и идентификации. В них происходит научно-культурное развитие, происходит взаимодействие науки, бизнеса и государства, а так же формирование информационной повестки глобального человечества. «Сегодня города стали местом столкновения представителей разных социальных слоев, людей с разным происхождением, и нет четких правил, по которым они должны взаимодействовать. Это пространство неясности, открытое для интерпретации в рамках поликодовой коммуникации.

Такое пространство трудно контролировать, но оно заставляет людей задуматься о том, кто они есть, по каким правилам они хотят существовать». Кроме того, как отмечают специалисты по урбанистике, налицо тенденция унификации облика глобальных городов под давлением стандартов транснационального бизнеса, все большая утрата культурной самобытности под влиянием процесса интернационализации, рост социально-этнической дифференциации в результате международной миграции, усиление социальных диспропорций, поляризации городской территории и отрыв города от его национального окружения.

Имиджевые публикации:

1. Информационно-коммуникационная функция эффективной власти в современных концептах демократии // Управленческое консультирование: Научно-практический журнал. 2014. № 7 (67). С. 40-47.

2. Оценка эффективности бренда высшего учебного заведения в условиях интернационализации высшего образования // Управленческое консультирование. Научно-практический журнал. 2014, № 11 (71). С. 82-90.

3. Абитуриенты СПбГПУ-2014 (особенности, ценности, ожидания) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2014. Выпуск 4 (208). С. 9-16. (в соавт. с Обуховой Ю.О.)

4. Роль глобальных городов в современной системе международных отношений // Управленческое консультирование. Научно-практический журнал. 2015, № 2 (74). С. 50-55. (в соавт. с Фокиной В.В.).

Пригарина Н.К., Серебрякова М.В. (Волгоград, Россия)

ПОЛИКОДОВОСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ: РИТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Социальная реклама – актуальный вид рекламной коммуникации, основная задача которого лаконично и выразительно представить важные для социума ценности, приоритеты, идеи, установки, модели поведения и побудить адресата к позитивным поступкам на благо общества.

Тексты социальной рекламы, как известно, часто имеют поликодовый характер, т.е. содержат различные вербальные и визуальные знаки и символы.

В науке существуют разные термины для наименования подобных текстов. Наиболее распространенным является термин *креолизированный текст*, используемый, например, в работах Е.Е. Анисимовой, Л.И. Гришаевой. Ю.А. Сорокина и др.

Вслед за В.Е. Чернявской, мы рассматриваем поликодовость как взаимодействие различных кодов, подразумевая, что «кодом является система условных обозначений, символов, знаков и правил их комбинации между собой для передачи, обработки и хранения (запоминания) информации в наиболее приспособленном для этого виде», и поэтому используем термин *поликодовый текст*.

Задача нашего исследования – произвести анализ поликодовых текстов социальной интернет-рекламы в риторическом аспекте.

Материалом для исследования послужили 200 поликодовых рекламных сообщений, размещенных на русскоязычных интернет-сайтах.

Наш анализ показал, что поликодовые тексты социальной интернет-рекламы являются *риторическими* текстами. Л.А. Голышкина определяет *риторический* текст, как текст, «призванный не просто транслировать сообщение, но осознанно воздействовать информацией на действительность, реализуя установку на получение ответной реакции коммуникантов». По мнению А.В. Голоднова, доминирующей функцией *риторического* текста является «воздействие на ментальную сферу реципиента (его мнения, оценки) с целью изменения его поведения (побуждения к совершению / отказу от совершения определенных действий)». Поликодовые тексты социальной интернет-рекламы мы называем риторическими, т.к. в них осуществляется воздействие на мнения, оценки,

представления адресата, предлагаются социально значимые ценности и модели поведения, реализуется побуждение к ответной реакции.

На наш взгляд, поликодовость усиливает риторический характер рекламного текста и в связи с этим может быть осмыслена как особая *коммуникативно-риторическая стратегия поликодовости*, обеспечивающая текстообразование в социальной интернет-рекламе.

Наши наблюдения согласуются с мнением В.Е.Чернявской, считающей, что риторика еще с античных времен предполагала «не только собственно языковое измерение, но еще и визуальные, кинетические и другие составляющие».

Коммуникативно-риторическая стратегия поликодовости усиливает воздействие социальной интернет-рекламы, объединяя вербальные и невербальные компоненты, актуализируя социально значимые смыслы.

Коммуникативно-риторическая стратегия поликодовости передает сложную ценностно-ориентированную мысль о действительности, включающую в себя информацию, авторскую интенцию и эксплицитную или имплицитную оценку и реализуется в текстах социальной интернет-рекламы с помощью тактик, которые условно можно назвать *тактикой «побуждающего» информирования* и *тактикой «побуждающего» оценивания*. (Названия тактик связаны с тем, что социальная реклама всегда несет в себе побуждение).

Тактика «побуждающего» информирования представлена случаями, когда:

1) визуальный компонент иллюстрирует рекламный текст, не внося элемента дополнительной информации (*Они переживут твоих внуков. Не делай из леса помойку*. На фотографии изображены валяющиеся на лесной полянке пустые бутылки, пакеты и т.п.);

2) визуальный компонент акцентирует тезис рекламного текста (*Еще одна прекрасная весна... Спасибо!* На фотографиях изображены мирно играющие дети, счастливые семьи и т.п. – серия социальной интернет-рекламы, посвященная Дню Победы);

3) визуальный компонент актуализирует один из аспектов информации (*Родила царица в ночь не то сына, не то дочь*. На фото изображена курящая беременная женщина);

4) визуальный компонент противоречит содержанию информации. (*Симпатичная девушка ищет друзей. Умная. Стройная, в еде непривередливая*. На фотографии изображена собака, которой подыскивают хозяина).

Тактика «побуждающего» оценивания представлена случаями, когда:

1) визуальный компонент подкрепляет оценочное суждение, высказанное в рекламном тексте (*Колешься? – лох!* На фото изображен опустившийся молодой человек отталкивающей внешности);

2) визуальный компонент содержит оценку, которая не выражена прямо в рекламном тексте (*Ты тот, каким тебя видят*. На фото изображена свинья в мужской одежде, сидящая в троллейбусе рядом со стоящей беременной женщиной).

Таким образом, с риторической точки зрения, поликодовость текстов социальной интернет-рекламы репрезентируется в особой *коммуникативно-*

риторической стратегии поликодовости, которая реализуется тактиками побуждающего информирования и побуждающего оценивания.

Использование *коммуникативно-риторической стратегии поликодовости* повышает эффективность воздействия социальной рекламы, способствует формированию у адресата социально значимых ценностных установок и моделей поведения.

Имиджевые публикации:

1. Пригарина Н.К. Аргументация судебного дискурса: риторический аспект (монография). – Волгоград: Изд-во Перемена, 2008. – 310 с.
2. Пригарина Н.К. Теоретические основы исследования аргументативного дискурса: учебное пособие // Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2010. – 142 с.
3. Пригарина Н.К. Концептуальные основы построения риторической модели аргументации // Известия Сочинского государственного университета. – 2013. № 3 (26). С. 233–236.
4. Пригарина Н.К. Личностные аксемы как основания риторической аргументации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2013. № 2 (18). С. 48–51.

Рацибурская Л.В. (Нижний Новгород, Россия)

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ КАК СРЕДСТВО ОЦЕНКИ В МЕДИЙНОМ ОСВЕЩЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ

В последнее время при описании русско-украинского взаимодействия стал применяться термин «информационная война» - психологическое воздействие на население другого государства путём распространения определённой информации, в частности через СМИ. Тема политического кризиса, а затем вооружённого противостояния в соседнем государстве широко освещается в российских СМИ. В освещении украинских событий в отечественных СМИ активно используются разнообразные средства негативной оценки. Некоторые издания выбирают крайне агрессивную речевую тактику, граничащую с языковым экстремизмом и выражающуюся в открытом использовании негативно-оценочных средств, среди которых значительным экспрессивным потенциалом обладают словообразовательные неологизмы как узуального, так и в большей степени неuzuального характера. Новообразования наглядно демонстрируют, как деривационный механизм, словообразовательная система реагирует на актуальные социополитические процессы.

Активно словотворчество на базе ключевых слов эпохи, например слова *майдан*: *евромайдан*, *майданутый*, *домайданились*, группа «*Антимайдан*», «22 февраля *майданички* добились своего: Янукович бежит из страны» (<http://msk.kp.ru/daily/26310/3188722/>), «*Майдауны* громят кладбища» (Экспресс, 04.04.2014), «Пущенная было *майдаунами*» ложь о том, что среди погибших большинство – россияне и приднестровцы, чуть ли не офицеры российских спецслужб, что одесская трагедия – провокация со стороны России, что во всём виновата Россия и только Россия, тихо умерла...» (Завтра, 2013. №19),

«Новая *постмайданная* власть за полгода умудрилась набрать долгов больше, чем все предыдущие правительства за 10 лет!» (<http://www/aif.ru/euromaidan/maidanonline/13848460>). Ключевое слово 2014 года *Крым* «породило» целую словообразовательную цепочку: другое ключевое слово *Крымнаш* и на базе последнего *крымнашизм*: «*крымнашизмом* долго сыт не будешь» (<http://rusevik.ru/politika/89677>).

Активно используется в деривационных процессах и ключевой топоним *Украина*: *укроморист* Зеленский, Великая *укровская* стена, «Я веду репортаж из страны *Укропии*. Что за странное название, спросите?» (<http://www.newauthor.ru/lifestory/strana-ukropia-novosti-strany-ukropii>), «Куда важнее то, что будет реализовывать шоколадная фабрика в розничной сети недогосударства «*Укропия*» (<http://antifashist.com/item/ukropiya-v-shokolade.html>); «Ватники ходят по квартире в трусах, а *укропы* в ватниках» (<http://vk.com/antimaydan>).

Актуальные имена собственные, называющие ключевые фигуры современных политических событий, также становятся источником авторских оценочных новообразований. Популярное имя представителя госдепартамента США Дж. Псаки породило экспрессивные окказионализмы с яркой негативной оценочностью: *псакнуть*, *псаковать*, *псакая псачина*, сказки *Псакерезады*, «Есть даже такое слово, как *псакинг* — это когда человек несёт чушь» (НТВ, 22.02.2015), «Но когда кто-то занимается *псакингом*, выходит куда грубее» (Россия 1, 22.02.2015).

Оценочность новообразований, созданных узуальными способами по типовым моделям, создаётся оценочными аффиксами (*антимайдан*), семантикой модели (*домайданились*), ситуативно обусловленной семантикой и (или) стилистической окраской производящей основы (*неонацики*, *сепаратёнок*, *сепаратиха*, *необандеровский* режим в Польше), а также контекстом (*майданистики*, *Крымнашизм*, *постмайданная власть*).

Экспрессия новообразований, созданных неузуальными способами, по окказиональным моделям, усиливается в результате нарушения словообразовательных норм, словообразовательных стандартов. Особой негативной оценочностью, граничащей с речевой агрессией, обладают новообразования, созданные путём контаминации: *майдауны* (*майдан*, *дауны*), *Псакерезада* (*Псаки*, *Шакерезада*), *Турченюк* (*Турчинов*, *Яценюк*), *укроморист* (*Украина*, *юморист*), *Укропия* (*Украина*, *Европа*), *Бандерлового* (*Бандеровцы*, *бандерлоги*, *логово*): «Визит в Бандерлового. В Киеве нацисты зажигают, президент молчит» (Завтра. 2014. №5).

В современных российских масс-медиа, как и в обществе в целом, продолжается борьба мнений в оценке украинских событий, что обуславливает категоричность, резкость, а подчас и агрессивность новообразований, отражающих противоборство политических сил.

Имиджевые публикации:

1. Рацибурская Л.В. Лингвокультурологические аспекты современных словообразовательных процессов / Л.В. Рацибурская, Н.А. Самыличева // Русский язык в школе. 2011. № 4. С. 64-71.

2. Рацибурская Л.В. «Словомейкерство» как способ экспрессивизации медийного текста / Л.В. Рацибурская, Н.А. Самыличева // Журналист. Социальные коммуникации. 2012. № 3. С. 109-124.

3. Рацибурская Л.В. Социокультурные аспекты современных деривационных процессов // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2012. Т. VIII. № 3. С. 337-355.

4. Рацибурская Л.В. Прагматические аспекты изучения новообразований в СМИ // Общество и человек. 2014. № 2 (8). С. 108-114.

Ребиков В.Б., Пузейкина Л.Н. (Санкт-Петербург, Россия)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СДО MOODLE ПРИ ОБУЧЕНИИ УСТНОЙ РЕЧИ НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Одним из основных аспектов при изучении курса практического немецкого языка является разговорная практика. Разговорная практика составляет неотъемлемую часть программы «Современный немецкий язык как основной иностранный», равно как и для немецкого языка как второго и третьего. Вполне возможно, что это и вообще основной аспект в изучении иностранного языка, т.к. именно здесь всесторонне проявляется владение языком: восприятие иностранной речи, ее понимание и ответная реакция, т.е. собственно говорение. Разговорная практика предполагает уверенное владение грамматическим материалом, лексикой, фонетикой.

На кафедре немецкой филологии филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета идет работа над несколькими аспектами изучения немецкого языка при помощи электронной учебной платформы Moodle. Эта учебная платформа позволяет в том числе использовать не только текстовые материалы, но и графические изображения, аудио- и видео-файлы, интерактивные упражнения, позволяющие сразу получить оценку.

Первоначально в одном электронном курсе объединялась разговорная практика для групп, изучающих немецкий язык как первый и второй иностранный язык. Однако со временем стало очевидно, что необходимо структурировать курс разговорной практики отдельно для студентов, изучающих немецкий язык как первый иностранный язык, а далее как второй и третий иностранный язык. Для изучающих немецкий язык как основной язык предполагается распределить весь курс разговорной практики по семестрам. С точным распределением соответствующих устных разговорных тем.

Совершенно ясно, что электронный курс не может заменить собой преподавателя, т.к. устная практика предполагает непосредственное устное общение студентов и преподавателя и студентов между собой по вполне конкретным, заранее утвержденным темам. Однако, электронный курс вполне может обес-

печить мультимедийное сопровождение данного курса. В подобного рода электронный курс можно включить не только традиционные текстовые материалы, но и изобразительные материалы. аудио- и видеофайлы. Аудиофайлы использовались и раньше в форме сначала граммофонных записей, а потом и магнитофонных записей. Однако теперь подобные записи доступны уже не только в лингафонных лабораториях, но при помощи учебных платформ они доставлены обучающимся непосредственно домой и даже, при наличии соответствующих устройств, в общественный транспорт и вообще куда угодно. То же самое относится и к видеофайлам. При условии наличия мобильного доступа к Интернету можно смотреть соответствующие фильмы, видеоролики просто повсюду.

Система Moodle позволяет структурировать курс по неделям, по темам, позволяет давать задания и организовывать самостоятельную работу студентов. Moodle дает возможность преподавателям видеть, когда и сколько времени студент провел в системе, что он там делал, сколько времени на это потратил и каких успехов при этом добился.

В Moodle имеется довольно разветвленная система из 11 типов контрольных вопросов, не все из них подходят для преподавания и изучения иностранных языков, но вопросы типа Эссе, На соответствие, Вложенный ответ, В закрытой форме, Короткий ответ, Вопрос открытого типа, Случайный вопрос на соответствие, Верно/неверно вполне могут быть использованы для преподавания иностранных языков. При этом вопрос типа Эссе должен проверяться преподавателем, а все другие могут проверяться системой Moodle в соответствии со шкалой оценок определенной преподавателем. Кроме того могут быть назначены задания в форме текста, в форме файла, в форме нескольких файлов и вне сайта, т.е., например, в виде устного ответа. Очень интересным представляется задание в форме сайта. Здесь можно давать задание составить некий рассказ, записать его при помощи микрофона и переслать его в систему. Там этот файл может быть прослушан преподавателем, соответствующим образом оценен и внесен в реестр оценок. Система фиксирует все оценки, распределяет их по категориям, при необходимости суммирует, сохраняет и показывает при запросе.

Преимуществом электронного курса является и то, что его можно использовать многие годы. Не требуется бумаги и трудоемкой работы по полиграфическому изготовлению тиража пособий, для доступа необходим только Интернет, таким образом, курс становится доступным даже в общественном транспорте. При необходимости курс может быть оперативно дополнен, исправлен, адаптирован к новым задачам. По этим причинам такой курс представляется довольно инновационным.

Большим преимуществом курса является то, что система может работать даже без преподавателя. Если курс достаточно проработан, то преподаватель может так запланировать работу, что даже в его отсутствие студенты будут выполнять данные им заранее задания, система будет оценивать их работу, показывать полученные оценки. При необходимости преподаватель может контролировать и даже корректировать курс, находясь и на другом конце света.

Таким образом, система организует, прежде всего, самостоятельную работу студентов, а также напоминает им, какие задания можно делать, а какие задания в ближайшее время закрываются.

Представляется, что использование электронной учебной платформы Moodle будет способствовать организации и интенсификации работы студентов не только на курсе разговорной практики, но и других аспектов изучения немецкого языка.

Рымкевич О.Е. (Минск, Беларусь)

МОДАЛЬНЫЕ КОГЕЗИИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Для публицистического дискурса в значительной степени характерна не только передача определенного информационного знания, но и перемещение интенций, тех или иных мнений, установок, отношений, в своей совокупности складывающихся в авторскую модальность. Модальность способствует осуществлению действия коннотативного механизма кодирования информации, активизируя и настраивая каждый раз когнитивные планы адресанта и адресата и направляя тем самым в нужное русло когнитивную трансакцию. Модальное отношение сопровождает развитие дискурсивной ситуации и создает контекстные условия, определяющие глубину прочтения, равно как и характер интерпретации информации ее получателем.

Вышеуказанные свойства модальных языковых средств предопределены в целом их подвижной сигнификативной семантикой, позволяющей осуществлять отправителю информации желаемый эффект воздействия на адресата.

Модальный план текста носит, как правило, усложненный характер, поскольку он представлен многообразными модальными оттенками: возможности, необходимости, обязательности, сомнения, достоверности и др. При этом, участвуя в текстообразовании, различные модальные средства не только формируют смыслы, но и, будучи связаны с интенциональным фактором, способствуют в совокупности реализации прагматического воздействия на получателя информации. Насыщенность публицистического текста модальными оттенками отвечает его пониманию как репрезентации дискурса с воплощением целенаправленного социального действия. Целенаправленность же предопределяет тот факт, что именно интенциональному фактору отводится ведущая роль в текстообразовании. Согласно авторской интенции в публицистическом тексте реализуется единая стратегия убеждения. Она «встраивается» в текст благодаря взаимодействию и интеграции модальных элементов смысла, по существу через полимодальную когезию.

Когезия понимается как взаимоорганизация форм и значений, точнее процесс объединения языковых средств различных уровней в единое целое. Этот процесс служит языковым источником создания когерентности текста и представляемого им дискурса. Модальные элементы при этом активно формируют глубинную смысловую структуру текста, интенционально высвечивая пропози-

ции и представляя их адресату в желаемом для адресанта ракурсе. Общая модальная когезия воплощается в тексте в избранной стилистической манере изложения – речевом одобрении, речевой агрессии или подчеркнутой объективности, с участием как модальности, так и оценочности.

При реализации модальности в тексте действует принцип ее разветвления по всему содержанию, вследствие чего образуется не просто линия, а скорее модальная сетка с палитрой оттенков отношения отправителя информации к высказываемому. Сетка образуется с помощью разноаспектных средств выражения модальности, но в немалой степени и в виде повтора семантически эквивалентных лексем. Первостепенную роль в этом выполняет субъективная модальность, которая изначально связана с фактором интенции и, следовательно, формированием текстовой прагматики. Субъективно-модальные смыслы обладают способностью иррадиироваться на другие высказывания и перемещать интенциональный фокус текста, более акцентированно подчеркивая те или иные стороны содержания. Модальные маркеры с указанием на различные степени достоверности информации коррелируют между собой в определенном единстве, сублимируя модальные смыслы, хотя и оставляя при этом адресату поле для домывливания и формирования собственного мнения. Например:

*„Mit diesen Studien **ist klar**: Zuckerhaltige Getränke sind gewichtstreibend ... <...> **Gesichert ist**, dass die gewichtstreibende Wirkung von zuckergesüßten Getränken einerseits durch den bloßen Kalorienüberschuss zustande kommt. <...> Laut der Leitlinie Kohlenhydrate der Deutschen Gesellschaft für Ernährung (DGE) aus dem Jahr 2011 führt ein Übermaß an Softdrinks daher nicht nur zu Übergewicht, sondern auch **sehr wahrscheinlich** zu Diabetes. <...> Übergewicht sei also nicht Auslöser dieser Krankheiten (P.O. Diabetes und Herzinfarkt), sondern **könne** vielmehr ein Hinweis darauf sein, dass verschiedene Körperprozesse fehlgeleitet seien (Süddeutsche Zeitung 228/ 2./3. Oktober 2012).*

В данном тексте модальная когезия формируется средствами выражения субъективной модальности со значением высокой степени уверенности адресанта в истинности пропозиции (*ist klar, gesichert ist, sehr wahrscheinlich*) а также с помощью модального глагола *können* в значении предположения. Выстраиваясь вокруг семантически значимых отрезков представленной в статье информации, модальная когезия способствует тому, что смысл о вреде напитков с содержанием сахара для здоровья человека становится доминантным и максимально убедительно доводится до адресата.

Итак, модальные средства, суммарно выражающие интенциональную позицию автора как его отношение к сообщаемому, выступают в роли коммуникативных метаорганизаторов текстового пространства рассматриваемого публицистического дискурса, способствуя модальной интеграции контекста, равно как и усилению в заданном ключе прагматического эффекта.

Имиджевые публикации:

1. Рымкевич О.Е. Функциональный статус модальности в публицистическом дискурсе // Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология. № 1 (32), 2008. С. 150-158.

2. Рымкевич О.Е. Публицистический дискурс немецкого языка в аспекте модальности и оценочности // Вестник МГЛУ. Сер. 1, Филология. 2009. № 2 (39). С. 129-138.
3. Рымкевич О.Е. Модальный аспект интервью (на материале немецкого языка) // Язык и культура (Научный журнал). / Киевский нац. ун-т им. Т. Шевченко; Д.С. Бураго (гл. ред.). – К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2010. Вип. 13. Т. VIII (144). С. 201–204.
4. Глушак Т.С., Рымкевич О.Е. Категория субъективной модальности с ее текстовой репрезентацией в публицистическом дискурсе // Известия Смоленского госуниверситета. № 3 (19). – Смоленск: СмолГУ, 2012. С. 237-242.

Рябухина Ю.В. (Санкт-Петербург, Россия)

ПОЛИКОДОВОСТЬ ДИСКУРСА КАК ЭЛЕМЕНТ МНОГОНАПРАВЛЕННОЙ МАРКЕТИНГОВОЙ СТРАТЕГИИ

В концепции дискурсивной психологии дискурс не описывает мир, как это предполагают «схемы» в рамках когнитивистского подхода. Скорее, дискурс создает мир, который кажется говорящему или пишущему реальным или истинным. Язык при данном подходе не рассматривается как канал, который передает заранее существующую реальность, наоборот, субъективная реальность конституируется посредством дискурса, определяемого как ситуативное использование языка.

В этом смысле реализация дискурсивной психологии в маркетинговой стратегии соответствует также концепции маркетинга как философии бизнеса. Маркетинг – не просто набор видов деятельности, таких, например, как продажа, а скорее «способ мышления» – раздумий о том, как удовлетворить нужды потребителей.

Любая успешная маркетинговая стратегия подразумевает разумное, гибкое и в некоторой степени инновационное использование языковых средств, то есть в широком смысле дискурса, который можно понимать как речевую реализацию философии бизнеса, маркетинга. При этом дискурсивная психология позволяет рассматривать дискурсы как окказиональные и ситуативные социальные практики, конструирующую реальность для достижения тактических и стратегических целей маркетинга.

В лингвистическом смысле формой существования маркетинга является преимущественно статусно-ориентированный дискурс – речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом, с людьми, реализующими свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся институтов. При этом, безусловно, учитывается и диалектика личностно-ориентированного дискурса.

Развитие туристического бизнеса и вместе с тем резкое обострение конкуренции в отрасли находят отражение в маркетинговых технологиях увеличения продаж через воздействие на целевую аудиторию. Результативность такого

воздействия определяется аргументативной направленностью самого сообщения, его прагматическими качествами.

Дискурс туристического маркетинга – это своего рода социолингвистический феномен со своими средствами персуазивности. Он всегда действует в конкретном социальном и культурном контексте, опираясь на определенные ценности, свойственные данному социуму.

Имеется большое количество работ, посвященных анализу языка рекламы, и в частности, комплексному исследованию туристического дискурса с точки зрения лингвокогнитивных приемов речевого воздействия, включающих аргументацию, метафорическое моделирование, анализ базовых концептов дискурса и мотивационную составляющую.

Материалом для большинства работ, о которых говорится выше, были брошюры, каталоги и другие рекламные материалы, предназначенные непосредственно для конечного потребителя, то есть собственно для «туриста». Нам было интересно изучить лингвистическую составляющую материалов рыночного сегмента B2B, то есть адресованных профессионалам – коллегам и конкурентам создателя соответствующей дискурсивной структуры или практики. Был отобран достаточно специальный материал, связанный с международными профессиональными выставками туризма класса люкс. Целевая аудитория данного вида дискурса – профессионалы с огромным опытом работы, принадлежащие к разным социо-культурным средам. Для данной аудитории необходимо некое сочетание личностно-ориентированного и статусно-ориентированного дискурса, способствующее достижению маркетинговых целей компании через личное и прямое воздействие на конкретного человека.

На материале специальных пресс-релизов профессиональных туристических выставок и текстов, подготовленных для них отдельными компаниями и организациями, рассматриваются лингвистические средства, которыми достигаются поставленные задачи маркетингового комплекса.

Имиджевые публикации:

1. Рябухина Ю.В. Менеджмент, маркетинг, дискурс. – Санкт-Петербург: Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент», 2014. Вып. 14. № 1.

2. Рябухина Ю.В. Дискурс туристического маркетинга. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербург: Университетские образовательные округа, 2014. С. 276-280.

Салахова А. Г.-Б. (Челябинск, Россия)

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И ПРОБЛЕМА МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ²

Взросший интерес к изучению профессионального деятеля как носителя определенной культуры, как коммуницирующего субъекта в конкретной социальной среде, как пользователя определенного субъязыка привел к образова-

² Работа выполнена при поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда, грант № 15-04-00455

нию отдельного направления лингвистических исследований – лингвоперсонологии, разделу языкознания, разрабатывающему теорию языковой личности. Одной из сфер профессиональной деятельности личности является религия, а прототипический социальный институт применения религиозной коммуникации признается институт церкви. Таким образом, в центре лингвоперсонологических исследований данной области человеческой деятельности выступает конфессиональная языковая личность, понимаемая нами как многомерная и многоуровневая функциональная система логико-лингвистических форм, структурирующих и детерминирующих внутреннюю и внешнюю деятельность индивида. Лингвистическая характеристика конфессиональной языковой личности основывается на ее структуре, которая включает в себя когнитивное, прагматическое и языковое измерения.

Когнитивное измерение языковой личности определяет ее мировоззрение, способ мышления, языковую картину мира. При этом конфессиональная языковая личность исследуется как индивидум с его уникальной картиной мира (индивидуальный уровень когнитивного измерения), как представитель какого-либо социального института, выполняющий свою социальную роль (социальный уровень когнитивного измерения), а также как член культурного сообщества (культурный уровень когнитивного измерения).

Языковое измерение конфессиональной языковой личности включает три параметра исследования: лексику, морфологию и синтаксис. При этом конфессиональная языковая личность также рассматривается как индивидуальность с присущим ей активным и пассивным лексиконом, морфо-синтаксическими конструкциями, а также как типичный представитель определенного социального института с присущей ему терминологией и как представитель лингвокультурного сообщества с особенностями языкового выражения в речевом действии.

Третье измерение в структуре конфессиональной языковой личности – прагматическое измерение. Оно объединяет в себе потребности личности в общении, коммуникативные цели и установки личности (морально-этические оценки) и подразумевает характеристику прагматической направленности языковой личности, выявление мотивов социального взаимодействия, целей коммуникации, а также стратегического планирования коммуникативной деятельности.

Взросшая социальная и политическая напряженность в мире обуславливает актуальность исследования межконфессиональных конфликтов с позиции не только религиоведения, но и с лингвистической точки зрения, учитывая культурологический и лингвоперсонологический аспекты. Мы остановимся на основных причинах межконфессиональных конфликтов между европейскими христианами и мусульманами. Исходя из структуры конфессиональной языковой личности, следует выделить различия в картине мира христиан и мусульман. Анализируя невербальный аспект креолизованного религиозного текста, а также религиозного дискурса, следует заметить, что в христианской картине мира одной из культурных норм является образ Бога, Божьей Матери, ангелов, святых угодников. Следует заметить, что только в христианстве разрешено

изображение Бога, поскольку Иисус Христос, в котором христиане смогли «увидеть Бога», жил среди людей. В иудаизме, равно как и в исламе, существует запрет на изображение Бога. При этом в иудаизме запрещено произносить его имя, а мусульманам запрещено изображать любые живые существа. Таким образом, одной из причин карикатурной войны в Европе, а как следствие, межконфессионального конфликта является несовпадение ключевых культурных концептов, к которым в первую очередь относится концепт «Бог», в картине мира христиан и мусульман.

Следующая причина возникновения межконфессиональных конфликтов в Европе кроется в особенностях культуры. Так, по данным Г. Хофстеде, европейцы в основном имеют высокий индекс индивидуализма, характерной чертой которого является свобода слова. В индивидуалистских культурах возможность высказать свое мнение по любой политической, социально-экономической или культурной проблеме считается показателем честности и открытости личности. Таким образом, личное мнение, выраженное в виде карикатуры на пророка, в европейской культуре не только не порицается, но и одобряется как показатель высокого уровня развития личности. Кроме того, высокий индекс маскулинности ряда европейских и азиатских культур позволяет прогнозировать масштабность и интенсивность конфликтного взаимодействия противоборствующих сторон. Для культур с высоким индексом маскулинности характерно решение конфликтов путем выяснения сильнейшего, их отличает высокая конкуренция, динамика развития социальных отношений, острое чувство справедливости и равноправия.

Различия, существующие в когнитивном измерении конфессиональной языковой личности на социальном и культурном уровнях, находят свое выражение в ее дискурсивной деятельности (в прагматическом измерении) в виде конфронтационных стратегий и тактик, оценочных суждений, манипулятивного воздействия на реципиентов и побуждения их к определенному действию.

Имиджевые публикации:

1. Салахова А.Г.-Б. Конфессиональная языковая личность: коммуникативные стратегии и тактики: монография. – Челябинск: Энциклопедия. 2013. – 166 с.
2. Салахова А.Г.-Б. Конфессиональная языковая личность и проблема конфессиональной идентификации // Лингвистические аспекты исследования идентичности личности в изменяющемся мире: коллективная монография / под ред. Е.Н. Азнамеевой. – Челябинск: Энциклопедия, 2012. С. 61-83.
3. Салахова А.Г.-Б. Конфессиональная языковая личность и религиозная картина мира // Язык и культура: Сборник статей XXIV Международной научной конференции, посвященной 135-летию Томского государственного университета. Ответственный редактор С. К. Гураль; Министерство науки и образования РФ, Томский государственный университет. 2014. С. 118-123.
4. Салахова А.Г.-Б., Грачева К.Л. Научные открытия и их отражение в религиозной картине мира (на материале немецких христианских проповедей) // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом

аспектах: материалы VII Междунар. науч. конф. (Челябинск, 21-23 мая 2014 г.) – Челябинск: Энциклопедия, 2014. С. 501-505.

Сафроненкова Е.Л. (Архангельск, Россия)

**ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ФАКТОР
ТЕКСТООБРАЗОВАНИЯ ГУМАНИТАРНОГО
АНГЛОЯЗЫЧНОГО НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ТЕКСТА**

Исследование гуманитарного англоязычного научно-теоретического текста базируется на общей тенденции в языковедческих разработках исходить из взаимосвязи и взаимодействия языка и культуры, признания всякой языковой специфики культурно-значимой спецификой. Это согласуется с представлениями о тексте как о социально-коммуникативном действии. Культура в системе предпринимаемого анализа понимается в соответствии с прагматически ориентированным подходом как процесс социального конструирования, задающего определенные надындивидуальные модели коммуникативно-речевого поведения коммуникантов.

Для предпринимаемого культурно-языкового анализа, направленного на выявление специфики гуманитарного англоязычного научно-теоретического текста, в качестве основания выбрано понятие когнитивный стиль, в частности специфика саксонского стиля. Англо-саксонский когнитивный стиль обладает базовыми характеристиками, отличающими его от других когнитивных стилей, а именно: толерантность к адресату, популяризация изложения, диалогичность, ориентация на ясную форму изложения. Данные характеристики саксонского стиля позволяют представить гуманитарный англоязычный научно-теоретический текст как текст, имеющий в качестве прагматической доминанты установку на оптимальное представление нового знания адресату.

Адресат играет особую роль в гуманитарном англоязычном научно-теоретическом тексте. Он воспринимается как коллега, союзник, часть единой команды. Ориентация на такой образ читателя осуществляется при отборе языковых средств и построении высказывания. Адресованность в гуманитарном англоязычном научно-теоретическом тексте переплетается с этикетными правилами коммуникации. Установление контакта с адресатом текста для выражения взаимоуважения, сотрудничества играет важную роль в английской научной традиции. Контактуюстанавливающий аспект при ориентации на адресата реализуется с помощью понятия толерантность. Таким образом, адресованность в гуманитарном англоязычном научно-теоретическом тексте принимает дополненный вид, с учетом этикетной составляющей – толерантность к адресату. Говоря о толерантности речевой коммуникации, мы подчеркиваем важность «активной позиции» в понимании этого феномена и определяем его как свойство диалогического взаимодействия, ориентированного на сотрудничество, взаимоуважение и взаимопонимание.

Как ключевая стратегия толерантность создается в метакоммуникативном плане гуманитарного англоязычного научно-теоретического текста совокупно-

стью тактик: диалогизации рассуждения, смягчения категоричности негативных оценок чужого знания, выражения благодарности. Тактика диалогизации оформляется через номинацию читателя, оценочные словосочетания, типа *an attentive/ interested colleague*, инклюзивное *we*, императивные и вопросительные конструкции в контактоустанавливающей функции. Тактика смягчения категоричности негативных оценок актуализируется типичными лексемами с семантикой «мнение» *my position/view, to appear, to think*, наречиями, типа *personally*, открытой заявленностью субъекта оценки в форме 1 л.ед.ч., типа *I consider this to be*, введением критической оценки чужого знания на фоне положительной оценки. Тактика выражения благодарности другим субъектам науки оформляется оценочными лексемами, типа *grateful, thanks, helpful comments and criticism, inspiring discussions*, номинацией объекта благодарности *members of the research group, fellow scholars* и др.

Представленные тактики направлены на выражение толерантности по отношению к разным субъектам науки: тактика смягчения категоричности негативных оценок чужого знания (план автор - предшественник), тактика выражения благодарности другим субъектам науки (план автор - помощник) и тактика диалогизации рассуждения (план автор - читатель).

Сергеева Е.В. (Санкт-Петербург, Россия)

**БИБЛЕИЗМЫ ЗАКОН И БЛАГОДАТЬ КАК МАРКЕРЫ КУЛЬТУРНОГО
КОДА В ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ «ЭТИКИ
ПРЕОБРАЖЕННОГО ЭРОСА» Б.П. ВЫШЕСЛАВСКОГО)**

1. Лексемы *закон* и *благодать* – библеизмы, которые известны большинству носителей русского языка и относятся к тем лексическим единицам, которые являются маркерами традиционного культурного кода в текстах, относящихся к современному периоду развития русского литературного языка. Эти лексические единицы весьма употребительны в тексте Писания. По данным «Симфонии на ветхий и новый завет» слово *благодать* в различных формах употребляется в Писании 102 раза, слово *закон* – 367 раз.

2. Библеизмы *закон* и *благодать* можно рассматривать и как собственно религиозную лексику, и как функционально не маркированные единицы. Лексема *благодать* имеет помету «церковное» в Словаре Ушакова и указание «по религиозным представлениям» в БТС, обе лексемы маркируются как «религиозные» в «Толковом словаре русского языка начала XXI века», дефинируются в «Православном библейском словаре» и «Популярном библейском словаре» и присутствуют в «Словаре православной церковной лексики» Г.А.Скляревской: «*Благодать* – особая божественная милость, ниспосылаемая человеку для его спасения: Божия помощь и защита, даруемые каждому христианину в его повседневной жизни»; «*Закон* – совокупность религиозно-нравственных предписаний, данных людям Богом через Моисея, включенных в Ветхий Завет и сформулированных в пяти книгах Библии»

3. Показательно употребление библеизмов *закон* и *благодать* в религиозно-философском тексте Б.П. Вышеславского. «Этика преображенного эроса» – произведение, в центре которого находятся именно проблемы этики. Показательно, что цитата из этого текста представлена в качестве примера в словарной статье «закон» в «Толковом словаре русского языка начала XXI века». Употребление этих лексем в названном произведении можно считать наиболее четко ориентированным на воспроизведение и интерпретацию библейской семантики, и это также связывает данный философский текст с глубинными пластами русской культуры.

4. Вопрос о «расширении семантического объема» лексических единиц в философском тексте», о котором в свое время писала Н.А. Азарова в книге «Типологический очерк языка русских философских текстов XX в.», становится особенно актуальным, когда речь идет о переосмыслении узусных для религиозного дискурса лексических единиц. К подобным единицам можно отнести библеизмы *закон* и *благодать*, традиционно связанные в русском культурном сознании (ср. «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона).

5. В трактате «Этика преображенного эроса» значение библеизма непосредственно связано с исходным текстом, более того, присутствует сознательная установка автора на следование Св. Писанию, в частности цитирование посланий апостола Павла. Лексема *закон* употребляется в произведении около шестисот раз, лексема *благодать* – более 100 раз. Контексты употребления и сочетаемость выделенных библеизмов демонстрируют, что они употребляются уже как религиозно-философские лексемы и могут быть квалифицированы как ключевые слова текста Б.П. Вышеславцева.

6. В философском тексте семантика рассматриваемых библеизмов меняется. Следует говорить прежде всего о расширении значения слов, превращающихся в специальные философские лексемы.

7. В философском произведении *закон* и *благодать* предстают как мыслимые сущности – проблема и/или идея, что подтверждает контекст, где упоминается об «идее Благодати у ап. Павла» и исследовании «проблем Закона и Благодати».

8. Закон представляется как нечто несовершенное (не случайно употребление в тексте словосочетания «несовершенство закона»), нетворческое, старое: «формула закона не вечна и не божественна» (с. 23). Он не является высшей ценностью: «Нетрудно видеть, что конкретная полнота жизни никогда не охватывается и не создается законом» (с. 23).

9. В «Этике преображенного эроса» воспроизводится библейская семантика: *закон* – старое, *благодать* – новое. Однако если в Новом Завете *закон* представляется просто «старой системой ценностей», и противопоставление *закон* и *благодать* – противопоставление старого и нового то для Б. Вышеславцева *закон* – устаревшая система ценностей, и его противопоставление *благодати* – противопоставление бремени, должного и безвозмездной радости, любви, Царства Божия.

10. Закон – завеса, т.е. «то, что скрывает, закрывает собой что-то» (МАС). Неоднократно употребляемые в рассматриваемом философском тексте

словосочетания «завеса закона» и «покрывало закона» демонстрируют, что автор считает закон системой, скрывающей истинную систему ценностей – веру, любовь и благодать.

11. С точки зрения Б.П. Вышеславцева, этическая система закона и этическая система благодати – не только противопоставленные, но и взаимоисключающие системы морали. Для философа антиномия закона и благодати перерастает в «трагическую несовместимость закона и благодати» (с.29).

12. В религиозно-философском тексте Б.П. Вышеславцева лексемы *закон* и *благодать* могут быть квалифицированы не только как библеизмы и ключевые слова, но и как философемы и культуремы.

13. Следовательно, можно утверждать, что творческие возможности семантики библеизмов как маркеров культурного кода не были исчерпаны даже в XX в. и эти единицы могут служить смысловой основой не только религиозного, но и религиозно-философского и философского текста.

Имиджевые публикации:

1. Религиозно-философский дискурс В.С. Соловьева: лексический аспект. Монография. – СПб: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, «Сага», 2002.

2. Бог и человек в русском религиозно-философском дискурсе. Монография. – СПб: «Наука», «Сага», 2002.

3. Приемы манипулятивного воздействия в политическом дискурсе (на примере ораторских произведений В.И.Ленина и И.В.Сталина) // Известия Ур-ГПУ. Лингвистика. Выпуск 19. Урал. Гос. пед. Ун-т. – Екатеринбург, 2006.

4. Концепт-универсалия и художественный концепт: проблема классификации // Сибирский филологический журнал. 2006 № 1-2. Новосибирск, НГУ.

Сотскова О.А., Спиридонова Н.С. (Санкт-Петербург, Россия)

ИНТЕНСИФИКАЦИЯ И ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ ВТОРОМУ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАЦИОННОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Обучение второму иностранному языку (ИЯ2) имеет те же цели, что и обучение первому (ИЯ1), а именно: развитие лингвистических, прагматических, стратегических и социокультурных коммуникативных компетенций на основе прочных систематических знаний лексического и грамматического материала. Однако, достижение желаемых результатов должно осуществляться за ограниченное количество учебных часов. В связи с этим, особое место в организации учебного процесса должно быть уделено его рационализации и интенсификации. Принцип оптимизации учебного времени, более интенсивного ритма в освоении материала является частным методическим принципом в процессе обучения ИЯ2.

Существует значительный «арсенал» способов интенсификации и рационализации процесса обучения ИЯ2. Часть таких возможностей логично выте-

кает из опыта изучения ИЯ1. Схожесть лингвистических явлений, выработанные в процессе работы познавательные стратегии приводят к изменению в структуре языкового сознания обучающегося, большей мотивации, что в результате, ведет к ускорению обучения ИЯ2. Имеющийся в распоряжении обучающегося набор когнитивных стратегий, равно как и сформированные в процессе учебной деятельности умения, могут быть перенесены в новую образовательную ситуацию. Например, умение работать над различными видами чтения, накопленные в процессе овладения ИЯ1 навыки слушания иноязычного текста и т.п., позволяют значительно сократить время на объяснение задач при выполнении того или иного вида работ.

Помимо формирования у обучающегося когнитивных стратегий (запоминание по ассоциациям с родным или иностранным языками, проговаривание слов вслух и пр.), важно сформировать и социальные стратегии (обсуждение с одноклассниками и преподавателем трудностей в обучении, отсутствие боязни практиковать новый язык и пр.).

Совершенствование в процессе обучения познавательных стратегий приводит к развитию у обучающегося способности к абстрактным логическим операциям с несколькими языковыми системами.

Используя ИЯ1 как инструмент для тренировки способности к сопоставлению, обобщению, интерпретации, к запоминанию, изучающие ИЯ2 могут совершать сложные аналитические операции. Они быстро, через перенос, вникают в нюансы сходств и различий языковых явлений, пользуются языковой интуицией, способны без труда начать общение. Таким образом, развитое металингвистическое сознание активизирует учебный процесс за счет экономии времени и создания позитивного настроения учащегося на успешное овладение новым языком.

Перенос лингвистических и социокультурных знаний является еще одним действенным инструментом рационализации и ускорения процесса овладения ИЯ2. Приступая к изучению французского языка как ИЯ2, студенты уже обладают большим словарным запасом (заимствования, интернационализмы), владеют графическими навыками, что облегчает обучение лексике и чтению за счет узнавания слов и, как следствие, понимание даже непростых текстов на раннем этапе обучения. Интенсификация процесса обучения может быть достигнута за счет увеличения объемов вводимого на занятии лексического, грамматического, текстового материала. Отводя совпадающим языковым явлениям ИЯ1 и ИЯ2 меньше времени, преподаватель акцентирует внимание на отработке новых незнакомых языковых единиц.

Важный резерв интенсификации обучения заложен в организации упражнений. Уменьшение их количества возможно за счет положительного переноса и более быстрого усвоения материала обучающимися. Вместе с тем, сокращение количества упражнений требует более тщательного их отбора, совмещения разных языковых явлений в одном упражнении. На занятии упражнения должны базироваться на смене видов деятельности, но не должны требовать больших временных затрат. Более затратными с временной точки зрения являются домашние задания.

Ускорению обучения ИЯ2 в значительной степени способствует также увеличение доли самостоятельной работы. Личностно-ориентированный подход к обучению, как приоритетная задача, предполагает развитие у студентов умения «добывать» знания, правильно организуя свое рабочее время и самостоятельно оценивая результаты своей деятельности.

Формирование обучающегося как полноправного организатора учебного процесса предполагает обучение метакогнитивным стратегиям. Развитие этих стратегий осуществляется различными приемами, в том числе:

- Использование информационных технологий, что позволяет развивать автономность и самоконтроль;
- Поощрение индивидуальной творческой работы над темами, проектами;
- Пропагандирование работы сверх учебных часов (просмотр видеороликов, интернет, чтение литературы на иностранном языке) и т.д.

Итак, рационализация и ускоренный темп являются чертами, присущими процессу обучения ИЯ2. Этот факт ставит преподавателя перед необходимостью тщательно продумывать и разрабатывать комплекс приемов для достижения главной цели при обучении ИЯ2.

Степанова М.М. (Санкт-Петербург, Россия)

ТЕХНОЛОГИЯ MIND MAP ПРИ ОБУЧЕНИИ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА В МАГИСТРАТУРЕ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «ЛИНГВИСТИКА»

Теория перевода – основополагающая теоретическая дисциплина, которая является ведущей в процессе профессиональной подготовки переводчиков в магистратуре по направлению «Лингвистика». Основной целью данной дисциплины является обеспечение фундаментальной подготовки в области теоретических основ перевода и формирование у обучаемых профессиональной переводческой компетентности должного уровня.

В настоящее время требования к профессиональной подготовке переводчика чрезвычайно высоки, что приводит к необходимости изменения традиционных подходов, способов и методов обучения будущих переводчиков в магистратуре, в том числе и в области теоретической подготовки. Активизация деятельности магистрантов при освоении дисциплины «Теория перевода» реализуется, в числе прочего, посредством использования технологии Mind Map. В русскоязычном педагогическом и методическом дискурсе эта технология также именуется технологией интеллект-карт, интеллектуальных или ментальных карт, карт памяти, карт ума и др. Эта технология основывается на графическом способе представления информации, позволяющем эффективно структурировать информацию любого характера.

Применение данной технологии в обучении теоретическим дисциплинам основывается на использовании основных принципов физиологии человеческого мозга. При графическом представлении изучаемого материала максимально задействуется и левое полушарие мозга, отвечающее за обработку вербальной

информации и линейную логику, и правое полушарие, отвечающее за обработку образной информации. Применение технологии Mind Map, таким образом, позволяет одновременно активизировать оба полушария мозга и задействовать оба вида мышления. Это помогает упорядочить информацию, перерабатываемую мозгом, дает возможность студентам запомнить большой объем данных.

При обучении теории перевода в магистратуре по направлению «Лингвистика» студентам предлагаются индивидуальные творческие задания на представление отдельных элементов теоретического курса в виде интеллектуальных карт. Например, при помощи технологии Mind Map можно наглядно представить различные классификации переводческих приемов, подходы к определению понятий «перевод», «адекватность», «эквивалентность» и др. Опыт работы показывает, что выполнение таких заданий помогает магистрантам в запоминании и усвоении новых теоретических понятий, терминов и имен ведущих теоретиков переводоведения.

Данная технология также успешно применяется при групповой самостоятельной работе студентов по курсу «Теория перевода». Например, мини-группа магистрантов, включающая 3-4 человека, изучает одну из предложенных преподавателем статей по теоретическим вопросам перевода на русском или иностранном языке и представляет ее основное содержание (раскрытые понятия, предложенные идеи, результаты, выводы) в виде интеллектуальной карты. В настоящее время существует большое количество инструментов, позволяющих создавать интеллектуальные карты различного вида, например, Интернет-ресурсы <https://coggle.it/>, www.mindmeister.com, <http://freemind.sourceforge.net/>, <http://www.kartum.ru> и многие другие. Кроме того, можно рисовать интеллектуальные карты с использованием возможностей программ MS Word, Excel и даже от руки.

Карты подготавливаются магистрантами в ходе групповой самостоятельной работы, а на семинарском занятии, опираясь на свою интеллектуальную карту, мини-группа представляет содержание изученной ими статьи. Остальные магистранты просматривают карту, слушают, задают вопросы, оценивают качество представленного проекта по таким критериям, как ясность карты, ее информационная насыщенность, легкость для восприятия и запоминания, эстетические качества.

Основным преимуществом технологии Mind Map является возможность охватить изучаемую картину в целом. При изучении теоретических аспектов перевода использование технологии Mind Map позволяет представить большой объем информации в визуально структурированном виде, что облегчает ее понимание и запоминание. Магистранты могут увидеть и четко сформулировать взаимосвязи и ассоциации между основными понятиями курса в виде целостной картины, что будет способствовать эффективному синтезу понятий и вычленению структурных единиц представляемой информации для последующего анализа и запоминания. Интеллектуальные карты не только дают возможность наглядного представления теоретической информации, но и помогают обобщению и систематизации больших объемов материала, что важно, в частности, при подготовке к курсовому и государственному экзаменам.

Технология Mind Map, как показывает практический опыт ее применения в группах магистрантов-лингвистов, позволяет повысить усвоение теоретического материала, ускорить запоминание терминологического аппарата, выявить и осознать основные идеи. Необходимо также отметить, что данная технология эффективно работает не только при обучении теоретическим дисциплинам, но и в процессе генерации новых идей, развивая творческое мышление и воображение, необходимые профессиональному переводчику.

Имиджевые публикации:

1. Степанова М.М., Трофимова Г.С. Актуальные подходы к профессиональной подготовке переводчика в профильной магистратуре // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. №3, 2014. С. 166-173.

2. Степанова М.М. Оптимизация обучения иностранному языку в магистратуре многопрофильного вуза: проблемы и решения // Инновации в образовании. № 11, 2014. С. 61-67.

3. Степанова М.М., Беленкова Н.М. Технологии коммуникативного тренинга в обучении иностранному языку магистрантов нелингвистических направлений. // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. № 2, 2014. С. 193- 195.

Степанян Л.А. (Санкт-Петербург, Россия).

ПОЛИКУЛЬТУРНЫЙ ПЕТЕРБУРГ: ЕДИНСТВО В РАЗНООБРАЗИИ

С момента закладки первого камня Северной столицы и до нынешних времен в него вливались представители различных народов, формируя уникальную городскую среду. Сегодня Санкт-Петербург – один из крупнейших мегаполисов мира с полиэтническим, многоконфессиональным составом населения. В городе насчитывается порядка 130 национальностей, зарегистрировано около 200 национально-культурных общественных организаций, в которые входят национально-культурные автономии, национально-культурные объединения и землячества.

Подобная концентрация представителей этнических и религиозных меньшинств требует регулирования процессов межконфессиональных и межнациональных отношений путем создания специальных этноорганизующих структур, аналитической системы мониторинга и прогнозирования потенциальных конфликтов, обеспечения планомерной работы по адаптации и интеграции представителей всех этнических групп. В сфере взаимодействия с национальными общественными организациями (НОО) работа городского Правительства была направлена на реализацию Концепции государственной национальной политики Российской Федерации от 15.06.1996 г., Федерального Закона «О национально-культурной автономии» от 17.06.1996г., а также Закона Санкт-Петербурга «О межнациональных отношениях в Санкт-Петербурге» от 06.10.2004 г. Координирует эту систему действий Комитет по внешним связям с привлечением Консультативного совета по делам национально-культурных объединений при Правительстве Санкт-Петербурга, а также Комитет по меж-

национальным отношениям и реализации миграционной политики в Санкт-Петербурге.

Важным событием в жизни города стало принятие Правительством Санкт-Петербурга в июле 2006 года программы действий по гармонизации межэтнических и межкультурных отношений, профилактики проявлений ксенофобии, укрепления толерантности в Санкт-Петербурге на 2006 - 2010 годы. Эта программа имеет говорящее название "Толерантность". В отчете председателя Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга А.В. Прохоренко от 06.02.2007 г. было отмечено, что на сегодняшний день в вопросах реализации Программы "Толерантность" Правительство Санкт-Петербурга имеет поддержку Организации Объединенных Наций, ЮНЕСКО, Совета Европы и других зарубежных партнеров, усилия которых давно и успешно сосредоточены на поощрении толерантности.

При анализе постановлений о программе «Толерантность» можно сделать вывод о том, что в рамках намеченной работы особое место выделяется образовательной среде, поскольку одной из задач Программы заявляется совершенствование целостной системы научно-образовательного сопровождения, направленного на развитие культуры гражданственности и толерантности в Санкт-Петербурге (в том числе курсы повышения квалификации для преподавателей начального, среднего, высшего профессионального, а также дополнительного образования).

Более того, Программа сосредотачивается не только на классических общинах города, представители которых традиционно проживают в Петербурге, но и предусматривает широкий спектр деятельности в работе с иностранными студентами, трудовыми мигрантами и их детьми, то есть с классом инофонов, которые, зачастую, в силу осознания временного проживания, не ориентированы на интеграцию в принимающее общество.

В связи с принятием столь масштабной Программы «Толерантность» в городе возникла необходимость в не менее масштабной этноорганизующей структуре, на базе которой стало бы возможным объединение представителей национальной-культурных и религиозных организаций. Такой площадкой стал «Санкт-Петербургский Дом Национальностей», основанный 2 августа 2005 года. В практике деятельности Санкт-Петербургского государственного казенного учреждения «Санкт-Петербургский Дом национальностей», наладившего конструктивные связи с 80-ю национально-культурными объединениями, используются разнообразные организационные формы - практические конференции, молодежные форумы, круглые столы, семинары, диспуты и обсуждения, презентации, выставки, концертные программы, тематические вечера, спортивные состязания и турниры. Ежегодно «Санкт-Петербургский Дом национальностей» самостоятельно и в партнерстве с другими структурами, а также оказывая поддержку НКО Санкт-Петербурга, проводит от 500 до 700 мероприятий разного уровня, характера и тематики; численность участников таких мероприятий составляет от 20 до 5 000 человек

Подводя итог, можно сказать, что все усилия, предпринятые Правительством Санкт-Петербурга, будут эффективны в том случае, если к данным инициа-

тивам подключаться представители национально-культурных объединений города, причем особенное внимание в данной работе необходимо уделять молодежи. Каждодневный труд на разных уровнях в направлении сохранения мира – это долгосрочный проект, в котором каждому жителю города, независимо от национальности, вероисповедания, цели проживания, найдется своя роль. Ведь главная цель всей программы — донести идею единства различных людей, являющихся обитателями многообразного города Санкт-Петербурга.

Сулейманова О.А. (Москва, Россия)

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБРАЗА ГОРОДА: ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

Активно идущие процессы разработки адекватной информационной городской среды, в том числе и на иностранном (английском) языке, и первые результаты такой разработки – во многих случаях без системного привлечения лингвистов – заставляют лингвистов предпринимать усилия для пересмотра существующих стандартов транслитерации и транскрипции русских названий объектов городской навигации (на настоящий момент в России сосуществуют 20 действующих и активно конкурирующих ГОСТов в данной области) и критически проанализировать существующие практики в данной области. Эта задача приобретает особую актуальность также в связи и с тем, что приезжающий в Россию носитель языка, письменность которого основана на латинице, обычно не способен распознать текст на основе кириллического (кирилловского) письма, с тем чтобы (фонетически) воспроизвести его для получения необходимой навигационной «подсказки». Наличие транслитерированных / транскрибированных обозначений снимает данную проблему.

Сосуществованием нескольких стандартов транслитерации, созданных изначально для решения принципиально различных задач (например, для целей библиотечного дела – см. Лингвистический энциклопедический словарь, и не-критическим выбором того или иного ГОСТа в каждом данном конкретном случае объясняется отсутствие корреляции между, например, обозначениями в метро и наземной навигацией (как это сложилось в Москве). Например, в московском метро действует ГОСТ, отличный от того, который принят для обозначения улиц, что создает определенные когнитивные «помехи» для человека, не говорящего по-русски, при переходе из одного информационного пространства в другое.

В сложившейся ситуации возникает задача пересмотра лингвистических основ – а именно, «правил» транслитерации и их корреляции с транскрипцией – лингвистического моделирования образа современного города. Так, например, в московском метро – вследствие непоследовательного использования выбранного ГОСТа – станция метро Щёлковская получила обозначение как Schyolkovskaya, которое с большой долей вероятности англоязычный индивид произнесет (по аналогии с фонетическим обликом слова school) как *скъёлковская* или – что еще хуже, в силу наличия обозначения совершенно иного из-

вестного географического объекта Сколково – *сколковская* – и получит ошибочный ориентир на Сколково.

В докладе будут представлены результаты практического анализа сложившейся ситуации (на основе системы навигации в г.Москве), а также предложены рекомендации по выбору ГОСТа, в наибольшей степени соответствующего целевой группе и решаемым задачам; предложены скорректированные «транслитерационные решения» для ряда наименований.

При выработке рекомендаций во внимание принималась целевая группа (англоговорящий индивид, обычно турист), цель надписи (визуальное восприятие адресатом и воспроизведение с тем, чтобы быть распознанной носителем русского языка – или перевод из визуальной в аудиальную модальность), и ряд других параметров.

Тарева Е.Г. (Москва, Россия)

ИННОВАЦИИ В ИНОЯЗЫЧНОМ ОБРАЗОВАНИИ: ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ И КОДИФИКАЦИИ

Усиление тенденций, связанных с разработкой и внедрением инноваций в различных областях человеческой жизнедеятельности, – объективная закономерность развития общества, распространяющая свое влияние как на сферу производства и предпринимательства (именно эта среда рассматривается сегодня как основной «полигон» для развития инновационной экономики), так и на область гуманитарного знания. В последнем случае формат, содержание, сущность инноваций отличаются особым характером, сложным для выявления, научного осмысления и объективации. Трудности формализованного описания *гуманитарных инноваций* обусловлены, с одной стороны, сложным характером процессов инновационного мышления, поведения человека в непредсказуемых, новых условиях его жизненного пространства, отсюда, невозможностью четкой регламентации этапов инновационной деятельности. С другой стороны, процесс порождения гуманитарных инноваций далеко не всегда (скорее, весьма редко) результируется материальным продуктом, который можно было бы инвестиционным образом «продвигать» и «продавать». Именно данными причинами объясняются крайне осторожные и несмелые шаги в изучении, описании и распространении инноваций в области социо-гуманитарного знания.

Несмотря на очевидные трудности, ученые все активнее вовлекаются в процесс изучения инноваций в гуманитарной сфере. Повышенное внимание к данной области исследования объясняется приоритетами постнеклассического этапа развития науки, фокусирующегося на всестороннем междисциплинарном рассмотрении особых (инновационных!) параметров «человекомерных» объектов реальности: их аксиологической природы и проектности, изменчивости, духовности, «сомосозидания», практической ориентированности. Новое знание связано сегодня с виртуализацией, поликодовостью, массивностью, «анонимностью», сложностью верификации; данные параметры весьма привлекательны для поисков инновационной трансформации науки.

Определенные результаты в области изучения социо-гуманитарных инноваций достигнуты в *науке об образовательной деятельности*. На сегодняшний момент создана теория образовательных инноваций, которая сама характеризуется новаторским подходом к интерпретации и представлению многих процессов и закономерностей, связанных с обучением и воспитанием подрастающего поколения. Предлагаются комплексы инновационных технологий, описываются процедуры их разработки и применения в различных образовательных контекстах. Но при этом в общей педагогике до сих пор не созданы объективные критерии и показатели, судя по которым можно признать то или иное новшество подлинной инновацией: отсутствует механизм диагностики, экспертной оценки и признания образовательных инноваций.

Наука об *иноязычном образовании* (лингводидактика) в оценивании инновационных технологий испытывает те же трудности, что и общая дидактика; речь идет о сложностях их критериально-экспертной оценки, признания, а также управляемого (а не стихийного, бесконтрольного) распространения. Как следствие, в ранг таких инноваций ошибочно включают компьютерные, проектные, проблемные, контекстные, дистанционные технологии, которые, обладая универсальными оптимизирующими возможностями, не имеют четкой лингводидактической специфики. К тому же, данные технологии широко распространены и давно перестали быть образовательными инновациями в полном смысле этого слова. Попытки показать старое в новом обличье, продемонстрировать комбинации известного и нового в отечественной и зарубежной лингводидактике являются эклектичными по своей природе.

Возникла потребность в упорядочивании процедуры создания инноваций в сфере иноязычного образования, управления инновациями в процессе обучения иностранным языкам, признания авторских прав на инновации в данной образовательной области. Идентификация и кодификация лингводидактических инноваций должна производиться с ориентацией на следующие параметры: *актуальность* (соответствие современным потребностям обучения иностранному языку и культуре); *новизна* (отличие от прежнего лингводидактического опыта); *продуктивность* и *результативность* (экспериментальное и / или опытное подтверждение эффективности инновации); *образовательная значимость* и *ощутимая* (желательно измеряемая) *польза* (коэффициент влияния инновации на совершенствование лингвообразовательного процесса); *реализуемость* (способность инновации к воспроизводству в различных условиях иноязычного образования); *неочевидность* (подтверждение того, что инновация не является лингводидактическим трюизмом).

Трудности в области исследования лингводидактических инноваций связаны с необходимостью преодолеть *субъективный характер оценочных суждений* как авторов инноваций, так и их экспертов. Отсутствие общепринятых критериев новизны и полезности педагогических разработок дает возможность безнаказанного использования результатов чужого творческого труда. Возникает потребность в паспортизации инноваций в сфере иноязычного образования. Паспорт лингвообразовательной инновации позволит создать кодифицированный реестр новшеств с их подробным описанием, с указанием рекомендуемых

условий применения. Этот реестр будет доступен для всех участников процесса обучения иностранному языку на различных ступенях образовательной системы: с начальной школы до уровня аспирантуры.

Имиджевые публикации:

1. Тарева Е.Г. Межкультурное иноязычное образование: лингводидактические стратегии и тактики: Коллективная монография / Отв. редактор Е.Г. Тарева. – М.: Логос, 2014. – 232 с. (авт. – 50%)
2. Тарева Е.Г. Коммуникативный подход: в поисках лингводидактических инноваций // Педагогическое образование и наука. 2014. № 5. С. 98-104.
3. Tareva E.G. Innovative Approach to Teaching Translation and Interpreting // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. Т. 2., № 11. С. 326-333.
4. Тарева Е.Г., Гальскова Н.Д. Инновации в обучении языку и культуре: pro et contra // Иностранные языки в школе: научно-методический журнал. 2013. № 10. С. 2-8.

Терентьева Е.Б. (Волгоград, Россия)

ГИПЕРТЕКСТОВОЕ ПРОСТРАНСТВО АНГЛОЯЗЫЧНЫХ И РУССКОЯЗЫЧНЫХ САЙТОВ РЕСТОРАНОВ

Ресторанный дискурс представляет собой коммуникативно-информационное пространство, организованное в том числе и в форме гипертекста. Гипертекст понимается исследователями в качестве информационно-технического, сетевого, философского, культурологического, эстетического, семиотического, лингвистического явления. При всем многообразии имеющихся толкований, как отмечает Т.Н. Колокольцева, различается гипертекст, рассматриваемый в рамках традиционной коммуникации (на бумажных и других неэлектронных носителях) и гипертекст в сети Интернет (электронный гипертекст). В докладе мы обратимся к рассмотрению электронного гипертекста. Анализ научной литературы позволяет говорить о том, что в дефинициях электронного гипертекста основными являются следующие признаки: политекстовость, структурированность, вариативность, возможность внутритекстовых и межтекстовых переходов, интерактивность, динамичность, мультимедийность, поликодовость.

Сайт ресторана отвечает всем перечисленным признакам, что позволяет рассматривать его пространство как гипертекстовое, под которым понимается особый способ организации и хранения информации, обладающий свойством мультимедийности и поликодовости, наличием системы гиперссылок. Типичный сайт англоязычного ресторана представляет собой гипертекст от 8 до 45 веб-страниц, связанных гиперссылками; русскоязычные сайты объединяют обычно от 9 до 33 веб-страниц.

Гипертекстовое пространство сайтов ресторанов организовано в соответствии со следующими требованиями: 1) сайт должен создавать у потенциального клиента положительный эмоциональный настрой и ощущение психологического комфорта, обладать визуальной привлекательностью, вызывать желание посетить ресторан; 2) сайт должен быть удобен для бронирования столиков он-лайн; поддерживать возможность обратной связи с клиентами; 3) сайт

должен быть максимально информативным, содержать сведения о расположении заведения, среднем счете, особенностях меню, винной карты, наличии специализированных залов для проведения частных и деловых мероприятий, дополнительных услугах, акциях и т.д.; 4) сайт должен реализовывать оптимизирующую стратегию, стимулирующих активность адресата – потенциального клиента.

С точки зрения структурно-композиционной организации гипертекстовое пространство сайта ресторана содержит следующие взаимосвязанные части: 1) *презентационную часть*, включающую фактуальную и оценочную информацию, которая способствует созданию у клиента положительного эмоционального настроения и положительного имиджа ресторана; 2) *описательно-информативную часть*, включающую фактуальную информацию об особенностях заведения с элементами оценочной информации, направленной на создание и поддержание положительного настроения клиента, его стимулирование к выполнению желаемого действия; 3) *информативно-интерактивную часть* с инструктивной информацией о том, как можно воспользоваться ресурсами сайта.

Структурно-композиционная организация сайтов ресторанов предполагает наличие обязательных компонентов, к которым относятся:

- 1) логотип;
- 2) название и слоган;
- 3) навигационная панель в верхней части страницы, включающая основные гиперссылки (о ресторане, меню, галерея, контакты, бронирование столика);
- 4) превью и/или слайд-шоу интерьера, в том числе 3D-панорама;
- 5) корпус текста;
- 6) фидбэк (бронирование столика, книга отзывов, голосование, отзывы в социальных сетях);
- 7) контактная, а также дополнительная информация (навигация, карта сайта, копирайт, кнопки социальных сетей и др.) в нижней фиксированной части страницы. Каждый из перечисленных компонентов выполняет функции, обеспечивающие актуализацию коммуникативно-прагматической установки всего текста сайта.

Сопоставительный анализ англоязычных и русскоязычных сайтов ресторанов показал, что в целом сайты демонстрируют совпадение в структурно-композиционной организации гипертекстового пространства. Вместе с тем англоязычные сайты ресторанов отличается более развернутая (до 10 веб-страниц) информативно-интерактивная часть, при этом презентационная часть может быть достаточно лаконичной, в то время как русскоязычные сайты ресторанов отличаются наиболее выраженной презентационной частью, организованной в среднем до 20 веб-страниц.

Имиджевые публикации:

1. Терентьева Е.Б. Пятиязычный словарь молодежного сленга // А.А. Сидоров [и др.]; под общ. ред. Н.Л. Шамне, А.А. Сидорова. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. – 119 с. (в соавторстве, 1 п.л.).
2. Терентьева Е.Б. Лингвокультурная адаптация англоязычной рекламы при переводе (на материале англо-русского рекламного контента) // Международный научно-исследовательский журнал. № 9 (16), 2013. Часть 2. С. 87-88.
3. Терентьева Е.Б. Стратегемно-тактическая организация гипертекстового пространства (на материале интернет-сайтов ресторанов русской кухни) // *Lingua mobilis*. № 1 (52), 2015 (в печати).

Терентьева Е.В. (Волгоград, Россия)

**ПОЛИФОНИЧНОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА КАК СРЕДСТВО
ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОГО ЗАМЫСЛА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА
Е.А. КУЛЬКИНА «ПРОЩЕННЫЙ ВЕК»)**

Общеизвестно, что полифоничность слова служит одним из признаков художественности текста. Выполняя функцию опорных текстовых элементов, полифоничные маркеры играют значительную роль в создании образно-смысловой структуры текста.

Обратимся к анализу маркеров полифоничности на примере Пролога к трилогии волгоградского писателя Е.А. Кулькина «Прощенный век». Этот роман представляет интерес в плане многоголосия, интертекстуальности, самостоятельности звучания голосов автора и героя. В нем воссоздаются судьбы представителей различных слоев русского общества. Действие разворачивается на широком историческом фоне – трилогия охватывает период от прощенного дня 1900 года до второй половины XX века.

В Прологе к трилогии в качестве маркеров полифоничности текста выступают лексические (ключевые лексемы, эмотивные, оценочные слова), образные (метафоры, эпитеты, сравнения) средства, разнообразные средства создания модальности (модальные слова со значением достоверности/недостоверности высказывания, предикаты возможности, формы глаголов сослагательного наклонения, условные союзы).

Полифоничность, отвечающая авторскому замыслу и помогающая раскрыть глубокий смысл всего произведения в целом, задается в Прологе, предваряющем трилогию, и реализуется в тексте, в том числе и за счет авторских реминисценций. По содержанию и стилистике ближе всего к началу романа Е.А. Кулькина, как отмечала С.П. Лопушанская, находится высказывание протопopa Аввакума из Жития, им самим написанного в 1673 г.: *и сказывал Нероноу царю три пагубы за церковный раскол: морь, мечь, разделение; то и сбылось в наши дни*.

В сцене перед монастырем, который «рухнул со всеми церквами в тартарары», потому что «никто никого не простил», звучат горькие пророчества стран-

ника в белых одеждах, опутившегося с неба к монастырскому притвору: [кровью] *вы еще не раз захлебнетесь ... Пагубы проползут по вашим поколениям ... Крушение ... когда иссякнет вера и рухнет надежда. Покушение ... когда завидующий глаз изведет того, кто не давал ... душе пощады. Испытание ... когда всяк возьмет норы, чтобы на соседа своего, а то и родича навет сочинить.* Страшные предсказания пришельца, в достоверности которых казаки усомнились, начинают сбываться: *Вы не простили друг друга, – закончил свою речь чудотворец, – потому вас не простит никто.*

Полифоничность текста создается целым комплексом эмоциональных оценок. В Прологе присутствует авторская оценка ситуации всеобщего неверия и непощения как пагубной, к ней присоединяются частные оценки других персонажей. Оценка ситуации Крюковым и безымянным старикашкой в «подлинном треухе» сливается с авторской. Попов, оппонент Крюкова, напротив, дает совсем иную оценку вере: *Самая большая пагубь – это вера. Она человека темнее делает.*

В рассматриваемом тексте для выражения этих оценочных смыслов используются разнообразные лексические и образные средства. Особое место в Прологе к трилогии занимают оценочные суждения персонажей в различных формах внешней и внутренней речи (в диалоге и полилоге, вкраплениях внутренней речи). В авторской речи оценочная модальность присутствует в описаниях, комментариях, небольших ремарках. Иногда авторская речь сливается с речью тех персонажей, которые не являются в тексте выразителями авторской оценки. Именно это происходит в финальном эпизоде Пролога: *Люди-и-и! – донесся до слуха Крюкова чей-то голос. – Простите, за что почтете! – Бог простит, – ... ответило несколько бормотливых басков. Федор Дмитрич ... горячечно произнес: – Ежели сможет... – Тем более, – подтвердил ему Попов, – что наступил не просто прощенный день, а Прощеный век. И улыбнулся так, как будто уже знал, чем закончится это грядущее столетие.*

В приведенном фрагменте эксплицирована авторская оценка достоверности предсказаний старца в белых одеждах, представленная несколькими головами персонажей (казаков, Крюкова, Попова), которая резюмируется в финальной фразе пролога: все предсказания неизбежно сбудутся, и потребуются не *прощенный день, а Прощеный век*, прежде чем они потеряют свою силу.

Таким образом, проведенное исследование показало, что разноуровневые единицы, обладающие свойством полифоничности, становятся ключом к пониманию авторского замысла.

Имиджевые публикации:

1. Терентьева Е.В. История категории перфектности русского глагола: монография / Е.В. Терентьева. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008. – 199 с.
2. Терентьева Е.В. Функционально-семантическая категория перфектности в древнерусском языке // Семантика древнерусского глагола: синхронно-диахронический аспект: коллективная монография. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2009. С. 27-54.

3. Терентьева Е.В. Индексированный словник к трилогии Е.А. Кулькина «Прощенный век»: Книга I «Крушение» / С.П. Лопушанская, Е.В. Терентьева, Е.М. Шептухина. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. – 424 с.
4. Терентьева Е.В. Языковое пространство полиэтнического региона: проблемы экологии: монография / М.В. Милованова, Е.В. Терентьева. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2011. – 292 с.

Третьякова Т.П. (Санкт-Петербург, Россия)

КОНЦЕПЦИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО МАНЕВРИРОВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ СОСТАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ПЕРЕВОДНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

Современное переводоведение связано во многом с изменениями в современном глобализованном пространстве, в котором проблематика культурной идентичности, включая политическую, сталкивается с гетерогенностью мира, и учетом разнообразных способов существования переводов. Интегративный характер передачи информации в коммуникативном пространстве создает функционально значение, экспрессивный потенциал которого определяется интенциональными приоритетами. Эти приоритеты предлагается определить с помощью концепции *переводческого маневрирования* устанавливающей роль переводчика-медиатора. Переводчик становится интерпретатором, который для достижения смыслов предлагает свои правила кодирования информации. В этом отношении, безусловно, видится связь между формой и способом восприятия, т.е. приоритетом создания определенной воздействующей силы передачи информации.

Воздействие определяется тремя основными компонентами, находящимися в постоянном взаимодействии, а именно, тематическим потенциалом текста, требований аудитории и способа презентации. *Тематический потенциал* определяется набором возможных интерпретаций контента ИЯ в ПЯ. Этот тип анализа проводится в типах пропозициональных интерпретаций и прежде всего с такими текстовыми категориями как цельность и связность. *Требования аудитории* – это тот тип медиального пространства, который связан с категориями восприятия, т.е. с учетом времени, места и выбранного кода. Концепция Ю.Найды, связанная с «функциональной эквивалентностью», представляется наиболее перспективной, поскольку позволяет учитывать культурные и психологические категории восприятия. Наконец, *способы презентации* – способы оптимального достижения риторического эффекта, т.е. использование разных кодов, обеспечивающих прагматические факторы воздействия, включая тональность ИЯ и ПЯ. Указанные три фактора существуют в неразрывной связи и выделены исключительно для определения понятия «переводческое маневрирование».

Создание переводного политического словаря, как представляется, также связаны с компонентами представленной концепции. Лексикографические принципы создания переводных политических словарей определяются тремя

кругами проблем – проблемами отбора общественно-политической лексики (ОПЛ), проблемой формирования устойчивых функциональных стереотипов и проблемой исчисления возможных интерпретаций.

На практике создание терминологических стандартов для системы ОПЛ оказывается почти недостижимым по целому ряду причин. Во-первых, сфера политической деятельности является чрезвычайно разноплановой. Упорядочить, систематизировать, описать, стандартизировать терминологические единицы даже с современными технологиями регистрации достаточно трудно, так как в отличие от номинации специальных областей профессиональной коммуникации в данной области учитывается прагматический фактор. Самые обобщённые области, связанные с терминосистемами – это общественная терминология, а также политическая и институциональная. Каждая из групп может получать дальнейшую спецификацию. Некоторые лексические пласты – гендерная терминология, термины, связанные с расовыми отношениями и вопросами иммиграции представляются активно развивающимися областями формирования терминов.

Во-вторых, в современном коммуникативном пространстве возникают клишированные сочетания, занимающие в политическом информационном пространстве особое место. Это может относиться к наиболее употребительным сочетаниям в политическом дискурсе. Например, сочетание *credit crunch* по данным Оксфордского словаря 2008 стало в Великобритании «словом года». Возникновение целого спектра сходных единиц (*budget crunch; global liquidity crunch; fiscal crunch etc.*) ставит перед лексикографом задачи ограничения презентации вариативных значений. В связи с развитием электронных способов презентации, можно представлять более широкий спектр вариантов значений. Но эти способы требуют учета информационного приложения словаря.

Третий круг проблем определяется активным процессом взаимодействия политических текстов и коммуникативной ситуации. Это процесс, предполагающий понятийно-мыслительное постижение объектов окружающего мира, в результате номинативной и коммуникативной деятельности. В этом случае учитываются требования аудитории, как например, в отношении использования языка политической корректности, особенно при интерпретации политических новостей. Сам политический текст может стать источником новых номинаций, которые составляют во многих случаях идеологическую составляющую значения. Например, использование косвенной номинации Эдварда Сноудена – *a high school dropout (CNN) computer analyst whistleblower (the Guardian) fugitive Snowden, fugitive former US security contractor, the computer contractor government leaker* – обогатился словарь общественно-политической лексики, с потенциалом идеологических импликаций. Из этого можно сделать вывод, что коммуникативный потенциал политического текста как источника ОПЛ определяется множественными видами интерпретаций, относящихся к разновидностям манипулятивных технологий.

Имиджевые публикации:

1. Translation maneuvering and speech stereotypes in Harold Pinter's plays// Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences . No 2 (2015, 8) P.300-307. Журнал Сибирского /федерального университета. Гуманитарные науки.
2. Проблемы составления переводного политического словаря // Материалы 43 международной филологической научной конференции 11-16 марта 2014. «Федоровские чтения» Актуальные проблемы переводоведения / под ред. Проф. В.И.Шадрина. – СПб., филологический факультет СПбГУ, 2014. С.104-109.
3. Коммуникативная семантика в словаре: современные тенденции регистрации.//Языки и культуры в современном мире: Материалы XI международной конференции. – М.,НОПриЛ, 2014. С.302-305.
4. Развитие речевого этикета в английском языке // Очерки по исторической прагматике германских языков / отв. ред. Г.А.Баева. – СПб: Изд-во С-Петерб. ун-та, 2012. С. 104-146.

Ульянова С.Б. (Санкт-Петербург, Россия)

ОТ ИСТОРИИ СССР К ИСТОРИИ РОССИИ: ОБРЕТЕНИЯ И ПОТЕРИ ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В современном обществе легитимация настоящего происходит на основе знания о прошлом. Интерпретации истории придают убедительность социальным, экономическим, политическим решениям в настоящем и используются для обоснования проектов будущего. Образы прошлого определяют поведение индивидов. Как отмечают историки И.М. Савельева и А.В. Полетаев, свод национальных побед и список национальных героев – основа конструирования национального характера и материал для воспитания национальной гордости, уроков патриотизма. Не случайно конструирование прошлого становится одним из средств в решении внутриполитических и идеологических задач, а также инструментом международной политики и дипломатии. Травмированное и дезориентированное массовое сознание, в том числе и в отношении исторического прошлого своей страны, – это один из сильнейших факторов подрыва национальной безопасности, способный привести к катастрофе.

Российская Федерация является «государством – продолжателем СССР». В этом качестве современная Россия «унаследовала» и историю Российской империи и Советского Союза. При этом очевидно, что Россия не равна Российской Федерации – ни географически, ни культурно. Она больше. Россия – это цивилизационная общность с великой историей.

Между тем, в последние годы в отечественных исторических исследованиях заметно сужение географических рамок до т.н. «истории территории в ее современных границах». Такой подход, когда в научных трудах и учебниках по истории России содержатся лишь отдельные упоминания о событиях в «национальных регионах» или факты «включения» («вступления», «воссоединения») того или иного государственного образования, территории и т.п. «в состав» Руси (Московского царства, Российской империи, СССР), неизбежно приводит к

упрощению исторического процесса, придает историографическому анализу «дискретный» характер.

Такой подход особенно опасен в условиях, когда распад СССР и формирование независимых государств привели к возникновению новых идеологических конструкций, новых национальных историй и, в том числе, к прорыву в систему исторического знания националистических концепций. Зачастую национальные историографии бывших союзных республик сводятся к «подсчету обид», культурно-историческому этноцентризму и пр. Все это способствует обострению националистических, антирусских настроений. Вопреки объективной исторической реальности и в противоречии с историческими источниками формируются новые национальные мифы. Историческая наука превращается в историческую политику.

Историческая политика проявляется, в том числе, и на законодательном уровне, когда парламенты принимают законы, закрепляющие ту или иную трактовку исторических событий как единственно верную. Так, например, принятый в 2006 г. на Украине «Закон о Голодоморе 1932—1933 годов» утверждает: «1. Голодомор 1932—1933 годов в Украине является геноцидом Украинского народа.

2. Публичное отрицание Голодомора 1932—1933 годов в Украине признается надругательством над памятью миллионов жертв Голодомора, унижением достоинства Украинского народа и является противоправным».

В Киеве, Тбилиси, Таллине, Риге, Ташкенте созданы музеи «советской оккупации», в которых весь советский период истории Украины, Грузии, Эстонии, Латвии, Узбекистана представлен как «черная дыра». В центре музейной экспозиции оказывается образ врага, в качестве которого предстает Россия. Как отметил Е. Финкель, политическая задача таких институций заключается в том, чтобы представить свою «титულную» нацию как жертву.

В последние годы российское общество и государство прилагают серьезные усилия по формированию общенациональной исторической культуры на основе объективного изучения, освещения и популяризации отечественной и мировой истории, сохранения национальной памяти. Этой цели способствует деятельность созданных в 2012 году Российского исторического общества и Российского военно-исторического общества.

Важную роль в формировании исторического сознания и исторической памяти играет утвержденная Президентом РФ В.В. Путиным в 2013 году Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории.

Главные критерии, которыми руководствовались историки при работе над концепцией, были следующими:

- все факты, формулировки и трактовки должны быть общепринятыми в научной среде;
- необходимо синхронизировать отечественную историю с мировой;
- учебник истории должен воспитывать в духе патриотизма (один из авторов концепции Ю.А. Петров подчеркнул, что такое воспитание не означает подачу истории как череду побед и триумфов России — нет, «любовь к родному

пепелищу» предполагает и рассказ о жестоких поражениях, трагедиях, кризисах).

Концепция единого учебника далека от прежней советской модели, когда присоединение к России или СССР того или иного народа рассматривалось исключительно как добровольное вхождение. В то же время для отечественных специалистов неприемлема и трактовка территориальной истории России как «колонизации» и «оккупации». Задача научной историографии заключается в преодолении сложившихся исторических стереотипов и политических спекуляций, порождающих конфликты, в формировании условий для рационального, добрососедского сосуществованию народов, долгое время входивших в состав одного государства.

Имиджевые публикации:

1. Стратегический партнерский диалог между Китаем и Россией: Современное состояние, проблемы и предложения. Beijing, Central Compilation & Translation Press, 2014. – 582 с. (коллективная монография, на кит. яз.).

2. Трудовой подвиг в патриотическом воспитании: переосмысление советского опыта // Патриотизм – феномен российской истории: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. И.Ю. Лапиной, С.Ю. Каргопольцева. – СПб.: СПбГАСУ, 2013. С. 341-346.

3. История русско-турецких отношений в оценке отечественных школьных учебников XX – начала XXI века // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Серия Гуманитарные и общественные науки. 2012. № 2. С. 86-91.

4. Год российской истории // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Серия Гуманитарные и общественные науки. 2012. № 1. С. 9-14.

Фесенко С.Л. (Москва, Россия)

КУЛЬТУРА РЕЧИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ

В контексте последних общественно-политических событий не вызывает сомнения актуальность проблемы гражданской идентичности и необходимость ее формирования у членов современного общества, что обеспечивает стабильность самого гражданского общества.

Понятие гражданской идентичности достаточно разработано современными отечественными исследователями в контексте различных научных парадигм.

Под гражданской идентичностью понимается, как правило, «осознание личностью своей принадлежности к сообществу граждан определённого государства на общекультурной основе», что сопряжено с оценкой своего гражданского состояния, предполагающего «готовность и способность выполнять сопряжённые с наличием гражданства обязанности»; помимо обязанностей гражданская идентичность предусматривает возможность «пользоваться гражданскими правами, принимать активное участие в жизни государства» и др. (А. Асмолов, Т. Водолажская, М. Юшин, Л. Дробизева и др.).

Гражданская идентичность, на наш взгляд, не равнозначна этнокультурной идентичности, ибо ее концептуальную основу составляют не национально-культурная самобытность, менталитет, этнические характеристики и культурная память, но скорее «гражданская позиция», солидарные взгляды на важные резонансные события, требующие от членов общества наличие определенной системы взглядов и убеждений, связанных не с этно-культурно памятью, но с исторической, политической, общественной установкой личности, с ее мировоззрением. Так, например, именно гражданская идентичность, но отнюдь не этно-культурная, служит консолидирующим фактором для участников политических демонстраций, военных конфликтов и др.

В рамках педагогической науки гражданская идентичность чаще всего понимается как:

- осознание индивидом своей принадлежности к сообществу граждан того или иного государства, основанной на базовых признаках гражданского общества и характеризующей его как коллективного субъекта;

- осознание тождественности собственной личности со статусом гражданина, личностная оценка своего гражданского состояния, готовность и способность выполнять сопряженные с данным гражданским статусом обязанности, принимать активное участие в жизни государства и др.

Формирование гражданской идентичности осуществляется различными институтами социализации (школой, общественными организациями, учреждениями дополнительного образования, культуры и спорта, средствами массовой информации и т.д.).

К числу базовых констант, определяющих концептуальную основу формирования гражданской идентичности, относятся, на наш взгляд, следующие:

- историческое прошлое («общая судьба»), придающее законность существованию данного государства, воспроизводящееся в его истории, общественно-политических теориях, гражданских символах (ср., Георгиевская лента, «спор» Украины по поводу князя Владимира – крестителя «Руси-Украины», «сакральность» Крыма для России и др.);

- самоназвание гражданского общества;

- общая политическая и правовая культура, построенная на определенном опыте совместной жизни и фиксирующая основные принципы взаимоотношений внутри государства, его институциональное устройство;

- переживание данным гражданским обществом совместных эмоциональных состояний, связанных в особенности с резонансными реальными ситуациями в стране;

- общий язык, являющийся средством коммуникации и условием выработки разделяемых обществом смыслов и ценностей.

Организованные кафедрой русского языка занятия по культуре речи со студентами медицинского ВУЗа направлены на формирование у обучаемых студентов их гражданской идентичности и на воспитания их активной жизненной позиции.

Реализация данной целевой установки обусловлена концептуальным наполнением учебных занятий, подбором учебных материалов, включающих со-

временные реалии гражданского общества, спецификой составления учебных заданий, а также использованием методически разнообразных современных форм проведения занятий по культуре речи (подиумов, форумов, «театра», проектов и др.), что в комплексе обеспечивает формирование основ гражданской идентичности студентов в рамках конкретного, реального общества.

Занятия по культуре речи, организованные в данном ключе, соотносятся с современной образовательной политикой государства, ибо формируемая на их основе гражданская идентичность является одним из цементирующих компонентов гражданского общества, служит основой консолидации общества, обуславливая таким образом стабильность существования самого государства.

Имиджевые публикации:

1. Янсен-Фесенко Т.А., Шестеркина Н.В., Фесенко С.Л. Специфика базовых концептуальных структур как отражение моделей этнокультурного сознания и вербальной памяти (на материале русских и немецких фольклорных текстов). Монография. – Саранск: Изд-во Морд.ГУ им. Н.П. Огарева, 2011. – 228 с.
2. Янсен-Фесенко Т.А., Фесенко С.Л. К проблеме этнокультурного сознания в интраэтнической среде // Реальность, язык и сознание: междунар. межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Н.В. Ушкова, Е.А. Кузьмина; ФГБОУ ВПО «Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина», университет г. Ольденбурга. Вып. 5. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011. С. 82-92.
3. «Взаимодействие языка и культуры: проблемы лингвокультурологии и прагмалингвистики». Выпуск 2: Коллективная монография; М-во образования и науки РФ, ФГБОУ ВПО Тамбовский гос. университет им. Г.Р. Державина, (колл. авт.). – Тамбов, Изд-во ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2013. – 328с.

Филимонова Г.И. (Санкт-Петербург, Россия)

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ВЛИЯНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕНИЯ

Исследование английского языка как языка-посредника между культурами является чрезвычайно важной задачей, поскольку язык - это ключ к культуре, а главной формой передачи этнокультурной информации является слово, лексическая система, позволяющая проводить обмен культурными сведениями. Этот лингвистический феномен требует особого рассмотрения не только в аспекте собственно лингвистических характеристик, особых универсалий, но и в аспекте отражения особенностей языков, носители которых используют английский язык для профессионального общения и/или обучения, а также когнитивных характеристик, картин мира и культур, отражаемых этими языками.

Особенности родных языков отражаются в английском языке международного общения (АЯМО) как в зеркале, при этом важно отделить устойчивые элементы английского языка, которые сохраняются, не испытывая интерференции, от специфических изменений лексики, морфологии и синтаксиса стан-

дартного английского языка, возникающих в результате влияния родных языков.

Нами было проведено исследование особенностей английского языка международного общения (АЯМО) в сфере науки на базе текстов по лингвистике, которые представляют собой монографии, учебные пособия, статьи, доклады, тезисы и аннотации. Авторами текстов являются ученые – представители разных стран мира, таких, как: Германия, Италия, Словакия, Венгрия, Румыния, Индия, Непал, Япония, Китай, Гонконг и др. Предметом нашего исследования являются лингвистические особенности АЯМО. В фокусе внимания - явления, связанные с отклонением от стандартного варианта английского языка, вызванные естественным процессом интерференции.

Анализ текстов выявил различные типы отклонений от нормы, которые можно распределить по следующим языковым уровням: лексический, морфологический, синтаксический.

Синтаксический уровень

Отклонения от нормы в синтаксисе текстов АЯМО наблюдаются в незначительном количестве на уровне словосочетаний, где можно встретить нарушение стандартного порядка слов.

Морфологический уровень

На уровне морфологии наиболее частотны случаи употребления активного залога, в тех случаях, когда носители английского языка предпочитают использовать *Passive Voice*.

Достаточно часто встречаются нарушения:

1) в использовании единственного и множественного числа имен существительных; 2) в употреблении артиклей; 3) при выборе части речи; 4) при выборе предлогов (зачастую не учитывается переходность/непереходность глагола).

Отклонения от стандартного варианта английского языка во всех перечисленных случаях на данном уровне явно указывают на различия в составе грамматических категорий и способах их выражений в разных языках.

Лексический уровень

Исследование выявило наибольшее число нарушений нормы при выборе лексических единиц для обозначения тех или иных понятий. В процессе анализа текстов АЯМО в области лингвистики встретилось огромное количество примеров такого рода нарушений. Однако, при более тщательном рассмотрении каждого конкретного случая появилась мысль о целесообразности учета авторских окказионализмов, которые нередко встречаются и в работах подобного рода, написанных носителями английского языка. Таким образом, от немалой доли примеров пришлось отказаться и, тем не менее, количество случаев отклонения от нормы на уровне лексики превышает показатели языковых уровней, описанных выше.

В большинстве случаев наблюдается неправильный выбор лексем, выражающих, по мнению авторов, именно те значения, которые они имели в виду. В силу особенностей своего исторического развития английский язык чрезвычайно богат синонимами. Наличие лексической синонимии ставит задачу правильного

выбора слов из синонимического ряда для определенного контекста. Кроме того, смысловая структура слова с одним и тем же значением в разных языках часто не совпадает, не совпадает и их сочетаемость. Этими факторами обусловлен, на наш взгляд, ошибочный выбор слов в приведенных выше примерах.

Нередко встречаются примеры окказионального словообразования (*formulised, entirety, groupations, markedness, passivised*).

Тем не менее, следует отметить, что в исследованных текстах практически не встречается такого рода нарушений или отклонений от норм стандарта, которые препятствуют пониманию смысла, содержания на уровне предложения, абзаца или текста. Несмотря на то, что пользователи английского языка международного общения (АЯМО) игнорируют некоторые характерные особенности английского языка, вызывающие трудности в процессе его освоения, это не влияет на взаимопонимание.

Фомина З.Е., Лавриненко И.Ю. (Воронеж, Россия)

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ФРЭНСИСА БЭКОНА КАК НОСИТЕЛЯ АНГЛИЙСКОГО КУЛЬТУРНОГО КОДА

В процессе философского обоснования онтологической природы рационалистических и сенсуалистических концептов Ф. Бэкон апеллирует преимущественно к реалиям, релевантным для *мировосприятия англичан* (вода, корабль, растения и т.п.), что отражает его специфику как носителя культурного кода, раскрывает как представителя английской культуры и как тонкого, глубокого мыслителя, умеющего разглядеть *multum in parvo* (многое в малом).

На основе изучения философского дискурса Ф. Бэкона, в частности, на материале его трудов («Опыты и наставления нравственные и политические», «Великое восстановление наук», «Новый Органон», «Новая Атлантида» и др.) была установлена богатая и разнообразная типология когнитивных метафор, посредством которых осуществлялась языковая категоризация исследуемых им концептов разума и чувства. Выяснилось, что к числу доминантных метафорических образов, отражающих сущностные смыслы *гносеологических, интеллектуальных и сенсуалистических* концептов в квантитативном отношении относятся, прежде всего, *гидронимические* метафоры (13 метафорических моделей из 20), апеллирующие к образам воды. Ср.: 1) *knowledge – river*; 2) *science – ebbs and flows*; 3) *knowledge/science – not (channel)*; 4) *knowledge/science – liquor, wine*; 5) *knowledge/science – water* и др.

Для Бэкона, как языковой личности, характерны особые ассоциативные связи, проявляющиеся в установлении онтологических параллелей между гносеологическими (абстрактными) конструктами и гидронимическими (физическими) сущностями («knowledge→river/flowing water»), вербализуемые в его языковой картине мира когнитивными метафорами. Глобальность, необозримость и динамика *человеческого знания* коррелируют с основными свойствами *воды* как одной из первостихий человеческого мироздания. Для Бэкона феномен «Вода» служит своеобразной *мерой вещей, эталоном для сравнения*, что

обусловлено его субъективно-личностными ассоциациями, индивидуально-авторской картиной мира, сформировавшимися под влиянием водных реалий Англии как морской державы, в том числе, культурным кодом английского этноса. Вода в философском дискурсе Ф. Бэкона представлена в *движении* (*flowing water, river*). Данный факт также обусловлен мировидением Бэкона как представителя страны с многообразными гидронимическими пространствами. Бэкон в «Опытах и наставлениях» утверждает: «главная задача заключается в том, чтобы вода [...] постоянно была в движении».

Ф. Бэкон зачастую использует в качестве метафорических образов *различные формы существования воды*. Вода представляется, как: 1) *географическая реалья*: *river, wave, ebbs and flows, channels*; 2) *экзистенциально-биологическая среда*: *[a liquor] strained*; 3) *гедонистическая сущность* (от греч. *hedone* – наслаждение), предназначенная для того, чтобы приносить человеку удовольствие: *crude liquor, wine*.

Одним из знаковых символов гидронимической сферы Бэкона является феномен «*Корабль*», который одновременно служит этнокультурным символом Англии. Небезынтересно, что на гравюре титульного листа первого и второго издания «Нового Органона» изображен *корабль* с поднятыми парусами, как бы символизирующий человеческий разум, стремящийся к познанию (http://krotov.info/library/02_b/ak/on_1_547.htm). Тема водной стихии сопровождает многие метафорические высказывания Ф. Бэкона. Ср.: «Книги – *корабли мысли*, странствующие *по волнам* времени и бережно несущие свой драгоценный груз от поколения к поколению (<http://www.inpearls.ru>)».

Продуктивными для английского философа являются и *образы растений*, которые также являются знаковыми для мировосприятия англичан (ср.: *знаменитые английские луга, парки, сады, газоны, культ цветов и растений* и т.п.). Известно, что Бэкон был страстным любителем-садоводом. Не случайно, что теме садов был посвящен отдельный раздел в знаменитых «Опытах и наставлениях» Ф. Бэкона. Английский философ называл занятие садоводством «поистине чистейшим из удовольствий человека». Он утверждал, что «ничто так не освежает душу; без садов все дворцы и прочие здания кажутся мертвыми». Великолепию построек Бэкон противопоставлял разведение красивых садов. Он полагал, что нет ничего более совершенного, чем сады. Как и подобает настоящему англичанину, Бэкон при рассмотрении сложнейших понятий и категорий философии обращается к *миру растений, миру флоры*, во многом питающей его глубокое воображение. Для репрезентации *гносеологических* концептов («*science*»), «*philosophy*», «*learning*») в философском дискурсе Ф. Бэкона приводятся метафорические образы *разных растительных реалий*. Так, при вербальной экспликации признаков *гносеологического* концепта «*science*» приводятся образы аграрных реалий: *growth, harvest, to mow down [the moss]*, а также образ фрукта – *apple*, что эксплицируют нижеприводимые метафорические модели: 1) *science - flourishing growth and harvest*; 2) *science - unprosperous growth and harvest*; 3) *science - [not] golden apples*; 4) *science - [not] the moss or the corn in blade*; 5) *science - harvest in its due season*. В целях категоризации содержания *гносеологического* концепта «*philosophy*» используются образы плодов (*grape*

and olive), образы колючих растений и их частей (*thorns and briers*), что отражено в следующих метафорических моделях: 1) *philosophy - fruits (grape and olive)*; 2) *philosophy - no fruits (barren)*; 3) *philosophy - thorns and briers (of dispute and contention)*. Процесс экспликации признаков *гносеологического* концепта «*learning*» осуществляется на основе ассоциативной связи с живыми/неживыми растениями, раскрываемый в следующих метафорических моделях: 1) *learning – a plant torn up from its roots*; 2) *learning – живое растение (a plant)*.

Науки представляют для Бэкона вегетативный процесс «созревания плодов», их *рост (growth)*, предполагающий интеллектуальные затраты человека, которые впоследствии должны проявиться в виде *урожаия (harvest)* - результата научного процесса.

Имиджевые публикации:

1. Фомина З.Е. Немецкая эмоциональная картина мира и лексические средства ее вербализации. – Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2006. – 336 с. (Монография).

2. Фомина З.Е. Эмоциональные концепты в русской, немецкой, австрийской и швейцарской художественной картине мира // Лингвоконцептология: перспективные направления (коллективная монография). Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко. – Луганск, Украина, 2013. С. 247-274 (соавторы: А.Э. Левицкий, О.П.Воробьева, В.К. Щербин и др.).

3. Fomina Sinaida. Metaphorische Naturrepräsentationen von Sergej Jessenin und Ingeborg Bachmann als Welterkenntnismittel unter dem Aspekt der Differenz und Universalität // Stimulus. Mitteilungen der österreichischen Gesellschaft für Germanistik: Sprache. Literatur. Erkenntnis. Herausgegeben von Wolfgang Hackl, Kalina Kupczynska & Wolfgang Wiesmueller. – Wien: Praesens Verlag 2014. S.234-252.

Dr Natalia Fritsler (Bochum, Germany)

CULTURAL DIVERSITY IN HIGHER EDUCATION

The doors of European universities are open to foreign students. Their number is growing every year. A mixed cultural group is nowadays an important factor – and also a challenge - of processes going on in the higher education community.

Foreign students studying in European Universities, while absorbing the new cultural ways, lean, in the first place, on their home values and attitudes. Therefore their own cultural background is a matter of great interest for all those involved in working with these new audiences, University professors, lecturers and teachers being the first to be mentioned. What is really important for foreign students? Which factors may determine success in their learning progress?

In order to answer some of these questions an attempt was made to initiate a cross-cultural study which started in 2011 when the basic questionnaire was developed. The research itself was carried out from 2012 to 2014 in 7 universities in 4 countries (Germany, Austria, Russia and partly South African Republic). In total

about 50 cultures are represented in the research. 632 questionnaires were collected and processed.

The main objectives of this research were to:

- Get a clearer picture of the new cultural environment in higher education
- Better understand the aspirations of modern students
- Compare the author's observations of higher education practices in different countries with those of other scholars (e.g. G. Hofstede in the Netherlands)

The three best represented cultures of the study were Russian, German and Afghan.

The study focused on a number of different issues dealing with:

- a) the role of University in the students' life,
- b) teacher – student relationships,
- c) attitudes to certain classroom activities and assessments, as well as some other questions.

One of the main issues in cross-cultural literature is the definition of cultural values which may be considered as a separate scientific problem. Based on a widely accepted understanding of value as a concept providing (for an individual) an internal reference for good and, in general, positive behavior cultural values are treated in a similar way for larger groups of people – ethnical minorities, nations and races.

Based on the above interpretation of 'value' it was assumed that the University itself (understood as an overall academic course leading to an academic degree and relevant professional qualification) should be treated as a key value for modern students. University provides them with knowledge, develops the necessary skills and prepares them for their future professional life. Research findings reveal different attitudes towards this main value across cultures.

Another important aspect of the study dealt with Teacher - Student relationships focusing on the following questions:

- a) how knowledgeable should a university teacher be?
- b) what is the preferred language of instruction (plain, clear or general guidance)?
- c) how open are students when disagreeing with the University teacher?
- d) who do the student's learning results depend on (University teacher, the student him/herself or both)?

Analysis of the students' attitudes towards classroom activities and organization of the teaching process included such issues as working in teams, knowledge presentation in textbooks, formats and types of assignments during the course.

Research findings did not only reveal different approaches to answering these questions in the cultures covered by the study, but also demonstrated tendencies con-

trary to the observations made by other scholars (for example, those made by G. Hofstede).

Publications (under the name of Gromova N.M.)

1. Громова Н.М. Деловое общение на иностранном языке. Методика обучения. – М.: Инфра-М; Магистр, 2010. – 285 с.
2. Громова Н.М. Внешнеторговый контракт / Contracts in Foreign Trade. 2-е изд., испр. – М.: Магистр, 2008. – 141 с.
3. Громова Н.М. Деловое общение. – М.: Экономистъ, 2005. – 134 с.
4. Громова Н.М. Переговоры как жанр устного делового общения в сфере межкультурной коммуникации // Вестник РУДН. Серия «Вопросы образования: языки и специальность». – М.: Изд-во РУДН, 2006. № 1 (3). С. 57-61.

Халяпина Л.П. (Санкт-Петербург, Россия)

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ДЛЯ ПРОДУКТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПОЛИКОДОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Сформировавшееся в условиях глобализирующегося мира коммуникативное пространство стало называться поликодовым в контексте теории речевой коммуникации, которая рассматривает код в качестве вербального орудия общения: «Код в речевой коммуникации – это тот язык или его вариант (диалект, сленг, стиль), который используют участники данного коммуникативного акта». В сложившихся условиях возникает необходимость в рассмотрении новых дидактических аспектов формирования особого типа языковой личности в процессе обучения иностранным языкам, которая бы эффективно решала вопросы продуктивной коммуникации с представителями различных лингвокультур.

В соответствии с теорией языковой личности Ю.Н. Караулова степень её сформированности определяется не степенью овладения языковой системой изучаемого языка, а степенью постижения концептуальной системы носителей изучаемой лингвокультуры, позволяющей проникать в ментальный мир ее представителей, исследуя их знание и понимание явлений окружающей действительности.

Исходя из поликультурного характера востребованной в новых условиях языковой личности, мы разработали теорию формирования поликультурной языковой личности, которую рассматриваем в качестве цели обучения иностранным языкам на современном этапе развития общества. В качестве общей характеристики поликультурной языковой личности может быть определена ее способность овладевать компонентами *концептуальных систем представителей разных языков и культур*. Однако, для того, чтобы понять сущность термина «поликультурная языковая личность», необходимо было исследовать вопрос о том, какими видами концептуальных систем должна владеть эта личность, какие компоненты должны быть в ней сформированы с тем, чтобы она могла легко перемещаться из одной концептуальной системы в другую, соотносить то общее и отличное, что есть между ними.

Главной компетентностью в структуре поликультурной языковой личности мы рассматриваем поликонцептуальную, предполагающую формирование способности и умений ориентироваться в концептосферах разных лингвокультур. Как известно, исследовать и овладеть концептосферами можно в процессе исследования составных элементов концептосферы – концептов, планом содержания которых как ментального национально-специфического образования является вся совокупность знаний о данном объекте, а планом языкового выражения совокупность лексических, паремических, фразеологических единиц, номинирующих и описывающих данный объект.

Изначально наше предположение базировалось на идее о том, что успех коммуникации зависит, прежде всего, от степени знания системы этнокультурных концептов, специфичных для данной контактирующей лингвокультуры, и правил перехода от концептосферы к семантической системе и владения нормами ее реализации. В соответствии с данным предположением ведущая роль в системе разработанных принципов формирования поликультурной языковой личности была отведена принципу познания и учета концептосфер носителей разных культур.

Однако в процессе исследования данного вопроса мы пришли к выводу о приоритетности формирования у студентов компетенции на уровне универсальных (а не этнокультурных) культурных концептов. Объяснения в данном случае могут быть даны следующие:

1. Специфические для той или иной лингвокультуры этнокультурные концепты (например, английские этнокультурные концепты: «дом», «свобода», «приватность», «честная игра», «сдержанность», «джентльменство», «наследие», «юмор», «здравый смысл») без каких либо проблем осваиваются студентами как на уровне понимания, так и на уровне способов языковой объективации.

2. Наличие в разных языках универсальных культурных концептов, которые, с одной стороны, свидетельствуют о наличии общих для всех культур элементов, обеспечивающих возможность взаимопонимания всех людей на общепланетарном уровне, с другой стороны, не означает их семантическую равнозначность в разных языках. Для разных культур могут быть характерны разные вербальные репрезентации и разные смысловые значения одних и тех же концептов. Данное положение оказывается достаточно сложным для студентов, которые используя английский язык в качестве средства межкультурной и поликультурной коммуникации, вкладывают в интерпретацию универсального культурного концепта то содержание, которое характерно для их родной культуры.

Соответственно одна из задач по формированию поликультурной языковой личности заключалась в разработке дидактического комплекса, направленного на формирование компетенции студентов в сфере установления и объяснения универсальных культурных концептов в разных языках на основе: 1) знаний о наличии культурных универсалий; 2) знаний о различном наполнении (выражении) культурных универсалий в различных культурах; 3) умений осуществлять анализ способов языковой объективации (репрезентации) уни-

версальных культурных концептов; 4) умений в процессе анализа языковых средств вычленять те общие значения концепта, которые характерны для контактирующих культур; 5) способности понимать причину сходств и различий между представителями разных лингвокультур. В результате проведенного исследования было доказано, что компетенция в сфере установления и объяснения глобальных (общечеловеческих) концептов в ситуации поликультурной коммуникации в первую очередь способствует продвижению на пути взаимопонимания между представителями разных культур.

Имиджевые публикации:

1. Интернет-коммуникация и обучение иностранным языкам. – Кемерово: изд-во «Кузбассвуиздат», 2005. – 210с.
2. Методическая система формирования поликультурной языковой личности. – Кемерово: изд-во «Кузбассвуиздат», 2006. – 225 с.
3. Характеристика образовательных ресурсов Интернет-среды и возможности их применения в профессиональной подготовке учителя // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 3. С. 150-153.
4. Разработка новой модели преподавания лингвистических дисциплин, ориентированной на формирование компетенций в сфере универсальных культурных концептов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. Т. 4. № 4. С. 198-201.

Хомякова Е.Г. (Санкт-Петербург, Россия)

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ ПАРАМЕТРЫ СОБЫТИЙНОЙ СИТУАЦИИ

В основе последующих рассуждений лежит положение, достоверность которого не подвергается сомнению и суть которого заключается в том, что способностью к номинированию наделено не только слово, но и более сложные знаковые образования, к числу которых относятся, например, предложение и текст. В русле данной парадигмы закономерным представляется признание номинативного потенциала у знаковых систем более сложной структуры. Так анализ языковой репрезентации события в дискурсивном пространстве неограниченной совокупности текстов, объединенных одной тематической составляющей представляется достаточно продуктивным и соответствует задачам антропоориентированой лингвистической парадигмы.

В рамках заявленной проблематики исследовались публицистические тексты, номинирующие социально и личностно значимые события в жизни англоговорящего социума и его репрезентантов, с применением семантико-синтаксического, когнитивно-семантического, дискурсивного и лингвокультурологического анализа.

История семантической ситуации как инструмента анализа фрагмента внеязыковой реальности, обозначаемой предложением/высказыванием хорошо знакома по работам Ч. Филмора. Как единичный текст, так и совокупность текстов, номинирующих событие, соотносятся с понятием семантической собы-

тийной ситуации. Под событийной ситуацией понимается фрагмент внеязыковой действительности, который номинируется текстами событийного макродискурса и представляет собой серию событий, связанных определенными предикативными и пространственно-временными отношениями. Событийный макродискурс репрезентирует событийную ситуацию как динамическую, открытую последовательность событий, которые определенным образом организованы по отношению к событию-ядру.

Исследование языковой объективации событийной ситуации в публицистических текстах позволяет выявить и описать ее пространственно-временные, причинно-следственные и, наконец, эмоционально-оценочные параметры. Каждый из текстов событийного кластера представляет собой синхронный статичный срез языковой репрезентации событийной ситуации, а совокупность текстов событийного кластера, развернутая во времени, позволяет выявлять и описывать своеобразие языковых средств, передающих развитие события в динамике. Так, например, для изучения своеобразия языка публицистического дискурса, посвященного такому событию как разлив нефти в Мексиканском заливе, были проанализированы тексты, поэтапно отражающие развитие данной событийной линии в течение года.

Несмотря на то, что типология события достаточно хорошо разработана в философской и лингвофилософской литературе, следует обратить внимание на возможность противопоставления его социальных и личностных параметров. Так событие, связанное, например, с разливом нефти в Мексиканском заливе, характеризует очевидная социальная тональность, что связано, как с его технологическим характером, так и последствиями, повлиявшими на экологию и другие сферы общественной жизни. Соответственно, были выделены такие событийно-тематические микродискурсы, как экологический, экономический, политический, юридический, медицинский, научно-технический, в которых место личности имеет не первостепенное значение. К подобному типу можно отнести также тексты, номинирующие природные катаклизмы или политические конфликты.

В тоже время лингвистическому анализу доступны публицистические тексты, которые номинируют события личностно-социального и личностного характера. К числу первых можно отнести, например, освещение в прессе бракосочетания принца Уильяма и рождение в его семье престолонаследника. Поскольку речь идет об известных публичных личностях, которые занимают высокое статусное положение, то подобные события возбуждают социальный интерес и вызывают эмоциональный отклик, что находит отражение в эмоционально-оценочной составляющей языка. Лингвистический анализ учитывает своеобразие языка представителей социальных групп различного статуса и степени близости к героям происходящих событий.

К разряду личностно-событийного дискурса можно отнести, например, автобиографии или тексты интервью с известными личностями по поводу событий, происходивших в их частной жизни, которые не оказали столь значимого влияния на общественное мнение. В процессе работы были проанализированы интервью с известной американской актрисой Анжелиной Джоли, в которых

она рассказывает о событиях, произошедших в ее жизни. Расположенные в хронологическом порядке они номинируют ее жизненное пространство, которое мы рассматриваем как макроконцептуальное событийное поле LIFE, сформированное на базе событийных концептов.

Важным в плане типологического подхода к понятию событие в этом случае стал процесс трансформирования события из личностного в социально-личностное. Если такие яркие, эмоционально окрашенные события из жизни актрисы как рождение или усыновление ребенка, получение премии носят явно личностный характер, то ее благотворительная деятельность, как и перенесенная операция, информацию о которой она преднамеренно сделала достоянием общества, имели широкий общественный резонанс, что нашло отражение в языковом пространстве текста интервью.

К числу наиболее значимых результатов проведенного исследования можно отнести выработку критериев для выделения и описания (1) социально-событийного, личностно-социально-событийного и личностно-событийного типов дискурса, (2) основных компонентов событийной ситуации и (3) языковых маркеров ее причинно-следственных и эмоционально-оценочных параметров.

Имиджевые публикации:

1. Хомякова Е.Г., Петухова Т.И. Лингвокультурология. Истоки и проблемы. –СПб., 2014.

2. Человек в языке как объект лингвистического анализа. Глава коллективной монографии. Язык человека. Человек в языке. Отв. ред. Е.Г. Хомякова. – СПб., 2012.

3. Лингвокультурологический аспект газетно-публицистического текста. Глава коллективной монографии (в соавт. с А.М. Гробицкой). Структуро-семантический анализ аутостереотипа *THE ENGLISH* в англоязычной картине мира. Глава коллективной монографии (в соавт. с А.В.Хан) // Лингвокультурология. Английские миниатюры / Отв. ред. Е.Г. Хомякова. – СПб., 2013.

4). Когнитивно-информационная ситуация как инструмент исследования познавательной функции языка. Глава коллективной монографии // Перцепция. Рефлексия. Язык / Отв. ред., Е.Г.Хомякова. – СПб., 2010.

Чемодурова З.М.(Санкт-Петербург, Россия)

ИГРА В ПОЛИКОДОВОМ ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В последние годы интересы лингвистов, философов, литературоведов все чаще устремляются к изучению «человека играющего». На данный момент в науке «достаточно осознан категориальный характер игры как одного из универсальных и сущностно характерных для человека видов его духовной и предметной деятельности» (Никитин). Все возрастающий интерес лингвистов к игре выражается в появлении ряда лингвистических исследований, рассматривающих семантику игры (Н. Д. Арутюнова, М. В. Никитин), а также анализи-

рующих одно из важнейших проявлений игровой деятельности – языковую игру (Гридина, Коновалова, Болдырева, Никишин и др.). В лингвостилистических и литературоведческих исследованиях последних десятилетий повышенный интерес к феномену игры связан с признанием особой роли «игрового начала» в постмодернизме, с возникновением так называемой «игровой поэтики» постмодернизма (Люксембург, Рахимкулова, Wilson; Hutchinson, Edwards и др.). Игра принадлежит к тем понятиям, которые немецкие исследователи обозначают термином *das stumme Wissen* (скрытое знание). Существуют сотни определений игры, однако, как отмечает, например, М. Спарису, ни одно из определений не кажется удовлетворительным. Этот факт заставил многих теоретиков или вовсе отказаться от попыток определить игру, или «определить» ее как логический «парадокс», согласно которому «никакой класс не может быть членом самого себя» (Бейтсон). Другой путь предложен Людвигом Витгенштейном, который рассматривает игру как понятие «семейного сходства» (*family-resemblance concept*). В современных исследованиях широко распространен так называемый «дескриптивный метод», согласно которому С. Миллер описывает игру «не как имя определенного вида деятельности, и не в связи с сопровождающим ее настроением, но, выделяя, как и при каких условиях совершается действие».

Сложность концептуализации игры заключается, видимо, в том, что игра обладает онтологической амбивалентностью, выступая одновременно и как объективное явление, и как субъективная деятельность. Онтологическая двойственность игры выражается не только феноменологически, как соединение объективности и субъективности, но и эпистемологически, как сочетание реальности и ирреальности, или истины и вымысла. Представляется, что именно эта двойственная природа игры объясняет значимость данного понятия для современной науки, имеет непосредственное отношение к искусству и, в частности, к литературе, и играет немаловажную роль в поликодовом пространстве современной культуры.

Постмодернистский художественный текст, который организован как сложнейший палимпсест благодаря «фрагментам, содержащим интертекстуальные, интермедийные, полидискурсивные включения» (Владимирова), очень часто представляет собой так называемое поликодовое образование, под которым подразумевается «смысловое целое, возникающее между изобразительными/визуальными и вербальными знаками» (Чернявская). Введение в текст многими постмодернистскими авторами (К. Воннегут, М. Атвуд, Д. Кутзее, Д. Бартельми) забавных иллюстраций своих произведений, использование разнообразных типографических приемов (различные шрифты, необычная форма) усиливают эффект игровой условности текста. Среди основных функций визуального компонента таких поликодовых (полимодальных) текстов можно назвать следующие: 1. Создание механизма визуализации сюжетного времени, его замедления и дискретности. 2. Повествовательная фрагментарность, затрудняющая осуществление поверхностной связности текста. 3. Моделирование «латентного гипертекста», предполагающего различные способы прочтения текста. 4. Комический эффект, способствующий повышению «коэф-

фициента» (И. Р. Гальперин) игровой модальности постмодернистских художественных текстов.

Имиджевые публикации:

1. Рефлексивная игра в современном художественном тексте. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. – 120 с.

2. Игра в постмодернистском художественном тексте. – СПб.: Палитра, 2013. – 390 с.

3. Прагматические и семантические аспекты фикциональной игры // Известия Российского Государственного Педагогического Университета им. А. И. Герцена, №171. – СПб., 2014. С. 100-108.

4. Игровая модальность художественного текста: к постановке проблемы//Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. №9 (39): в 2-хч. Ч. II. С.192-195.

Чухарев-Худилайнен Е.М. (Эймс, США)

ФОРМИРУЮЩАЯ ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ НА ОСНОВАНИИ АВТОМАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СТУДЕНЧЕСКИХ ЭССЕ)

Технологии автоматической обработки текста активно используются для холистического оценивания текстов, создаваемых студентами при изучении английского языка как иностранного. В последнее время фокус прикладных лингвистических исследований и разработок в данном направлении расширился и стал включать также автоматическую генерацию формирующей обратной связи для обучаемых. Тем не менее, большинство существующих систем, предлагающих формирующую обратную связь (например, система Criterion, разработанная Educational Testing Service, США), представляют собой адаптацию алгоритмов холистической оценки текстов, разработанных первоначально для применения в крупномасштабном языковом тестировании. Так, Criterion использует алгоритмы e-rater, применяемые в рамках своего основного назначения для автоматической оценки «письменных» компонентов тестов TOEFL и GRE. Исследования показывают, что обратная связь, генерируемая подобными «адаптированными» системами, помогает повысить качество конкретного текста, который создаётся при поддержке данных систем. Тем не менее, такие системы не приводят к улучшению языковой компетенции обучаемых в долгосрочной перспективе. В частности, эксперименты показали, что обучаемые игнорируют большую часть обратной связи, что может быть связано с когнитивной перегрузкой, возникающей при одномоментном восприятии большого объёма информации. Кроме того, статистические модели, хорошо зарекомендовавшие себя в задачах языкового тестирования, оказываются мало пригодными для генерации формирующей обратной связи.

Таким образом, актуальной становится задача создания такой автоматизированной системы, которая бы была специально ориентирована на продуцирование психолингвистически и лингводидактически обусловленной формирую-

щей обратной связи для обучаемых, а не на холистическую оценку текста. Подобная система разработана исследовательским коллективом в Государственном университете штата Айова под руководством автора настоящего доклада. Теоретическим базисом системы служат психолингвистические модели овладения вторым языком. В настоящем докладе показано, как учёт данных моделей позволяет спроектировать систему таким образом, чтобы формирующая обратная связь транслировалась в долгосрочное научение навыкам академического письма на иностранном языке. В частности, в докладе рассматриваются компьютерно-лингвистические и лингводидактические подходы к разработке системы в части автоматического анализа грамматической правильности текста, а также представлены оценки качества данного анализа в отношении четырёх частых типов грамматических ошибок: (1) ошибки в употреблении артиклей; (2) ошибки в употреблении квантификаторов; (3) ошибки согласования подлежащего и сказуемого; (4) ошибки соединения независимых клауз в сложносочинённом предложении. Качество автоматического анализа, производимого данной системой, сопоставляется с результатами, полученными для системы Criterion. В качестве «золотого стандарта» использован корпус студенческих эссе, размеченный вручную.

Результаты проведённого исследования показывают, что методом выбора при создании систем автоматического анализа текстов может служить комбинация статистического морфосинтаксического анализа и основанной на правилах идентификации грамматических ошибок. Так, нами показано, что статистический морфосинтаксический анализ сохраняет приемлемую устойчивость несмотря на аграмматичность анализируемых текстов. Система эксплицитных формальных правил, в свою очередь, позволяет надёжно классифицировать ошибки и генерировать адекватную формирующую обратную связь для обучаемого. Продуктивным также представляется решение, состоящее в дозированном предъявлении обратной связи как параллельно с процессом написания и редактирования текста, так и эпизодически, то есть по окончании подготовки очередного черновика эссе. Ключевую роль в данном решении играет численное моделирование как обучаемого, так и обучающих воздействий. Исследованием установлено, что точность работы описываемой системы превышает точность существующих коммерческих систем, что создаёт условия для широкого внедрения разработки в практику преподавания академического письма студентам, для которых английский язык не является родным.

Имиджевые публикации:

1. Chukharev-Hudilainen, E., & Klepikova, T. A. (in press). The effectiveness of computer-based spaced repetition in foreign language vocabulary instruction: a double-blind study // *CALICO Journal*.

2. Chukharev-Hudilainen E., & Saricaoglu A. Causal discourse analyzer: improving automated feedback on academic ESL writing // *Computer Assisted Language Learning*, (ahead-of-print), 2014. Pp. 1-23, DOI: 10.1080/09588221.2014.991795.

3. Chukharev-Hudilainen E. Pauses in spontaneous written communication: a keystroke logging study // Journal of Writing Research, 6 (1), 2014. Pp. 61-84.

Шадрина Н.А. (Санкт-Петербург, Россия)

НОРМА КАК КОМПОНЕНТ КУЛЬТУРНОГО КОДА ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Структура языковой личности состоит из нескольких уровней: *вербально-семантического*, предполагающего владение языком; *прагматического*, включающего цели, мотивы, интересы, установки; *когнитивного*, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее систематизированную картину мира, охватывающую её интеллектуальную сферу.

Когнитивная деятельность языковой личности предполагает, помимо всего прочего, соизмерение сущностей в соответствии с масштабом знаний, представлений, системой научно-культурных ценностей и стереотипов, определяемых нормативными установками определённого общества. Норма как категория сознания присуща любой культуре. Правовые нормы санкционируются властью государства, его законами. В обществе существуют нормы моральные – форма нравственных требований, регулирующих поведение людей посредством общих предписаний и запретов, распространяющихся на однотипные поступки. В отличие от правовых норм моральные нормы регулируются не властью государства, а силой обычая и общественного мнения, они формируются в нравственном сознании общества стихийно, а не в результате изданного закона. Этические нормы теоретически обосновывают нравственные принципы и идеалы, рассматривают проблемы смысла жизни, назначения человека, содержание добра и зла, морального долга.

Культурологические особенности понятия «норма», как и всех других понятий, можно осмыслить через его определение средствами национального языка. В английском языке *norm* – the usual or normal situation, way of doing something; *norms* – generally accepted standards of social behaviour. Следовательно, основными категориями концепта норма в английском языке, как и во многих других языках мира, например, в русском, являются «обычность», «стандарт». Однако стандарты могут меняться, а понятие меры и нормы остаётся неизбывным. Показателем нормы служит мера, всё чрезмерное не нормативно.

Исследования нормы как категории сознания, отражённой в семантике языковых единиц, осуществляется во взаимодействии лингвистики с философией и модальной логикой в трёх аспектах: как основание оценки (логико-философский аспект), как одна из составляющих модальной рамки (прагматический аспект), как основной элемент семантических категорий оценки, градуальности, интенсивности, предельности, параметричности. Следовательно, норму в культурном коде языковой личности можно рассматривать как «зонтичное» когнитивное понятие, определяющее функционирование нескольких

семантических категорий: оценки, параметричности, градуальности, интенсивности, модальности.

Многофункциональность нормы в лингвистике позволяет выделять её разновидности, например, норму аксиологическую и норму параметрическую. В области аксиологических понятий норма совпадает с позитивной частью, а отклонение от нормы соотносится с отрицательной частью аксиологической шкалы. Параметрическая норма представляет собой срединную часть шкалы развития процесса явления, признака, а несоблюдение нормы связано с двумя полюсами: «недостаточно» и «слишком». Несоблюдение параметрической количественной нормы возникает как вследствие её не достижения (мало), так и вследствие превышения (много). Количественный аспект семантики нормы предполагает измерение параметров предмета нормативной оценки. Норма характеризуется как нулевая система измерения по шкале градаций. В зависимости от предмета оценки можно говорить о физической (объективной) норме, с одной стороны, об утилитарной, этической, эстетической, логической, социальной, религиозной и других нормах – с другой. Физическая норма устроена «среднестатистически», её предмет обладает свойством градуируемости, а нефизические нормы имеют «идеальный характер», это эталоны, образцы, «абсолютные идеи вещей».

Аксиологическая норма как категория культурного кода языковой личности является существенным компонентом её когнитивной деятельности, так как она определяет нормативные признаки объектов картины мира. Существенным является то, что при этом языковая личность определяет также ценностную принадлежность этих объектов. Это определение осуществляется путём сравнения отражаемого объекта с прошлым опытом на основе определённых ценностных моделей, построенных на нормах и стандартах. Оценка как установление ценностного свойства объекта – это установление его соответствия с «идеализированной моделью», она отражает соответствие или несоответствие ценностным критериям. Когнитивная категоризация ценностной картины мира предполагает мыслительное соотнесение объекта или явления с определённой ценностной (аксиологической) категорией. Кроме того, отношение языковой личности к объективному миру подразумевает не только оценивание этого мира, но и формирование её мироощущения по определённой оценочной шкале. Представление о норме как разновидности оценки, то есть как об особом роде отношений между мыслью и действительностью, уже давно было отмечено в логике. Эта идея подтверждается прежде всего тем, что ситуация определения ценности и ситуация определения нормы языковой личностью имеет одни и те же компоненты: 1) субъект оценки (он же является и субъектом определения нормативности); 2) предмет оценки (он же является предметом установления нормативности); 3) основание оценки (оно представляет собой норму или стандарт).

Параметрическая норма в культурном коде языковой личности является основанием для осмысления пространственных и параметрических понятий, для параметрической категоризации и концептуализации картины мира. Эта норма может свидетельствовать как об универсальных характеристиках, осно-

ванных на общности человеческого мышления, так и об уникальности, особенности национального менталитета и культуры.

Шаповалова Н.Г. (Саратов, Россия)

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В СОВРЕМЕННОЙ АНИМАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛНОМЕТРАЖНЫХ ФИЛЬМОВ «АЛЕША ПОПОВИЧ И ТУГАРИН ЗМЕЙ», «ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ И ЗМЕЙ ГОРЫНЫЧ», «ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИК», «ИВАН ЦАРЕВИЧ И СЕРЫЙ ВОЛК», «ИВАН ЦАРЕВИЧ И СЕРЫЙ ВОЛК 2»)

Традиция активного использования языковой игры как языковой неправомерности (или необычности), намеренно допускаемой говорящим (пишущим), в отечественном анимационном искусстве восходит к «сталинской» мультипликации. Ее установка на экранизацию большой литературы привела к приходу на студию «Союзмультфильм» известных поэтов, писателей и драматургов: Е.Л. Шварца, С.Я. Маршака, К.И. Чуковского, С.В. Михалкова, М.Д. Вольпина, Н.Р. Эрдмана, Ю.К. Олеши, В.Г. Сутеева, Л.А. Кассиля и мн.др.

В современной отечественной мультипликации эту традицию поддерживают сценаристы студии анимационного кино «Мельница», созданной в Санкт-Петербурге в середине 90-х годов прошлого столетия. К наиболее значимым проектам этого творческого объединения следует отнести «Богатырский цикл» и истории о приключениях Ивана Царевича и Серого Волка, сценарии которых созданы по мотивам русского фольклора.

«Богатырский цикл» включает полнометражные анимационные фильмы «Алеша Попович и Тугарин Змей» (2004), «Добрыня Никитич и Змей Горыныч» (2006), «Илья Муромец и Соловей Разбойник» (2007), «Три богатыря и шамаханская царица» (2010), «Три богатыря на дальних берегах» (2012) и «Три богатыря. Ход конем» (2015), сюжеты которых основаны на киевском цикле русских эпических народных былин. В отличие от них, мультфильмы «Иван Царевич и Серый Волк» (2011) и «Иван Царевич и Серый Волк 2» (2015) отсылают зрителя к русской народной волшебной сказке. Однако, несмотря на различные источники, режиссеров и сценаристов, их объединяет неповторимая языковая тональность мультфильмов студии «Мельница», которую создает и поддерживает целый комплекс игровых приемов.

В мультипликационных фильмах «Алеша Попович и Тугарин Змей», «Добрыня Никитич и Змей Горыныч», «Илья Муромец и Соловей Разбойник», «Иван Царевич и Серый Волк» и «Иван Царевич и Серый Волк 2» речевой комизм многолик и многофункционален.

С одной стороны, обыгрывание графической формы слова выполняет здесь сюжетообразующую функцию. Так, первый мультфильм «Богатырского цикла» – «Алеша Попович и Тугарин Змей» – начинается с орфографических ошибок в летописи: *Век стоит Русь – не шатается. / И века простоит – не шолох... / не шилох...* С досады ослик Моисей рвет пергамент, и зрители становятся свидетелями первого приключения Алеши, которое завершается написанной без

ошибок фразой *Век стоит Русь – не шатается. / И века простоит – не шелохнется*. Каламбуры способствуют развитию сюжета мультфильмов «Иван Царевич и Серый Волк» и «Иван Царевич и Серый Волк 2», т.к. создают многочисленные смешные ситуации, в которых оказываются главные герои (Волк: *Варвара Краса – Длинная Коса? О! А где коса?* / Баба-Яга (достаёт изогнутый нож на длинной рукоятке): *Вот коса!*).

С другой стороны, игровые приемы вербализуют уникальные характеры действующих лиц, переживаемые героями эмоции. Так, контаминация вербализует недоумение (Алеша: *Тихон! Буль-бульбабуля!*), а эллипсис – гнев (Царь: *Чтоб после этого у меня никто не смог! И никогда!*). Окационализмы отражают их доброту (Илья Муромец: *Бурушка! Князюшка!*) или хитрость (Князь: *Счастливой дороги, Добрынюшка; Коня твоего, Бурушку, Косматушку, сокола нашего, увел!; Так нежели я обидел кого? Только за сохранение свою дольку взял!*; Министр: *Рад вас видеть, ваше темнейшество!*; Министр: *Кто продолжит твои начинания и закончит твои продолжения?*). Каламбуры передают юношескую наивность (Алеша Попович: *Я боюсь серьезных отношений?! Да я в зеркале сам себе не улыбаюсь, потому что серьезный такой!*) или проницательность (Волк (о министре, который прячется в темной комнате): *Ох, темная личность!*). Эвфемизмы говорят о беспринципности (Князь: *Что хочу, то и ворочу!.. То есть действую в интересах державы*; Илья: *Решил моими руками дела свои потрафить?! / Князь: Не свои, а государственные!*), антифразис – ироничном мировоззрении (Ростовчанин (об Алеше): *Непутевый вернулся!* / Юлий (Алеше): *Да... Тебя здесь уважают...*; Черномор: *Нет! Ни за что! Это зло!* / Летучая мышь: *А за дверью – добро с кувалдой!*).

Языковая игра жанрово-ролевыми нормами речевого взаимодействия, активно привлекаемая сценаристами «Мельницы», основана на намеренном сочетании традиционных языковых средств русского фольклора (сказочных формул, устаревших слов, обращений в исчезнувшем звательном падеже) с элементами просторечия, арготизмами (Князь: *А знаешь, че братва рассказывает?*; Царь: *А че это она плачет?* / Министр: *Может быть, от радости?* / Царь: *Че-то слишком сильно она радуется...*), заимствованиями (Юлий: *Мне нужен кредит. У меня большие связи*; Аленушка: *Деспот!* / Князь: *Я все слышал!*; Василиса: *Деспот! Волонитарист!* <...> *Тиран!*; Министр: *Царь, позволь с тобой конфиденциально перемолвиться!*). Их дополняет использование клише делового и публицистического стилей речи (Князь: *Князь: Уважаемые бояре! Сегодняшнее вече окончено. О дне следующего заседания будет объявлено заранее*; Аленушка: *Как вы прокомментируете отставку Ильи Муромца?* <...> *Каковы будут ваши дальнейшие действия?*; Иван: *А ты – избалованная золотая молодежь!*).

Использование прецедентных имен (Царь: *Методика отработана бароном Мюнхгаузеном*), высказываний (Колыван: *А теперь – горбатый! Я сказал «горбатый»!*; Волк: *Короче, citius, altius, fortius. То есть человек разумный*), текстов (Волк: *Там же помните: один серый, другой белый, два веселых волка. Ну, жили у бабуся*) вписывает мультфильмы «Мельницы» в контекст мировой культуры, превращая их в шедевры Постмодерна.

Таким образом, сценаристы не только поддерживают традицию использования языковой игры в мультипликации, но и обогащают ее новыми приемами, создают уникальный язык анимации XXI века, в котором опыт предшественников осмысливается в духе искусства Постмодерна.

Имиджевые публикации:

1. ОРФО-арт: карнавальное общение в виртуальной реальности // Жанры речи: Сборник научных статей. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2007. Вып. 5. Жанры и культура. С. 403-411.
2. Модельная личность конфликтного ведущего телевизионного ток-шоу // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, 20-23 марта 2010г.): Труды и материалы. – М.: Изд-во Моск. ун-та. С. 765-766.
3. Вербальные агрессоры массмедиа: Модель конфликтной языковой личности участника массмедийного дискурса (на материале радио, телевидения и Интернета). – Saarbrücken: LAM Lambert Academic Publishing, 2011. 200 с.
4. Языковая игра как средство создания лингвокультурного типажа (на материале романа Д. Быкова «ЖД») // V Международный конгресс «Русский язык: исторические судьбы и современность»: Труды и материалы (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, 18-21 марта 2014). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. С. 453-454.

Шимберг С.С. (Санкт-Петербург, Россия)

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В РАМКАХ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОГО ЭЛЕКТРОННОГО УЧЕБНОГО ПРОЕКТА

С 2012 года в Ленинградском государственном университете имени А.С. Пушкина осуществляется электронный учебный проект совместно с Университетом штата Нью-Мексико (г. Альбукерке, США) по обучению межкультурной коммуникации. В проекте участвуют студенты, обучающиеся на факультете иностранных языков ЛГУ имени А.С. Пушкина по направлению «Лингвистика» (профиль «Перевод и переводоведение», английский язык) и студенты Университета штата Нью-Мексико, изучающие русский язык и культуру.

Главной целью проекта является формирование у участников межкультурной компетенции, т.е. совокупности знаний, навыков и умений, позволяющих адекватно оценивать ситуацию межкультурной коммуникации, использовать вербальные и невербальные средства, воплощающие коммуникативные намерения, и получать результаты коммуникативного взаимодействия в виде обратной связи.

Проект под общим названием «Россия и Америка сегодня» предполагает совершенствование всех компонентов иноязычной коммуникативной компетенции, поскольку в рамках курса студенты вовлекаются во все виды речевой деятельности на изучаемом языке (чтение, аудирование, говорение и письмо) и вступают в реальную межкультурную коммуникацию с американскими колле-

гами, общаясь друг с другом напрямую в специально созданной для этого группе в социальной сети «В Контакте».

Содержание курса представлено в виде четырех тематических модулей: 1) российско-американские отношения: история и современность; взаимные стереотипы; 2) коммуникативное поведение русских и американцев; 3) социальные отношения в российской и американской культурах; 4) глубинные культурные ценности как основа различий.

Материалами занятий служат учебники по межкультурной коммуникации на русском и английском языках, научные статьи по лингвистике, прагматике, истории, философии и культурологии, газетно-публицистические тексты с сайтов российских и американских СМИ, кинофильмы.

Главной формой проведения аудиторных занятий является дискуссия. Студенты заранее знакомятся с материалом по теме (статьей, разделом учебника, фильмом, Интернет-сайтом), который затем представляют на занятии, высказывая свое мнение по поводу затронутых в материале проблем. Иницируется общее обсуждение темы и ее значимости для американо-российской межкультурной коммуникации, при этом преподаватель (действуя скорее как тренер, медиатор) не дает ответов на поставленный вопрос, а только задает новые уточняющие вопросы, стимулирующие групповую активность, вовлекая всех участников. Приветствуются конкретные примеры из личного опыта студентов, что позволяет реализовать принцип осознаваемости и переживаемости, столь важный для межкультурного обучения. Этому же способствует и кейс-стади, то есть анализ на занятии конкретной проблемной ситуации из жизни.

В ходе проекта активно реализуется и такой важный принцип межкультурного обучения, как принцип этнографичности. Студенты получают задания по сбору фактов и мнений непосредственно у представителей другой культуры, они имеют возможность уточнять культурные коннотации слов и получать объяснение значимости культурных явлений из первых рук.

Значительное внимание уделяется обучению в соответствии с принципом познания и учета культурных универсалий. Студенты узнают о разном отношении в обеих культурах к таким универсалиям, как время, дружба, гостеприимство, социальные роли и взаимоотношения полов, уважение к старикам и пр. Они также учатся осознавать плюсы и минусы обоих подходов и воздерживаться от оценок культурных норм как «правильных» и «неправильных», «хороших» и «плохих».

Обсуждение тем каждого блока заканчивается написанием эссе, а по окончании всего курса студенты проводят мини-исследование по выбранной теме с обязательным обсуждением этой темы на страницах Интернет-форума.

Результаты осуществляемого совместного проекта высоко оцениваются как преподавателями, так и самими обучающимися, которые отмечают, что почерпнутые знания значительно расширили их культурный кругозор, открыли им глаза на причины различий в поведении и взглядах на мир русских и американцев. По признанию студентов, приобретенные знания и опыт межкультурного общения повышают их готовность к предстоящим межкультурным контактам, снижая уровень тревожности и неопределенности.

Вместе с тем, необходимо признать трудности, с которыми мы столкнулись в ходе осуществления проекта. Несмотря на то, что обучающиеся осознали и критически оценили многие собственные стереотипы, оказывающие влияние на процесс межкультурной коммуникации, совершенно очевидно, что мы не вполне преуспели в корректировке этих стереотипов (например, выяснилось, что у одного из российских участников существуют предубеждения против афроамериканцев). Стереотипы, являясь глубинными когнитивными конструктами, тяжело поддаются воздействию, но тот факт, что студенты смогли воспринять и в какой-то степени прочувствовать иную систему ценностей, вселяет надежду на то, что им удастся, в конце концов, пересмотреть свою. Формирование эмпатии оказалось самой сложной задачей. Другими трудностями психологического свойства стали единичные случаи отказа обучающихся от контакта. Помимо лени и стеснения озвучивать свое мнение «на весь мир», среди причин была и психологическая несовместимость коммуникантов.

В целом, необходимо подчеркнуть важность подобных совместных проектов для обучения межкультурной коммуникации, поскольку они дают доступную возможность обучающимся воплотить на практике полученные теоретические знания и умения. Прямые контакты представителей разных культур, и особенно российской и американской, – ценнейший способ достичь большего взаимопонимания и сближения между народами.

Имиджевые публикации:

1. Шимберг С.С. Лингвокультурема как объект перевода // Университетское переводоведение. Вып. 10: Материалы X международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения», 23-25 октября 2008 г. – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 595-603.

2. Шимберг С.С. Роль прецедентных феноменов в кинотексте: аспект перевода // Взаимодействие мыслительных и языковых структур: собрание научной школы: материалы Всероссийской научной конференции 28 мая 2010 г. / отв. ред. Н.Н. Болдырев; М-во обр. и науки РФ, Тамб. регион. отд-ние общерос. обществ. орг. «Росс. Ассоц. Лингвистов-когнитологов». – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. С. 249-253.

3. Шимберг С.С. Гендерно маркированная концептуализация в аспекте кросс-культурной коммуникации // Когнитивные исследования языка. Выпуск 11. Международный конгресс по когнитивной лингвистике. 10-12 октября 2012 г. Сборник материалов. – Москва-Тамбов, 2012. С.548-552.

4. Шимберг С.С. Оценивание учебного письменного перевода студентов, обучающихся по дополнительной специальности «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Научный журнал. №1. Том 7. Филология. – СПб., 2014. С.191-199.

РЕЧЬ И МУЗЫКА – ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

Многие музыковеды и композиторы прямо указывают на родство музыкальной и речевой интонации. Более того, Б.В. Асафьев и другие исследователи считают, что интервалы стали своего рода переходным звеном от речи к музыке. Постулируя, что интервал является для музыкальной системы основной единицей, мы стали искать основную единицу в системе языковой. Такой единицей, на наш взгляд, является семифинитив.

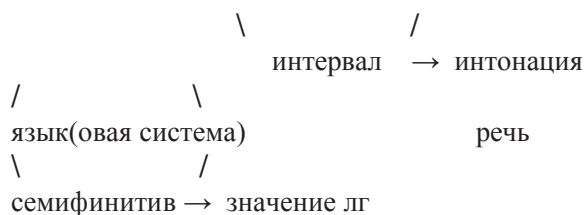
Понятие семифинитива, введенное в лингвистику И.И. Ревзиным несколько десятилетий тому назад, оказалось весьма продуктивным для развития идеи двухчастности, высказанной в 1993 году в СПбГЭТУ «ЛЭТИ». Согласно этой идее, любой член предложения, построенный на глагольной или субстантивной единице, представляет собой двухчастную структуру и состоит из семифинитива и уточнителя (прауточнителя).

Музыкальная система превращается в музыку посредством интонации; языковая система превращается в речь также посредством интонации. Интонация роднит музыкальную и языковую системы друг с другом. Музыка и речь объединяются интервалом, а разобщаются семифинитивом; и интервал, и семифинитив имеют сходную физическую природу с той разницей, что интервал генерируется на уровне классической физики, а семифинитив – на уровне квантовой физики (преобразование семифинитивов может происходить и на уровне классической физики). В этой связи не приходится говорить о семиотическом характере музыки – семантические знаки в ней отсутствуют, а присутствуют лишь в глоссе – языке и речи. Семантика оказывается прерогативой квантового мира, недоступного для музыкальной системы. Интервал может быть использован для создания мелодических и гармонических фигур, но в этих фигурах не будет лексического или даже грамматического значения; подобие некой организации возникает лишь на уровне музыкального текста. Здесь снова работает физика, различая для нас устойчивые и неустойчивые ступени лада и завершая последнюю музыкальную фразу, как правило, на тонике. Семифинитив же используется для создания морфологических и синтаксических фигур, в них присутствуют лексические и грамматические значения, а организация возникает уже на уровне предложения. Физика работает и на уровне предложения, и, пожалуй, на уровне языкового текста, хотя последнее не столь очевидно. Чрезвычайно перспективным для разработки физической теории текста могло бы явиться сопоставление темы с тоникой в качестве своего рода устойчивой ступени языкового текста. Тогда особенности организации текста получили бы более точное объяснение, и, возможно, могли бы быть формализованы в алгоритмических моделях.

Нам представляется, что музыкальная система и музыка, языковая система и речь в их соотношениях с интонацией и лексико-грамматическим значением могут быть изображены следующей схемой:

музыкальная система

музыка

Интонация, присущая речи, имеет музыкальную природу – музыкальная система, генерируя интервал, наделяет речь интонацией. Лексико-грамматическое значение, также присущее речи, имеет языковую природу – языковая система, генерируя семифинитив, наделяет речь лексико-грамматическим значением. По сути, речевая интонация (а равно, и музыкальная) являются своего рода значениями, но не семиотического толка, а сугубо ментального. Интонирование может содержать в себе некие значения и даже некий смысл, но эти значения и смысл будут очень далеки от лексико-грамматических, семиотических значений и смысла. Интервал значительно проигрывает семифинитиву своей причастностью лишь классическому уровню; интервальный знак создается интонацией. Семифинитивный знак создается лексико-грамматическим значением, благодаря причастности семифинитива как квантово-механическому, так и классическому уровням. Будучи лишенным семантики, интервальный знак стремится встроиться в единственно возможную для него классическую систему, подчиниться схеме построения звукоряда, следовать тональным или модальным принципам. Семифинитивный знак, обладая семантикой, априори встроен в квантово-механическую систему, и его встроенность в классическую систему хоть и имеет место в большинстве случаев, но не является жизненно необходимой. Впрочем, как мы говорили выше, принцип организации музыкального текста может оказаться сходным принципу организации языкового текста.

Музыкальный текст организован взаимоотношением мелодических и гармонических фигур, актуализируемых только интонацией; языковой текст организуется взаимоотношением фигур морфологических и синтаксических, которые актуализируются как интонацией, так и лексико-грамматическим значением. Возможно, жесткая интервальная организация музыкального текста необходима потому, что в нем совершенно нет семифинитивной организации. Интервальная организация языкового текста, в котором обязательно присутствует семифинитивная организация, является, поэтому, довольно мягкой. Можно даже предположить, что внедрение семифинитивной организации в музыкальный текст ослабляет его интервальную организацию и превращает его в языковой текст. Языковой текст, разумеется, не может быть отделен от речи, поскольку создается исключительно при ее посредстве.

В этом и обнаруживаются, видимо, точки соприкосновения речи и музыки. Языковая система при помощи музыкальной системы рождает речь, а музыка рождается лишь музыкальной системой.

Имиджевые публикации:

1. Антоненко А.А., Шумков А.А. Формально-логическая модель главных членов предложения в германских и романских языках. – СПб.:Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2009. – 205с. (Монография)
2. Степаненко И.С., А.А., Шумков А.А. Взаимодействие и организация глагольных и субстантивных членов предложения в германских языках. – СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2012. – 174с. (Монография)
3. Теплыгина И.М., Шумков А.А. Об изоморфности генетического и лингвистического кодов. // Известия СПбГЭТУ «ЛЭТИ», Серия «Гуманитарные науки». Вып. 5, 2013. - СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2013. С.133-140.
4. Петренко Г.К., Шумков А.А. Речь и музыка: точки соприкосновения. - СПб.:Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2014. – 193с. (Монография)

Щипицина Л.Ю. (Архангельск, Россия)

ВИДЫ ПОЛИКОДОВОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ

В связи с распространением и развитием информационных технологий все большую значимость в жизни каждого человека приобретают различные жанры интернет-общения. Одним из современных жанров интернет-коммуникации, ведущим свой отсчет от первого использования в 1995 году, является социальная сеть. В данной работе мы предлагаем обратиться к вопросу о поликодовости социальной сети, что можно считать одним из проявлений усложнения форм общения в современном глобальном мире.

Для изучения поликодовости социальной сети прежде всего дадим определение этого жанра. Социальная сеть определяется как веб-сервис, позволяющий представлять данные о себе, создавать списки друзей и просматривать их списки. В данном определении названы важнейшие функции социальных сетей: они служат для самопрезентации, установления связей между людьми (социальность) и обсуждения определенных тем через сообщения и комментарии в тематических дискуссиях (коммуникативность).

При этом ограничений по национальной принадлежности коммуниканта, создающего свой профиль в той или иной социальной сети, нет: в международных социальных сетях, крупнейшими из которых являются *Facebook*, *LinkedIn*, *Google+* и т.д., пользователи могут описывать свой профиль и общаться на любом удобном им языке. Это создает предпосылки для множественности *национальных* кодов общения (национально-языковая поликодовость), т.е. для таких явлений, которые в социолингвистике называются смешением и переключением кодов. Смешением кодов следует считать уже те случаи, когда в настроенной на родной язык пользователя социальной сети обсуждение определенной темы производится на другом языке, чаще всего, английском, выступающем языком международного общения. Здесь все автоматические сообщения и пункты меню социальной сети сформулированы на родном для пользователя языке, а реплики – на другом, иногда даже на нескольких, ср. коммуникацию в группе Applied Linguistics социальной сети *LinkedIn*

(www.linkedin.com/groups/Applied-Linguistics-1356867). Очевидно, что глобальность социальной сети требует от ее пользователей готовности к национально-языковой поликодowości общения, легкости переключения с одного национального кода общения на другой или одновременного использования нескольких национально-языковых кодов. При этом, поскольку общение в социальной сети изначально не синхронно, т.е. позволяет пользователю поразмышлять над написанным и привлечь словарь при возникновении трудностей понимания иного национального кода общения, то этот вид поликодowości в социальной сети не вызывает стресса при общении и может рассматриваться как средство формирования полиязыковой личности.

Еще одно проявление поликодowości в социальной сети связано с ее *медийными* параметрами. Как и любой другой жанр Всемирной паутины социальная сеть обладает высокой степенью мультимедийности, при этом мультимедийность по определению представляет собой объединение в одном текстовом образовании разных способов кодирования информации: вербально-словесного и визуально-графического, а в ряде случаев и звукового. Проявлениями мультимедийности в социальной сети можно считать использование в каждом ее блоке наряду с вербальным текстом фотографий и иконок, иногда видео. Так, каждое сообщение пользователя социальной сети сопровождается его аватаром (выбранной им самим фотографией или картинкой, служащей самопрезентации), гиперссылка «нравится» сопровождается иконкой с поднятым вверх большим пальцем, а фотографии в фотоальбомах сопровождаются словесными комментариями. Мультимедийность, характерная для разных веб-жанров, в т.ч. и для социальной сети, несколько меняет характер когерентности текстового целого: она реализуется здесь особым типом соотношения изобразительной и вербальной части текста, при этом изобразительная часть привносится, повторяется или варьируется в отношении к вербальной в составе целого текста.

Еще один вид поликодowości социальной сети можно обнаружить в смешении разных стилистических кодов общения: несмотря на специализацию социальных сетей, выражающуюся в выделении их различных видов (профессиональные, тематические, региональные и т.д.) принципиально социальная сеть объединяет в себе персональное и институциональное общение. Первое представлено в самопрезентации и тематических дискуссиях с друзьями и комментариях пользователей, второе – в профессиональных тематических группах, в которых дискуссия организуется от лица различных фирм и ориентирована на клиентов этих фирм. Так, в социальной сети *Facebook* фирма *Audi AG* публикует новости фирмы (www.facebook.com/Audi.AG), а подписчики этой тематической группы оставляют к каждой новости свои комментарии. Стиль публикаций фирмы сугубо официальный, комментарии же формулируются в нейтрально-разговорном стиле. В итоге тематическая дискуссия представляет собой некую смесь элементов официально-делового и обиходно-разговорного стиля, при этом маркерами смены стилистического кода является наименование адресанта (в этом качестве используется название фирмы или имя конкретного пользователя) и соответствующий аватар.

Таким образом, социальная сеть как один из современных и востребованных жанров общения представляет собой весьма интересное явление с точки зрения поликодowości. К видам поликодowości социальной сети мы относим национально-языковую и стилистическую поликодowości, а также мультимедийность. Поликодowości социальной сети предъявляет определенные требования к пользователям, которые обращаются к этому жанру: они должны быть готовы к постоянной смене речевых ролей, национально-языковых кодов общения и участию невербальных элементов в создании значения целого текста.

Имиджевые публикации:

1. Щипицина Л.Ю. Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации: монография. – Архангельск: Поморский университет, 2009. – 238 с.
2. Щипицина Л.Ю. Компьютерно-опосредованная коммуникация: лингвистический аспект анализа. – М.: КРАСАНД, 2010. – 295 с.
3. Щипицина Л.Ю. Средства реализации когерентности на веб-странице как мультикодовом гипертексте // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 2. С. 91-98.
4. Щипицина Л.Ю. Виды гибридности в компьютерно-опосредованной коммуникации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2014. Т. 14. № 3. С. 30-35.

Юдина Т. В. (Санкт-Петербург, Россия)

ДЕШИФРОВКА СМЫСЛОВЫХ КОДОВ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА

Каждый текст – это сложно организованная система, включающая определенные смысловые коды. Любой текст (в данном случае, и письменное и устное речевое образование) представляет собой мозаику органично переплетающихся смыслов, которые образуются на различных формально-содержательных уровнях текста и актуализируются в сознании его реципиента.

Цель переводчика – передать смысловую емкость переводимого произведения и его смысловую многоплановость. Достижение этой цели связано с решением двух задач: 1) переводчик должен понять смысл текста-оригинала и 2) воссоздать этот смысл средствами другого языка. Таким образом, основой переводческого процесса является интерпретация текста, направленная на дешифровку различных смысловых кодов и обнаружение прямых и скрытых смыслов, не обязательно осознаваемых автором текста или оратором. Декодирование смыслов в процессе перевода – самая трудная задача переводчика, поскольку неправильное понимание переводчиком кодовых параметров текста-оригинала влечет за собой искажение его смысла в целом.

Переводчик воспринимает фрагменты текста или устной речи последовательно, но сам процесс осмысления получаемой информации не является линейным. Переводческий процесс представляет собой серию мыслительных операций, направленных на дешифровку отдельных смыслов (языковых, стилисти-

ческих, культурных и т.д.) и формирование целостного смысла текста. Необходимо заметить, что важным звеном работы переводчика является предпереводческий анализ текста, а в случае устного перевода – подготовка к переводу на основе полученных переводчиком сведений о типе, характере, и теме текста, который ему предстоит переводить. Фактически, предпереводческий анализ и подготовка к переводу подготавливает комплексное осмысление текста и помогает в процессе перевода соединить в единое целое различные смыслы.

Для изучения переводческой деятельности, как процесса освоения различных смысловых кодов в тексте-оригинале представляется целесообразным разграничивать такие понятия, как «содержание текста» и «смысл текста». Смысл, как и содержание, является результатом понимания, но эти две сущности не тождественны друг другу. Содержание моделирует фрагмент действительности, о которой говорится в тексте; смысл представляет собой мысль о данном сегменте действительности, интерпретацию того, что сообщается в тексте.

Соотношение содержания и смысла может быть различным в зависимости от типа текста. В регламентированных текстах (официально-деловая документация, тексты научно-технической сферы) расхождение между смыслом и содержанием минимально, в художественных текстах – максимально. Соответственно мы можем говорить о наличии в данных типах текста прямых и скрытых смыслов: наличие скрытых смыслов характерно для художественных и публицистических текстов, и нетипично для научно-технической прозы и деловой документации.

Смысл формируется в сознании реципиента в результате понимания. Процесс вычленения смысла в определенной степени базируется на экспликации замысла автора\оратора, который при восприятии предстает как некоторый код, который подлежит расшифровке. Интерпретация и дешифровка смыслов, намеренно или произвольно заложенных автором или оратором в тексте-оригинале, зависит от целого ряда факторов, включая социокультурный контекст, характер переводческой ситуации и режим перевода, особенности воспринимаемого текста, личность самого переводчика, его жизненный опыт и когнитивный багаж. Когнитивные сферы и используемые коммуникативные коды автора\оратора и переводчика – различны, поэтому и смысл, который переводчик извлекает из текста-оригинала в результате интерпретации – будет не тождественен смыслу, который был заложен в него автором. Переводчик может не владеть тем или иным кодом, которым владеет автор\оратор, поэтому некоторый смысловой ущерб в процессе перевода неизбежен.

Интерпретация характерна не только для первого этапа переводческого процесса, когда происходит дешифровка смысловых кодов; она "отвечает" и за точность воспроизведения смысла текста-оригинала на другой язык. Второй этап процесса перевода – это не механическое воспроизведение некоего смыслового конструкта; смысл – категория динамическая и становится таковой именно благодаря интерпретационной деятельности переводчика, направленной на создание логической смысловой структуры вторичного текста средствами другого языка.

Это ещё раз говорит о том, что перевод – не просто передача речевого сообщения на основе механической трансформации знаков одного языка в другой, перевод – это процесс интерпретации смыслов и аналитического поиска средств выражения данного смысла.

Имиджевые публикации:

1. Терминологический аспект переводческой деятельности // Проблемы современной филологии и лингводидактики: Сборник научных трудов. Вып. 6. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2014. – С.33-38. (в соавт. с Елизаровой Л.В.).
2. Роль категориального аппарата текста в осмыслении переводческих проблем // *Studia Linguistica*: «Антропоцентрическая лингвистика: проблемы и решения» Сб. научных трудов. Вып. XXI. – СПб.: Политехника-сервис, 2012. – С. 278-284.
3. Developing Translation Competence through Peer-Editing // *CIUTI-Forum new needs, translators & programs on the translational tasks of the United Nations*. – Bern, Switzerland: Peter Lang AG, International Academic Publishers, 2011. Pp.123-128. (в соавт. с Сigareвой Н. В.).
4. Единица перевода: единица языка или единица смысла // *Studia Linguistica* XIX. Человек. Язык. Познание. Сборник научных трудов. – СПб.: Политехника-сервис, 2010. – С.150-157.

Ярославова Е.Н. (Челябинск, Россия)

ПЕРЕВЕРНУТЫЙ КЛАСС, ИНВЕРТИРОВАННОЕ ОБУЧЕНИЕ ИЛИ НОВЫЕ ПОДХОДЫ К УПРАВЛЕНИЮ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТОЙ В ПРОЦЕССЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПОДГОТОВКОЙ В ВУЗЕ

В условиях смены образовательной парадигмы с ориентацией на результативность образования актуальной задачей выступает поиск путей интенсификации иноязычной подготовки с акцентом на организацию продуктивной самостоятельной учебной деятельности, в процессе которой формируется активная позиция обучающегося как реального субъекта образовательного процесса, ответственного за процесс и результат своей деятельности. Являясь важным компонентом учебного процесса, самостоятельная деятельность обучающегося, составляющая основу продуктивного иноязычного образования (Н.Ф. Коряковцева) и формирующая базис для его непрерывности, требует новых подходов к организации процесса иноязычной подготовки. Исходя из этого, мы полагаем перспективным исследовать потенциал информационно-коммуникационных технологий с целью выявления резервов для обеспечения продуктивности образовательного процесса и развития личностных качеств будущего профессионала, необходимых для его самореализации в формирующемся обществе знаний.

Применительно к иноязычной подготовке под самостоятельной работой понимается самостоятельная учебная деятельность обучающихся, направленная на: а) овладение иностранным языком как средством познания и общения в ситуациях личностного и профессионального общения; б) формирование компе-

тенций самообразования с целью самостоятельного совершенствования достигнутого уровня владения языком, изучения второго/ третьего иностранного языка в рамках автономного обучения.

В этой связи, исходя из проблем, с которыми сталкиваются преподаватели иностранного языка (ограниченность аудиторного времени, высокая наполняемость учебных групп, существенные различия в уровне довузовской подготовки обучающихся), нас заинтересовал активно обсуждаемый в зарубежных и отечественных научных кругах подход “flipped learning” и его применимость к иноязычной подготовке в вузе. В русскоязычной литературе он получил название «перевернутый класс», однако наиболее приемлемым мы считаем использование термина «инвертированное обучение».

Интерес к данному подходу со стороны педагогов обусловлен стремлением разрушить традиционную, инструктивную модель образования, и используя информационно-коммуникационные технологии, осуществить перенос обучения из группового образовательного пространства в область индивидуального образовательного пространства обучающихся, при этом возникшее в результате данного процесса групповое образовательное пространство трансформируется в динамичную, интерактивную обучающую среду, где преподаватель осуществляет руководство деятельностью студентов в процессе усвоения ими учебного материала и творческого применения полученных знаний на практике [<http://flippedlearning.org/>]. Другими словами определённую часть строго отобранного и специально подготовленного учебного материала в форме видео или скринкастов обучающиеся осваивают в режиме самостоятельной работы, а ценное аудиторное время продуктивно используется для тренировки и закрепления самостоятельно изученного материала.

Часто инвертированное обучение сравнивают с дистанционным, смешанным или он-лайн обучением, поскольку они подразумевают использование видео, скринкастов и других форм визуализации учебного информации. Однако между ними имеются существенные различия. Так он-лайн обучение осуществляется дистантно посредством использования различных вариантов систем управления контентом через вебсайты и не всегда асинхронно. Смешанное обучение, хотя и включает элементы он-лайн обучения, предусматривает непосредственный контакт в режиме обучающий – обучающийся.

Главная идея инвертированного обучения заключается в том, что используя видео или другие информационно-коммуникационные технологии, вовлечь обучающихся в процесс активной познавательной деятельности за пределами аудитории, сделав их реальным субъектом учебного процесса.

Перечислим основные методологические принципы, отражающие суть данного подхода:

- гибкость образовательной среды, что подразумевает использование различных режимов и организационных форм обучения (групповая/ индивидуальная работа), вариативности видов контроля;
- субъектная активность обучающегося, ориентация на зону ближайшего развития, предполагающая вовлечение обучающихся в генерирование нового знания путём предоставления возможностей для освоения содержа-

ния, оценки результатов наиболее приемлемым для них стратегиями и способами;

- целенаправленность отбора содержания и приёмов работы с ориентацией на предварительное самостоятельное освоение материала во внеаудиторное время с последующей активной деятельностью на занятии, применяя разнообразные технологии (проблемные и коммуникативные задачи, проектное обучение, игры), в зависимости от уровня подготовки обучающихся;

- профессиональная компетентность педагога в аспекте его информационной компетентности – готовности использовать широкую палитру информационно-коммуникационных технологий

[http://flippedlearning.org/cms/lib07/VA01923112/Centricity/Domain/41/LitReview_FlippedLearning.pdf]^

Обобщая выше сказанное, мы видим, что данный подход реализует идею личностно-ориентированной парадигмы обучения. Речь идёт об управлении деятельностью обучающихся с акцентом на развитие студенческой автономии с использованием ряда информационно-коммуникационных технологий, что позволит существенно активизировать учебный процесс.

Имиджевые публикации:

1. Ярославова Е.Н. Инновационная образовательная среда как условие самореализации будущих профессионалов в непрерывном иноязычном образовании // Иностранные языки в профессиональной подготовке и самореализации специалистов высшей квалификации: коллективная монография / под ред. Е.Н. Ярославовой. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2012 – 370 с.
2. Ярославова Е.Н.. Развитие стратегий автономной учебной деятельности при работе с текстом как одно из условий содействия личностной самореализации обучающихся в непрерывном иноязычном образовании / Е.Н. Ярославова, М.Г. Федотова // Иностранные языки в профессиональной подготовке и самореализации специалистов высшей квалификации: коллективная монография; под ред. Е.Н. Ярославовой/ – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2012 – 370 с.
3. Ярославова Е.Н. Формирование компетенции саморазвития обучающихся в иноязычном образовании // Вісник Чернігівського національного педагогічного університету імені Т.Г. Шевченка. Вип. 119 / Чернігівський національний педагогічний університет імені Т.Г. Шевченка; гол. ред. Носко М.О. – Чернігів: ЧНПУ, 2014 (Серія: Педагогічні науки). С. 274–277.
4. Ярославова Е.Н. Об актуальности конструирования личного образовательного пространства будущего профессионала / Е.Н. Ярославова, М.Г. Федотова // Вестник Южно-Уральского университета. Серия: Образование. Педагогические науки. 2014. №3 (Том 6). С. 71-76.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ЗАСЕДАНИЯ

АБРАМЯН С.А. (ЕРЕВАН, АРМЕНИЯ) ЛИНГВО-КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ.....	3
БЕЛЯЕВА Л.Н. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ) ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ: СОСТАВ И СТРУКТУРА.....	4
БЫКОВА Е.В. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ) ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА КАК ПОЛИКОДОВАЯ АСИММЕТРИЧНАЯ КОММУНИКАЦИЯ.....	7
ВИКУЛОВА Л.Г. (МОСКВА, РОССИЯ) ЛЕГИТИМАЦИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ: ФРАНЦУЗСКАЯ АКАДЕМИЯ.....	8
ЖАРКЫНБЕКОВА Ш.К. (АСТАНА, КАЗАХСТАН) О ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН.....	11
КАРА-МУРЗА Е.С. (МОСКВА, РОССИЯ) ЯЗЫК И ДИСКУРС КОММЕРЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ (НА СОВРЕМЕННОМ РУССКОЯЗЫЧНОМ МАТЕРИАЛЕ).....	13
КИРИЛИНА А.В. (МОСКВА, РОССИЯ) СЕМИОТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕНДЕРНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ (2000 – 2015).....	15
КЛУШИНА Н.И. (МОСКВА, РОССИЯ). ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО МЕДИАОБРАЗОВАНИЯ.....	17
КОНЬКОВ В.И. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ) УТИЛИТАРНОСТЬ И ПОЛИКОДОВОСТЬ ТЕКСТА.....	18

СЕКЦИОННЫЕ ЗАСЕДАНИЯ.....21

АЛИКИНА Е.В. (ПЕРМЬ, РОССИЯ) РОЛЬ НАУКОМЕТРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В ОПИСАНИИ СТРУКТУРЫ ПЕДАГОГИКИ ПЕРЕВОДА.....	21
АЛМАЗОВА Н.И. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ) ФОРМИРОВАНИЕ КОМПЕТЕНТНОЙ ОСНОВЫ ИНОЯЗЫЧНОЙ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ У АСПИРАНТОВ МНОГОПРОФИЛЬНОГО ВУЗА.....	21
NURIA ALONSO GARCÍA (USA) HOW DO MULTIMODAL COMMUNICATION AND INTERCULTURAL LITERACY INTERSECT? PERCEPTIONS FROM RUSSIAN COLLEGE STUDENTS.....	24
АНДРЕЕВА А.А. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ) ИННОВАЦИОННАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА В СИСТЕМЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПОДГОТОВКИ МАГИСТРАНТОВ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА.....	25
АНИСИМОВА Е.Е. (МОСКВА, РОССИЯ) О ГИБРИДНОСТИ И КРЕОЛИЗОВАННОСТИ РЕЛИГИОЗНОГО НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИКАЦИЙ О ТУРИНСКОЙ ПЛАЩАНИЦЕ).....	27
БАБИНА Л.В. (ТАМБОВ, РОССИЯ) РОЛЬ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ПРИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДЕМОТИВАТОРА КАК ПОЛИКОДОВОГО ТЕКСТА.....	29
БАГРЕЦОВА Н.В. (АРХАНГЕЛЬСК, РОССИЯ) ОТРАСЛЕВОЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ КАК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ РЕСУРС ДВОЙНОГО НАЗНАЧЕНИЯ.....	31
БАЕВА Н.А. (КЕМЕРОВО, РОССИЯ) ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА КАК КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ.....	34
БАЖЕНОВА Е.А. (ПЕРМЬ, РОССИЯ) ДИСКУРСИВНЫЕ ПРИЗНАКИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ФИЛОЛОГОВ.....	36
БЕРЕЗОВСКАЯ И.П. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ) ЯЗЫК ФИЛОСОФИИ КАК ПРОБЛЕМА.....	38
БИСЕРОВА Н.В., МИШЛАНОВА С.Л. (ПЕРМЬ, РОССИЯ) МУЛЬТИМОДАЛЬНОСТЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СЧАСТЬЕ В ДИСКУРСЕ ФРАНЦУЗСКИХ СТУДЕНТОВ.....	40
БОБКО Е.А. (СОЧИ, РОССИЯ) ФАКТОР ИДЕОЛОГИИ ПРИ ИЗЛОЖЕНИИ ИСТОРИИ РОССИИ.....	42
БОГДАНОВА-БЕГЛАРЯН Н.В. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ) СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ УСТНАЯ РЕЧЬ, ИЛИ ЧТО МЫ ЗНАЕМ О ТОМ, КАК ГОВОРИМ.....	44
БРУТЯН Л.Г. (ЕРЕВАН, АРМЕНИЯ) РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ В ПОЛИКОДОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ.....	46

БЫКАНОВА В. И. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ) «БЫТОВЫЕ» ЭТНИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ КАК ЭЛЕМЕНТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА (НА ПРИМЕРЕ АНГЛОСАКСОНСКОГО КОНЦЕПТА «ВЫРУБКА»)	48
БЫШУК Г.В. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ) «ДИАЛОГ КУЛЬТУР»: ОБМЕН КУЛЬТУРНЫМИ ЦЕННОСТЯМИ VS «ВЖИВАНИЕ» В ЧУЖОЮ КУЛЬТУРУ	50
ВАЛИЕВА Ф.И. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ) RESILIENT GROUPS OF FOREIGN LANGUAGE TEACHERS: COMPONENTS AND STRUCTURE ANALYSIS	52
ВАРЛАМОВА В.Н. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ) ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ АССОЦИАТИВНОЙ СТРУКТУРЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА	54
ВОДЯНИЦКАЯ А.А. (МОСКВА, РОССИЯ) «ЗОЛОТАЯ СЕРЕДИНА» КАК КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ ОЦЕНОЧНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА	56
ВОЛДАРСКАЯ Е.Б., ПЕЧИНСКАЯ Л.И. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ) АСПЕКТЫ ОПТИМИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО	58
ГАВРИЛОВА А.В., КОГАН М.С. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ) ДИДАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЛИКОДОВЫХ ИНТЕРНЕТ РЕСУРСОВ В ОРГАНИЗАЦИИ ВНЕАУДИТОРНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ	60
ГАЛУШКО Т.Г. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ) ДИСКУРС СОВРЕМЕННЫХ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК И ЛИНГВИСТИКА ХХІ ВЕКА	62
ГЕЙХМАН Л.К. (ПЕРМЬ, РОССИЯ), СТАВЦЕВА И.В. (ЧЕЛЯБИНСК, РОССИЯ) ИННОВАЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: СИНЕРГИЯ ТЕХНОЛОГИИ И ТВОРЧЕСТВА	64
GÄRTNER T., SCHROTH-WIECHERT S. (GERMANY), KOGAN M. (RUSSIA)	67
ГЛАДКО М.А., ПОПЛАВСКАЯ Т.В. (МИНСК, БЕЛАРУСЬ) АРГУМЕНТИРОВАНИЕ – КОММУНИКАТИВНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ХХІ ВЕКА	68
ГОНЧАРОВА В.А. (МОСКВА, РОССИЯ) ГИПОТЕЗА ЦЕННОСТНОЙ «ИНВОЛЮЦИИ» В ПОЛИКОДОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ	70
ГРЕБЕНИЦКОВА А.В. (ЧЕЛЯБИНСК, РОССИЯ) СОВРЕМЕННАЯ ЛЕКЦИЯ КАК ФОРМА СЕТЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ	72
ГРИШАЕВА Л.И. (ВОРОНЕЖ, РОССИЯ) ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ И СИНТАКСИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ГИПЕРТЕКСТА В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ	75
ДАНИЛЕВСКАЯ Н.В., ВАНЬ НИН (ПЕРМЬ, РОССИЯ) НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКИЕ КЛЮЧЕВЫЕ СМЫСЛЫ В СЛОГАНАХ РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ АВТОМОБИЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ	77
ДМИТРИЕВ А.В. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ) ЛИНГВО-ГЕОГРАФИЯ КАК ОБЪЕКТ КОМПЛЕКСНЫХ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	79
ДМИТРИЕВА И.В. (МИНСК, БЕЛАРУСЬ) ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА КАК ФАКТОР ЛИНГВОДИДАКТИКИ	82
ДМИТРИЕВА Л.Ф. (МИНСК, БЕЛАРУСЬ) ЛИНГВО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ	84
ДЬЯКОВА Е.Ю. (ВОРОНЕЖ, РОССИЯ) ОСОБЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ВЕБ-САЙТА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ СОЗДАНИЯ НОВОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ВЕРСИИ ВЕБ-САЙТА ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)	86
ЖУК Л.Г. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ) ВОЗМОЖНОСТЬ ИНТЕГРАЦИИ ЗАРУБЕЖНЫХ МООК В ПРОЦЕСС ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ	87
ЗЕМЛИНСКАЯ Т.Е., ФЕРСМАН Н.Г. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ) СЕЛФИ КАК КУЛЬТУРНЫЙ КОД СОВРЕМЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОЙ СРЕДЫ	89
ИВАНОВА Е.А. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ) СПЕЦИФИКА ВЫРАЖЕНИЯ ОТКАЗА В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ КОММУНИКАТИВНЫХ КУЛЬТУРАХ	91
ИВАНОВА П.О. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ) ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ И СТУДЕНТА В СИСТЕМЕ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ LMS MOODLE	93

ИВАНОВА Т.Н. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ) ПОЛИКОДОВОСТЬ В КОНФЛИКТНОМ РЕЧЕВОМ ОБЩЕНИИ	95
ИЗЮМСКАЯ С.С. (РОСТОВ-НА-ДОНУ, РОССИЯ) СПОСОБЫ ВВОДА АНГЛИЦИЗМОВ В ГАЗЕТНЫЕ ТЕКСТЫ РАЗЛИЧНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ И СТРАТЕГИИ АВТОРА.....	97
КАЛИНОВА Е.В. (АРХАНГЕЛЬСК, РОССИЯ) СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНОЧНОГО КОМПОНЕНТА В ИСТОРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	99
КАМЕНСКАЯ Ю.В. (САРАТОВ, РОССИЯ) КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ ДИАЛЕКТНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ.....	101
КАШЕВАРОВ А.Н. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ) РУССКОЕ ЦЕРКОВНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ И РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ЕДИНСТВА РУССКОГО МИРА)	103
КЛЕПИКОВА Т.А. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ) МЕТАРЕПРЕЗЕНТАЦИОННЫЙ МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ КОНСТРУКЦИЙ ОЦЕНОЧНОЙ СЕМАНТИКИ	105
КОВАЛЕВА М.И. (НОВОСИБИРСК, РОССИЯ) РАЗВИТИЕ НАВЫКОВ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ	107
КОВАЛЕНКО М.П. (ПЕРМЬ, РОССИЯ) ЛЕКСИКОН-ТЕЗАУРУС КАК ВНЕШНЯЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ ОСНОВА ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ АУДИТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ.....	109
КОЗЛОВА М.М. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ) СПЕЦИФИКА ТРАНСЛЯЦИИ ЯЗЫКОВОГО И КУЛЬТУРНОГО КОДА ПРИ ПЕРЕВОДЕ СЛЕНГА В РОМАНЕ Э. БЁРДЖЕССА «ЗАВОДНОЙ АПЕЛЬСИН»	111
КОЗЫРЕВ В. А., ЧЕРНЯК В.Д. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ) УЧЕБНЫЕ СЛОВАРИ В СОВРЕМЕННОМ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	112
ЛИВШИЦ Р.Л. (КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ, РОССИЯ) ПРИЗНАКИ ГРАФОМАНИИ В НАУКЕ	114
ЛОЦМАНОВА Ю.А. (САМАРА, РОССИЯ) К ВОПРОСУ О ПОЛИКОДОВОСТИ ТОПОНИМОВ	117
ЛЯПКИНА Т.Ф. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ) ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ	119
ЛЯШЕНКО Е.С. (МИНСК, БЕЛАРУСЬ) ТЕКСТОСПЕЦИФИЧНОЕ КОДИРОВАНИЕ СИТУАЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА	121
МАНЦЕРОВА И.В. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ) НАУЧНАЯ ПЕРИОДИКА В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	123
НАЗИНА Г.А. (МИНСК, БЕЛАРУСЬ) ЯЗЫКОВАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ ОБЩИХ ТЕМ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ	125
НАУМОВ В.В. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ) ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: БЛАГИЕ НАМЕРЕНИЯ ПО ДОРОГЕ В АД	127
НИКИТЕНКО О.А. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ) ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОГРАММ-КОНКОРДАНСЕРОВ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ	129
НИКИФОРОВА Т.В. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ) КЛАССИФИКАЦИЯ МЕТАКОММУНИКАТИВНЫХ КОМПОНЕНТОВ ТЕКСТА КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ЖАНРОВ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА	131
НИКОНОВА Е. Н., КАБАНОВА Н. А. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ) ПРОГРЕССИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ В ИНОЯЗЫЧНОМ ОБРАЗОВАНИИ	133
ОМЕЛЬКИНА О.В. (САМАРА, РОССИЯ) СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ГЕНДЕРНОГО АСПЕКТА В СТРУКТУРЕ ВНУТРЕННЕЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА S. CRAMER „SMS FÜR DICH“)	135
ОФИЦЕРОВА Н.В. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ) ОБЪЕКТ – ЗАВОДСКОЕ СООБЩЕСТВО (К ВОПРОСУ О ВЛАСТНОМ ДИСКУРСЕ В 1920-Е ГГ.)	137
ПАНЧЕНКО Н.В. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ) СМЕШЕНИЕ ДИСКУРСОВ КАК ФАКТОР ТЕКСТООБРАЗОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ)	139
ПАНЫШЕВА Т.Ю. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ) САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА	

СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ С ИНТЕРНЕТ СЛОВАРЯМИ КАК ФАКТОР УСПЕШНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ	141
ПОПЛАВСКАЯ Т. В., СВИСТУН Т.И. (МИНСК, БЕЛАРУСЬ) «ЦЕЛЬ – ИНТЕНЦИЯ – СТРАТЕГИЯ – ТАКТИКИ – ПРИЕМЫ» КАК СХЕМА ПОСТРОЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	144
ПОПОВ Д.Г. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ) ГЛОБАЛЬНЫЕ ГОРОДА КАК ПРОСТРАНСТВО ПОЛИКОДОВОЙ КОММУНИКАЦИИ	146
ПРИГАРИНА Н.К., СЕРЕБРЯКОВА М.В. (ВОЛГОГРАД, РОССИЯ) ПОЛИКОДОВОСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ: РИТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	149
РАЦИБУРСКАЯ Л.В. (НИЖНИЙ НОВГОРОД, РОССИЯ) СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ КАК СРЕДСТВО ОЦЕНКИ В МЕДИЙНОМ ОСВЕЩЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ	150.
РЕБИКОВ В.Б., ПУЗЕЙКИНА Л.Н. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ) ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СДО MOODLE ПРИ ОБУЧЕНИИ УСТНОЙ РЕЧИ НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА	152
РЫМКЕВИЧ О.Е. (МИНСК, БЕЛАРУСЬ) МОДАЛЬНЫЕ КОГЕЗИИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)	154
РЯБУХИНА Ю.В. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ) ПОЛИКОДОВОСТЬ ДИСКУРСА КАК ЭЛЕМЕНТ МНОГОНАПРАВЛЕННОЙ МАРКЕТИНГОВОЙ СТРАТЕГИИ	156
САЛАХОВА А. Г.-Б. (ЧЕЛЯБИНСК, РОССИЯ) КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И ПРОБЛЕМА МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ	157
САФРОНЕНКОВА Е.Л. (АРХАНГЕЛЬСК, РОССИЯ) ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ФАКТОР ТЕКСТОБРАЗОВАНИЯ ГУМАНИТАРНОГО АНГЛИЯЗЫЧНОГО НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ТЕКСТА	160
СЕРГЕЕВА Е.В. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ) БИБЛЕИЗМЫ ЗАКОН И БЛАГОДАТЬ КАК МАРКЕРЫ КУЛЬТУРНОГО КОДА В ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ «ЭТИКИ ПРЕОБРАЖЕННОГО ЭРОСА» Б.П. ВЫШЕСЛАВСКОГО)	161
СОТСКОВА О.А., СПИРИДОНОВА Н.С. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ) ИНТЕНСИФИКАЦИЯ И ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ ВТОРОМУ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАЦИОННОЙ КОМПЕТЕНЦИИ	163
СТЕПАНОВА М.М. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ) ТЕХНОЛОГИЯ MIND MAP ПРИ ОБУЧЕНИИ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА В МАГИСТРАТУРЕ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «ЛИНГВИСТИКА»	165
СТЕПАНИН Л.А. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ) ПОЛИКУЛЬТУРНЫЙ ПЕТЕРБУРГ: ЕДИНСТВО В РАЗНООБРАЗИИ	167
СУЛЕЙМАНОВА О.А. (МОСКВА, РОССИЯ) ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБРАЗА ГОРОДА: ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ	169
ТАРЕВА Е.Г. (МОСКВА, РОССИЯ) ИННОВАЦИИ В ИНОЯЗЫЧНОМ ОБРАЗОВАНИИ: ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ И КОДИФИКАЦИИ	170
ТЕРЕНТЬЕВА Е.Б. (ВОЛГОГРАД, РОССИЯ) ГИПЕРТЕКСТОВОЕ ПРОСТРАНСТВО АНГЛОЯЗЫЧНЫХ И РУССКОЯЗЫЧНЫХ САЙТОВ РЕСТОРАНОВ	172
ТЕРЕНТЬЕВА Е.В. (ВОЛГОГРАД, РОССИЯ) ПОЛИФОНИЧНОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОГО ЗАМЫСЛА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Е.А. КУЛЬКИНА «ПРОЩЕННЫЙ ВЕК»)	174
ТРЕТЬЯКОВА Т.П. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ) КОНЦЕПЦИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО МАНЕВРИРОВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ СОСТАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ПЕРЕВОДНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ	176
УЛЬЯНОВА С.Б. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ) ОТ ИСТОРИИ СССР К ИСТОРИИ РОССИИ: ОБРЕТЕНИЯ И ПОТЕРИ ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	178
ФЕСЕНКО С.Л. (МОСКВА, РОССИЯ) КУЛЬТУРА РЕЧИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ	180
ФИЛИМОНОВА Г.И. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ) ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ВЛИЯНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	

МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕНИЯ	182
ФОМИНА З.Е., ЛАВРИНЕНКО И.Ю. (ВОРОНЕЖ, РОССИЯ) ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ФРЭНСИСА БЭКОНА КАК НОСИТЕЛЯ АНГЛИЙСКОГО КУЛЬТУРНОГО КОДА	184
DR NATALIA FRITSLER (BOCHUM, GERMANY) CULTURAL DIVERSITY IN HIGHER EDUCATION	186
ХАЛЯПИНА Л.П. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ) ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ДЛЯ ПРОДУКТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПОЛИКОДОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ.....	188
ХОМЯКОВА Е.Г. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ) СОЦИАЛЬНЫЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ ПАРАМЕТРЫ СОБЫТИЙНОЙ СИТУАЦИИ	190
ЧЕМОДУРОВА З.М. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ) ИГРА В ПОЛИКОДОВОМ ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ	192
ЧУХАРЕВ-ХУДИЛАЙНЕН Е.М. (ЭЙМС, США) ФОРМИРУЮЩАЯ ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ НА ОСНОВАНИИ АВТОМАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СТУДЕНЧЕСКИХ ЭССЕ)	194
ШАДРИНА Н.А. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ) НОРМА КАК КОМПОНЕНТ КУЛЬТУРНОГО КОДА ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ	196
ШАПОВАЛОВА Н.Г. (САРАТОВ, РОССИЯ) ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В СОВРЕМЕННОЙ АНИМАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛНОМЕТРАЖНЫХ ФИЛЬМОВ «АЛЕША ПОПОВИЧ И ТУГАРИН ЗМЕЙ», «ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ И ЗМЕЙ ГОРЫНЫЧ», «ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИК», «ИВАН ЦАРЕВИЧ И СЕРЫЙ ВОЛК», «ИВАН ЦАРЕВИЧ И СЕРЫЙ ВОЛК 2»)	198
ШИМБЕРГ С.С. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ) МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В РАМКАХ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОГО ЭЛЕКТРОННОГО УЧЕБНОГО ПРОЕКТА	200
ШУМКОВ А.А. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ) РЕЧЬ И МУЗЫКА – ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ	203
ЩИПИЦИНА Л.Ю. (АРХАНГЕЛЬСК, РОССИЯ) ВИДЫ ПОЛИКОДОВОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ.....	205
ЮДИНА Т.В. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ) ДЕШИФРОВКА СМЫСЛОВЫХ КОДОВ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА	207
ЯРОСЛАВОВА Е.Н. (ЧЕЛЯБИНСК, РОССИЯ) ПЕРЕВЕРНУТЫЙ КЛАСС, ИНВЕРТИРОВАННОЕ ОБУЧЕНИЕ ИЛИ НОВЫЕ ПОДХОДЫ К УПРАВЛЕНИЮ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТОЙ В ПРОЦЕССЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПОДГОТОВКОЙ В ВУЗЕ ..	209

**КОММУНИКАЦИЯ
В ПОЛИКОДОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
ЛИНГВО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ,
ДИДАКТИЧЕСКИЕ, ЦЕННОСТНЫЕ АСПЕКТЫ**

Материалы международной научной конференции

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор продукции
ОК 005-93, т. 2; 95 3004 — научная и производственная литература

Подписано в печать 29.04.2015. Формат 60×84/16. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 13,5. Тираж 100. Заказ 13059b.

Отпечатано с готового оригинал-макета, предоставленного
Издательством Политехнического университета,
в Типографии Политехнического университета.
195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29.
Тел.: (812) 552-77-17; 550-40-14.